

Актуальные
вопросы
психологии
в исследованиях
студентов и
аспирантов

Санкт-Петербург, 2019

**Актуальные вопросы
психологии
в исследованиях
студентов и аспирантов**

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ**

Санкт-Петербург, 2019

УДК 159.9

А 43

Рецензенты:

Антонова Н. А., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник института психологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Микляева А. В., доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

А 43 Актуальные вопросы психологии в исследованиях студентов и аспирантов. Сборник научных статей / под редакцией Е. Н. Волковой. – М.: СВИВТ, 2019. – 106 с.

ISBN 978-5-4362-0074-3

В сборнике представлены научные статьи, подготовленные по результатам исследований студентов и аспирантов Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

ISBN 978-5-4362-0074-3

УДК 159.9

© Коллектив авторов
© Издательство СВИВТ

СОДЕРЖАНИЕ

Балтийская Д. А., Пархоменко О. Г. Взаимоотношения сверстников в речевых группах детского сада в зависимости от способности детей к децентрации: результаты эмпирического исследования	4
Гордиенко В. А., Терешкина И. Б. Представление о близости у мужчин с разными типами привязанности: результаты эмпирического исследования	10
Кареглазова А. А., Орлова А. В. Факторы возникновения психологического насилия по отношению к детям со стороны родителей	18
Коренева Е. В., Терешкина И. Б. Представления об одиночестве у русскоязычных студентов, получающих образование в России и за рубежом	25
Кулакова В. И., Векилова С. А. Жизненная позиция личности и ее взаимосвязь с типом первичной привязанности	33
Мамброян М. А., Виноградов П. Н. Представления об ответственности у подростков с разным уровнем отношения к природным объектам как предпосылка этического выбора в социоприродном взаимодействии	38
Орликовская Е. В., Кондакова И. В. Особенности познавательных процессов высокоэффективных инспекторов транспортной безопасности петербургского метрополитена	45
Полежай И. С., Безгодова С. А. Характерологические и личностные предпосылки к формированию делинквентного поведения у подростков	53
Сотникова Д. С., Чежина Я. В. Мотивация физкультурно-спортивной деятельности студентов вуза	61
Телякова Д. А., Васильева С. В. Эго-направленность личности и копинг-стратегии студентов-первокурсников	69
Ушанова В. А., Васильева С. В. Особенности детско-родительских отношений и развитие эмоционально-волевой сферы младших школьников	76
Хакимова Е. З., Семенова Г. В. Влияние иррациональных установок на удовлетворенность отношениями с партнером у женщин в добрачный период	83
Харитонова Е. С., Векилова С. А. Исторические стили отношения родителя к ребенку и их элементы в современном родительстве	90
Яблонская А. О., Клецина И. С. Нормативные модели женского поведения, транслируемые на форумах женских интернет-журналов	98

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СВЕРСТНИКОВ В РЕЧЕВЫХ ГРУППАХ ДЕТСКОГО САДА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СПОСОБНОСТИ ДЕТЕЙ К ДЕЦЕНТРАЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Балтийская Д. А., студентка 4 курса Института психологии
РГПУ им. А. И. Герцена, dashabalt111@mail.ru

Пархоменко О. Г., кандидат психологических наук, доцент кафедры
психологии развития и образования РГПУ им. А. И. Герцена, quis2@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимоотношений сверстников в речевых группах детского сада в зависимости от способности детей к децентрации. Для оценки способности к децентрации было использовано четыре методики: три методики Ж. Пиаже на когнитивную децентрацию и одна методика М. Дональдсон на социальную децентрацию. Для оценки коммуникативных способностей была использована карта наблюдения за проявлениями коммуникативных способностей у дошкольников, авторы А. М. Щетинина, М. А. Никифоров. Для определения социометрического статуса детей изучаемой группы была выбрана методика «Два домика» Т. Д. Марцинковской. Результаты проведенного исследования показали, во-первых, что чем более развита способность детей с общим недоразвитием речи (ОНР) к децентрации, тем более развиты у них коммуникативные качества и умения, тем более высокий статус в детской группе они занимают. Во-вторых, дети дошкольного возраста с общим недоразвитием речи (ОНР) отстают от своих сверстников с нормальным развитием речи в преодолении эгоцентризма в мышлении и уровне развития коммуникативных навыков. Полученные результаты могут быть положены в основу рекомендаций по психологическому сопровождению детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи (ОНР). Основанная цель такого сопровождения – преодоление эгоцентризма, формирование способности к оцениванию той или иной ситуации с разных точек зрения.

Ключевые слова: дети дошкольного возраста с общим недоразвитием речи, децентрация, коммуникативные способности, социометрический статус, преодоление эгоцентризма.

Введение. Представленное в статье исследование можно считать актуальным, так как в современной психологии есть ряд важных вопросов, касающихся развития способности децентрации у ребенка дошкольного возраста.

Одним из первых, кто стал активно изучать проблему децентрации, был Ж. Пиаже. Вслед за ним феномен децентрации стали изучать отечественные и зарубежные психологии: Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, Л. С. Обухова, Д. Б. Эльконин, В. А. Недоспасова, Б. Уайт, Дж. Смедслунд, А.-Н. Перре-Клермон, Дж. Флэйвелл, М. Дональдсон. В отличие от Ж. Пиаже, который считал, что детский эгоцентризм носит тотальный, доминирующий характер, и преодолеть эгоцентризм в мышлении ребенок может только тогда, когда у него созрели интеллектуальные структуры, большинство психологов предполагают, что ребенок еще в дошкольном возрасте проявляет способность к децентрации, а также существуют определенные условия и пути, с помощью которых ребенку можно помочь преодолеть центрированное восприятие мира.

Большинство исследований, который на данный момент представлены в психологии, были проведены на детях с нормальным развитием речи [1; 3; 6]. Число детей, страдающих общим недоразвитием речи (ОНР), в последние десятилетие стало резко возрастать. Исследования, которые были проведены, носят фрагментарный характер или практически не затрагивают личностную и эмоциональную сферу детей с общим недоразвитием речи (ОНР) [2; 7]. Чем более выражен речевой дефект, тем более вероятно, что у ребенка будут неблагоприятные взаимоотношения со сверстниками.

Программа исследования. Основной целью исследования было изучить особенности коммуникативной сферы детей с ОНР и уровень децентрации, которого они достигли, показать, что способность к децентрации у детей с общим недоразвитием речи и развитие у них коммуникативных качеств и умений тесно взаимосвязаны.

В исследовании приняли участие 59 детей дошкольного возраста в возрасте от 5 лет 7 месяцев до 6 лет 5 месяцев. Это 30 детей с общим недоразвитием речи из государственного бюджетного дошкольного образовательного учреждения детского сада № 14 компенсирующего вида Василеостровского района Санкт-Петербурга и 29 детей с нормальным развитием речи из государственного бюджетного дошкольного образовательного учреждения детского сада № 32 комбинированного вида Василеостровского района Санкт-Петербурга. Время проведения исследования: октябрь-декабрь 2018 года.

Для оценки способности к когнитивной децентрации было использовано три методики Ж. Пиаже: «Тест трех гор», «Тест трех братьев» и методика на оценку понимания принципа сохранения количества вещества при изменении формы предмета «Тест на сохранение количества», так как Ж. Пиаже был убежден, что без развития логических операций ребенок не сможет преодолеть эгоцентризм в мышлении. Для оценки способности к социальной децентрации был использован Тест с полисменом М. Дональдсона, который состоит из двух задач. Для оценки коммуникативных способностей была использована карта наблюдения за проявлениями коммуникативных способностей у дошкольников, авторы А. М. Щетинина, М. А. Никифоров. Для определения социометрического статуса детей изучаемой группы была выбрана методики «Два домика» Т. Д. Марцинковской.

Статистическая обработка результатов проводилась с помощью описательной статистики, χ^2 -критерия Фишера, U- критерия Манна-Уитни, коэффициента ранговой корреляции r-Спирмена.

Результаты. Результаты исследования когнитивной и социальной децентрации детей с общим недоразвитием речи позволили распределить их по пяти группам в связи с их возможностями преодоления эгоцентризма. Данное деление на группы представлено ниже в таблицах 1-2.

Таблица 1.

*Результаты диагностики способности к децентрации у детей
с общим недоразвитием речи*

Группа (количество детей)	Когнитивная децентрация (познавательная)			Социальная децентрация		Уровень развития децентрации (%)
	Тест на сохранение количества Пиаже	Тест «Трех братьев» Пиаже	Тест «Трех гор» Пиаже	Тест М. До- налдсон №1	Тест М. До- налдсон №2	
1 группа (5)	+	+	+	+	+	100
2 группа (5)	+	+	-	+	+	80
3 группа (16)	+	-	-	+	+	60
4 группа (2)	-	-	-	+	+	40
5 группа (1)	-	-	-	+	-	20

Таблица 2.

*Результаты диагностики способности к децентрации у детей
с нормальным развитием речи*

Группа (количество детей)	Когнитивная децентрация (познавательная)			Социальная децентрация		Уровень развития децентрации (%)
	Тест на сохранение количества Пиаже	Тест «Трех братьев» Пиаже	Тест «Трех гор» Пиаже	Тест М. До- налдсон №1	Тест М. До- налдсон №2	
1 группа (9)	+	+	+	+	+	100
2 группа (13)	+	+	-	+	+	80
3 группа (7)	+	-	-	+	+	60

Первые две группы детей с ОНР достигли или практически достигли когнитивной и социальной децентрации. Остальные три группы если и достигли, то только социальной децентрации, с когнитивной они испытывают еще значительные затруднения.

Наблюдение за коммуникативными способностями детей с ОНР на основе карты наблюдения показало уровень развития коммуникативных качеств, действий и умений: для первой группы детей характерен средний уровень развития коммуникативных способностей, для остальных групп – низкий уровень. Для детей первых двух групп характерны социометрические статусы типа «популярные» и «предпочитаемые». У детей третьей группы выявлены все варианты статусов. А для четвертой и пятой групп характерны статусы «изолированные» и «отвергаемые». Показатели социометрического статуса указывают на то, что дети первых двух групп занимают наиболее высокие статусные позиции.

Обсуждение результатов. Анализ полученных данных показал, что 76% исследуемой группы детей с нормальным развитием речи практически преодолели эгоцентризм в мышлении. Среди же детей с общим недоразвитием речи этот процент значительно ниже – только 34% детей исследуемой группы преодолели эгоцентризм. При этом число детей с общим недоразвитием речи, не способных к когнитивной децентрации, но понимающих принцип

сохранения формы вещества при изменении форм предмета, способных к социальной децентрации, составило 53,3%. Только 24% детей с нормальным развитием речи находятся в подобной группе. Использование ф-критерия Фишера подтвердило, что у детей с нормальным развитием речи более развита способность к децентрации, чем у детей с общим недоразвитием речи ($\varphi^*_{эмп} = 3.148$ при $p < 0,01$).

Коммуникативные действия и умения наиболее развиты у детей первых двух групп: они способны договориться с другими детьми, лучше выражают свои мысли и предложения в речи, стремятся быть лидерами, организовывая совместную игру. Дети из других трех групп демонстрируют более низкий уровень развития коммуникативных действий и умений, они плохо перестраивают свое поведение в процессе общения в соответствии с ситуацией и особенностями собеседника. Эта картина характерна как для детей с нормальным развитием речи, так и для детей с ОНР.

Если более подробно рассмотреть результаты сравнительного анализа показателей социометрического статуса и коммуникативных способностей детей группы ОНР с разной степенью децентрации, то становится очевидным, что у детей с суммарным показателем децентрации от 80% и выше коммуникативные способности развиты значительно выше, чем у детей с этим же показателем децентрации ниже 60% (см. таблицу 3).

Таблица 3.

Результаты сравнительного анализа показателей социометрического статуса и коммуникативных способностей детей группы ОНР с разной степенью децентрации

	Децентрация 80% и выше	Децентрация 60 % и ниже	U	p-value
<i>Методика «Два домика» Т.Д. Марцинковская</i>				
Положительный выбор	217,00	189,00	18,00	0,000608
<i>Карта наблюдений за проявлениями коммуникативных способностей у дошкольников (А. М. Щетинина, М. А. Никифорова)</i>				
Коммуникативные качества личности	222,00	184,00	13,00	-
1.Эмпатийность	225,00	181,00	10,00	-
2.Дображелательность	209,00	197,00	26,00	0,002330**
3.Непосредственность, аутентичность, искренность	204,50	201,50	30,50	0,004672**
4.Открытость в общении	214,00	192,00	43,00	0,025781*
5.Конфронтация	219,50	186,50	48,50	0,049323*
6.Инициативность	210,00	196,00	39,00	0,015466*
Коммуникативные действия и умения	235,00	171,00	0,00	-
1.Организационные	233,50	172,50	1,50	-
2.Перцептивные	207,00	199,00	28,00	0,003191**
3.Оперативные	235,00	171,00	0,00	-
Коммуникативные способности	233,500	172,50	1,500	-

*Примечание: * - различия статистически достоверны ($p \leq 0,05$); ** - различия статистически достоверны ($p \leq 0,01$)*

Этот вывод подтверждает и корреляционный анализ (группа детей с ОНР), представленный ниже (см. рисунок 1).

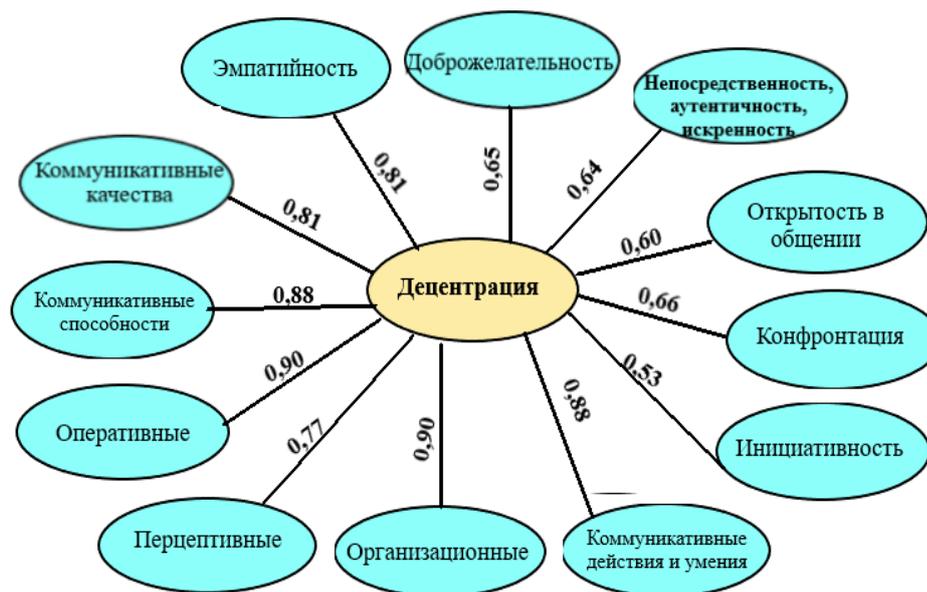

Рисунок 1. Взаимосвязи децентрации и показателей коммуникативных способностей у детей с общим недоразвитием в речи

Способность к децентрации положительно коррелирует со всеми показателями по карте наблюдений за проявлениями коммуникативных способностей у дошкольников ($p \leq 0,05$). Это значит, чем ребенок более способен видеть различные точки зрения на объект, тем более развиты психологические особенности личности, обеспечивающие эффективное взаимодействие и адекватное взаимопонимание между людьми в процессе общения или выполнения совместной деятельности.

Полученные результаты достоверно подтверждают, что для детей с ОНР с более высоко развитой способностью к децентрации характерен и более высокий уровень развития коммуникативных способностей. Они стараются эмоционально реагировать на чувства и переживания других детей, чувствуют их потребности, желания, пытаются помочь, могут поддерживать длительное общение, выступают лидерами и стремятся быть в центре игр.

На основе полученных данных можно рекомендовать некоторые элементы психологического сопровождения детей с ОНР. К примеру, строить отношения с ребенком по типу кооперации. В этих отношениях происходит активное взаимодействие между мнением взрослого и мнением ребенка, что дает опыт координации различных точек зрения. При столкновении точек зрения у ребёнка возникают сомнения, и он начинает активно искать доказательства своей правоты, что способствует развитию мышления.

Необходимо давать ребенку возможность решать конфликтные ситуации самостоятельно, обсуждать с ним предмет спора конфликта, говорить о

действиях, которые могли бы помочь в решение конфликта, играть с ребенком и давать ребенку играть в сюжетно-ролевые игры. Во время игры ребенок принимает на себя определенную роль, а роль непременно связана с взаимоотношениями людей и необходимостью отойти от своей точки зрения. Темой для игры может стать любая ситуация, где ребёнок проявил эгоцентризм, взрослый в этой ситуации будет играть ребенка. Это поможет ребенку посмотреть на ситуацию и свое поведение со стороны, что способствует развитию у ребенка способности вставать на позицию другого.

Выводы. Общее недоразвитие речи накладывает свой отпечаток на развитие способности к децентрации и на развитие коммуникативных способностей. Чем больше ребенок может отойти от своей позиции и посмотреть на ситуацию глазами другого, тем больше он способен проявляет эмоциональный отклик на чувства и переживания партнера по общению, тем более высокий статус в группе он занимают и тем меньше риск оказаться социально неадаптированным. Дети с общим недоразвитием речи отстают от своих сверстников с нормальным развитием речи в преодолении эгоцентризма, в мышлении и развитии коммуникативных способностей, они чаще занимают в группе более низкий, неблагополучный статус.

Полученные результаты могут быть положены в основу рекомендаций по психологическому сопровождению детей дошкольного возраста с ОНР, основной целью которого будет преодоления эгоцентризма, формированию способности к оцениванию ситуаций с различных точек зрения.

Литература

1. Андреева А. Д. Становление способности к децентрации в дошкольном возрасте // Теоретическая и экспериментальная психология. 2016. Том 9. №4. С. 39-52.
2. Волковская Т. Н., Юсупова Г. Х. Психологическая помощь дошкольникам с общим недоразвитием речи / Под научной ред. И. Ю. Левченко. М.: Национальный книжный центр, 2014. 96 с.
3. Ермаков П. Н., Воробьева Е. В., Кайдановская И. А., Стрельникова Е. О. Модель психического и развитие мышления у детей дошкольного возраста // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. №. 3. С. 72-80.
4. Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: Учеб. пособие для студентов психол. специальностей и направлений / Под ред. Л.Ф. Обуховой, Г.В. Бурменской. М.: Гардарики, 2001. 622 с.
5. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2004. 192 с.
6. Погожина И. Н. Децентрация у дошкольников: эмпирический анализ феномена, или что на самом деле диагностируют методики Хьюза и Пиаже // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2011. № 3. С. 132-143.
7. Терентьева В. И. Социально-психологические особенности детей с нарушениями речи 6-7 лет // Дефектология: научно-методический журнал. 2000. №4. С. 74-77.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БЛИЗОСТИ У МУЖЧИН С РАЗНЫМИ ТИПАМИ ПРИВЯЗАННОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Гордиенко В. А., студентка 4 курса Института психологии
РГПУ им. А. И. Герцена, alivewillbeplove@gmail.com

Терешкина И. Б., кандидат психологических наук, доцент кафедры
психологии человека РГПУ им. А.И. Герцена, irborter@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования представления о близости у мужчин с разными типами привязанности. Целью исследования явилось изучение представления о близости у мужчин с различными типами привязанности. В качестве методов исследования были выбраны анкетирование и проективные методы. Выявлена специфика представлений о близости у мужчин с различными типами привязанности на осознаваемом и неосознаваемом уровнях. Показано, что позитивное понимание близости мужчинами с ненадежной привязанностью на осознаваемом уровне вступает в противоречие с их представлением о близости на неосознаваемом уровне.

Ключевые слова: близость, близкие отношения, привязанность, мужчины.

Введение. В последнее время интерес к изучению феномена близости в межличностных отношениях возрос как в зарубежной, так и в отечественной психологической науке.

Согласно подходу Дж. Боулби [1], формирование эмоциональной близости определяется наличием «надежной» опекающей фигуры в детстве. При этом эмоционально холодные или чрезмерно опекающие родители могут способствовать формированию у ребенка дисфункциональных паттернов, которые накладывают «отпечаток» на жизнь взрослого человека и его способность выстраивать близкие отношения.

В отечественной психологии в последние несколько лет изучением возникающих в близких отношениях феноменов и их восприятием партнерами занимаются такие исследователи, как Т. П. Григорова, О. А. Екимчик, Т. В. Казанцева, В. Н. Куницына и др. [2; 3; 4; 5]

На данный момент не существует однозначного определения эмоциональной (психологической) близости, возникающей в романтических (близких) отношениях. Так, Т. В. Казанцева [2], обобщая опыт зарубежных исследователей, приходит к выводу, что психологическая близость, являясь многоплановым понятием, наделяется различными авторами неодинаковыми смыслами и рассматривается как одна из стадий развития отношений, самораскрытие, чувство или состояние, черта личности (избегание близости), либо же когнитивный конструкт (включение Другого в «Я-концепцию»).

М. М. Пастушик дает следующее определение эмоциональной близости: это феномен неформальных межличностных отношений, заключающийся в наличии психологического контакта между партнерами и стремлении раскрыть свой внутренний мир, которые формируются на основе взаимного доверия, принятия, понимания, сочувствия и готовности партнеров к эмоциональной поддержке по отношению друг к другу [6].

При анализе литературных источников по заданной теме нам не удалось найти работ, которые описывали бы специфику представлений о близости у мужчин в контексте первичной привязанности, что и определило наш интерес к данной теме.

Программа исследования. Целью настоящего исследования стало изучение своеобразия представлений о близости у мужчин с различными типами первичной привязанности.

В проведенном исследовании приняли участие 120 респондентов мужского пола в возрасте от 20 до 47 лет, (средний возраст – 28 лет, σ – 7), которые в соответствии с диагностированными типами привязанности были разделены на четыре группы (надежный, тревожно-озабоченный, избегающе-отвергающий, испуганно-избегающий). Сбор данных производился в феврале-марте 2019 года с помощью интернет-опроса и личного взаимодействия с респондентами. У обследуемых в данном исследовании не производился учет дополнительных социально-демографических характеристик в связи с незначительной их ролью.

Методы исследования. Типы первичной привязанности определялись при помощи опросника Г. Г. Филипповой и Н. В. Матушевой.

Для анализа специфики представлений о близости у мужчин с различными типами привязанности *на осознаваемом уровне* был проведен ассоциативный эксперимент на слово-стимул «близость». С помощью метода контент-анализа мы распределили полученные в результате ассоциативного реагирования ответы респондентов из разных групп на категории.

В качестве метода, позволяющего изучить специфику представлений мужчин о близости *на неосознаваемом уровне*, была выбран методика цветowych метафор И. Л. Соломина [7], основанием для разработки которой явился цветовой тест отношений (ЦТО) А. М. Эткинда с использованием набора цветов из теста Люшера. Нами было использовано 64 слова-стимула, характеризующих различные аспекты близких отношений, а также некоторые самоидентификационные понятия. Наиболее важными для нашего исследования представляются такие слова-стимулы, как «близость», «доверие», «любимый человек», «моя жена», «моя семья». Ключевым является понятие «близость». Полученные данные обрабатывались с помощью метода кластерного анализа.

Результаты исследования. На первом этапе исследования мы анализировали представления о близости мужчин с разными типами привязанности *на осознаваемом уровне*. На рисунке 1 размещено графическое представление ассоциативного реагирования мужчин надежного типа на слово-стимул «близость».

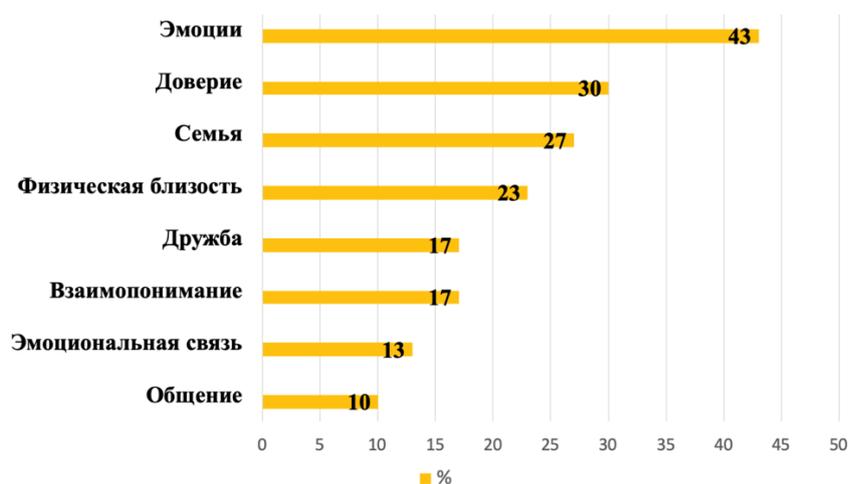

Рисунок 1. Ассоциации мужчин надежного типа привязанности на слово-стимул «близость»

Как видно из рисунка 1, 43 % мужчин с надежным типом привязанности отмечали ассоциации, относящиеся к категории «эмоции». В категорию вошли такие слова, как «любовь», «тепло», «спокойствие», «страсть», «чувства», «счастье», «уважение», «удовольствие». Второе ранговое место занимает категория «доверие» (30% мужчин), куда помимо понятия «доверие» вошли такие высказывания, как «отсутствие страхов и зажимов перед любимым человеком», «доверие сокровенного». 27% мужчин ассоциируют близость с семьей: «семья», «построение дома», «брак».

Далее, на рисунке 2 размещены категории ассоциаций мужчин с тревожно-озабоченным типом привязанности.

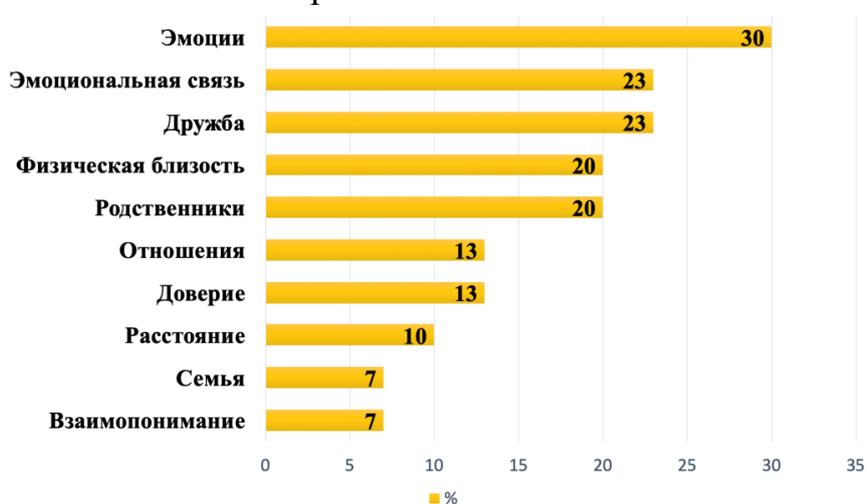

Рисунок 2. Ассоциации мужчин тревожно-озабоченного типа привязанности на слово-стимул «близость»

Как видно из гистограммы, первое ранговое место в группе мужчин с тревожно-озабоченной привязанностью также занимает категория «эмоции». 30% мужчин этой группы связывают «близость» с «любовью», «счастьем», «чувствами». Следующей частотной категорией (23% мужчин) является категория «эмоциональной связи», то есть респонденты ассоциируют

«близость» с проявлениями, характеризующими эмоциональную связь между людьми: «действие в унисон», «слияние», «психологическая близость», «узы», «способность знать, что чувствует партнёр». Такая же доля респондентов с озабоченным типом привязанности (23%) ассоциируют «близость» с «дружбой» и «товариществом».

Рисунок 3 иллюстрирует категории ассоциаций по группе мужчин с избегающе-отвергающей привязанностью.

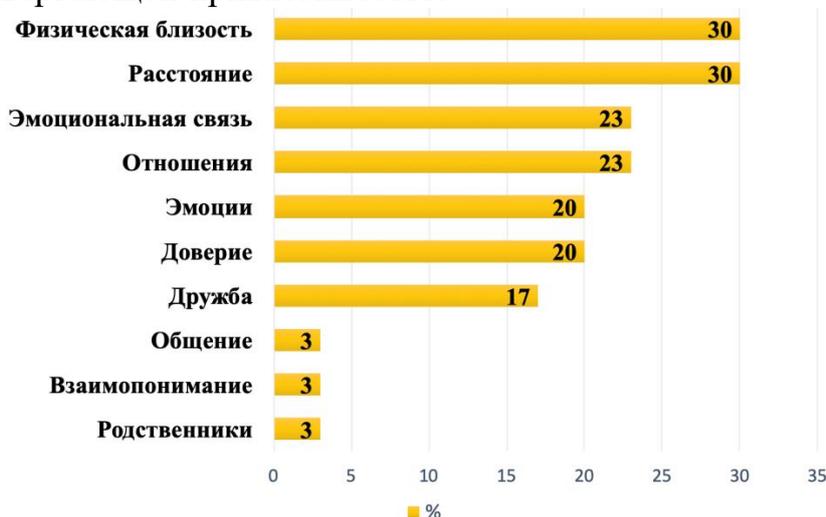

Рисунок 3. Ассоциации мужчин избегающе-отвергающего типа привязанности на слово-стимул «близость»

В отличие от мужчин с надежным и тревожно-избегающим типом привязанности, для 30% респондентов с избегающим типом в понимании близости характерен акцент на ее физическом аспекте. В эту категорию вошли такие слова и высказывания, как «объятия», «поцелуи», «секс», «интимная связь». Такое же количество ассоциации, в этой группе относятся к категории «расстояние». Респонденты указывали, что близость для них ассоциируется с «расстоянием между объектами, предметами, дистанцией» и так далее. Категория «эмоциональная близость» свойственна 23% мужчин: респонденты ассоциирует «близость» с эмоциональной связью между людьми, которая для них воплощается в амбивалентных определениях: «взаимная тяга друг к другу», «душевная близость» и при этом «не всегда удобный допуск человека в личное пространство».

Ассоциации мужчин с испуганно-избегающей привязанностью приведены на рисунке 4.

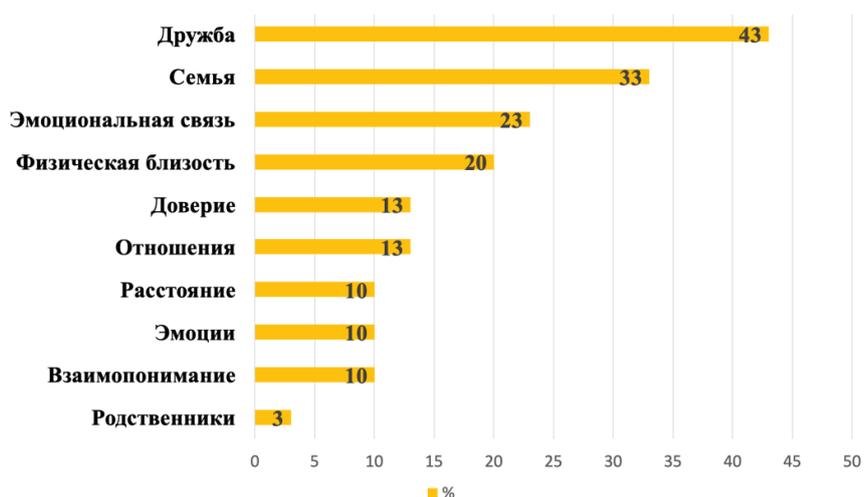

Рисунок 4. Ассоциации мужчин испуганно-избегающего типа привязанности на слово-стимул «близость»

Из рисунка 4 видно, что у 43% мужчин испуганно-избегающего типа привязанности присутствует категория «дружба», в которую вошли слова и высказывания, относящиеся к *дружеским отношениям*. Второй по частотности является категория «семья» у 33% мужчин: сюда вошли слова и высказывания, относящихся к сфере семейных отношений. Третье ранговое место занимает категория «эмоциональная связь». Она присутствует у 23% респондентов этой группы, которые ассоциируют «близость» с такими словами и высказываниями, как, например, «*вхождение в личное пространство другого человека*», «*раскрепощение мыслей*», «*контакт*», «*поддержка*».

Итак, стоит отметить, что, во-первых, представленные категории по частотности выстроены в разных группах неодинаково. Так, категория «*доверие*» является более частотной в группе мужчин с надёжной привязанностью, чем в остальных группах. Категория «*семья*» является более частотной в группах у мужчин с надёжной и испуганной-избегающей привязанностью, а у мужчин с избегающе-отвергающей привязанностью вовсе отсутствует, что может указывать на возможный травматичный опыт детства и отсутствие актуализированной потребности в создании семьи. Категория «*эмоциональная связь*» по частотности наиболее выражена в группе мужчин с озабоченной привязанностью, что свидетельствует о приоритетной потребности выстраивать близкие взаимоотношения. У мужчин с избегающе-отвергающим типом привязанности доминантами в представлении о близких отношениях являются «*физическая близость*» и необходимость сохранения определенной дистанции между партнерами.

Также следует отметить, что категория «*расстояние*» совсем не встречается у мужчин надежного типа привязанности. Можно допустить, что появление данной категории у избегающе-отвергающего типа указывает на нежелание респондентов выходить на более глубокий уровень осознания, отсутствие потребности в выстраивании близких отношений.

В-третьих, одинаковые категории ассоциаций, представленные в разных группах, имеют качественные различия. Так, категория «*эмоциональная*

близость» имеет наиболее интенсивную выраженность в группе мужчин с озабоченной привязанностью и раскрывается в словах, которые по большей части указывают на некую очень тесную эмоциональную связь, таких как «симбиоз», «слияние». Напротив, в остальных группах категория «эмоциональная близость» представлена в менее эмоционально окрашенных вариантах, либо имеет совсем другую направленность. Так, мужчины из группы с избегающе-отвергающей привязанностью вкладывают в эту категорию как позитивные, так и негативные смыслы. Из этого можно сделать вывод, что у мужчин с озабоченной привязанностью выражена тенденция стремления к близости, а мужчин с избегающе-отвергающей привязанностью – наоборот.

На втором этапе исследования полученные результаты были уточнены анализом представлений о близости у мужчин с различными типами привязанности на *неосознаваемом уровне*.

С помощью кластерного анализа данных, собранных на основе теста цветowych метафор, мы получили следующие результаты.

У мужчин с надежным типом привязанности «близость» входит в кластер позитивных понятий и наиболее связана с «комфортом», «спокойствием» и «заботой». Открытость соотносится со «свободой» и «счастьем», брак воспринимается как безопасная среда, выстраиваемая на основе *искренности* и дающая возможность быть таким, какой ты есть на самом деле. Образ семьи для мужчин с надежной привязанностью соотносится с понятиями «радости», «любви», «счастья». Собственный образ имеет позитивную окраску и связывается с такими словами, как «доверие», «уважение», «удовольствие». Образ партнера в отношениях («любимый человек», «жена») связывается с понятиями «дружба» и «понимание».

У мужчин с озабоченным типом привязанности ключевое понятие «близость» объединяется с понятиями «Я», «мое настоящее» и «контроль». Связь с понятием «мое настоящее» указывает на актуальность потребности в близости, ближайшая связка с образом *реального и идеального Я* говорит о включенности потребности в близости в структуру идентичности, присутствие понятия «контроль» раскрывает механизм безопасного поддержания близости. Образы *партнера, семьи, брака* связываются с положительными понятиями «доверия», «любви», «самостоятельности», «спокойствия», «заботы», «дружбы». Группа мужчин с избегающе-отвергающим типом привязанности ключевое слово-стимул «близость» связывают со «спокойствием», но при этом она попадает в кластер по большей части негативных понятий: «одиночество», «обида», «тревога», «ссора» и «опасность». Этот же кластер включает такие эмоциональные характеристики как «тоска», «грусть», «безразличие», «контроль», «неуверенность», «напряжение».

Интересно заметить, что *дружба* как вид близких отношений мужчинами с избегающе-отвергающим типом привязанности связывается с *безопасностью, идеальным образом себя, заботой*, а любовь – с *ответственностью*, при этом она отодвигается в *будущее*, что может говорить о потенциальной желательности этого переживания, *при дефиците удовлетворения*

потребности в нем в настоящем. Образ семьи ассоциирован с образом Я, а брак мыслится как союз с любимой женщиной, в котором должны присутствовать искренность, нежность и доверие. Однако этот образ не имеет временной маркировки, что интерпретируется как определенная степень фрустрации, присутствующие же в настоящем отношения описываются как влюбленность и не имеют конкретных характеристик.

В группе мужчин с испуганно-избегающим типом привязанности, «близость» наиболее тесно связывается с «дружбой», «независимостью», «принятием». Фигура любимого человека позитивна, соотносится с влюбленностью, искренностью, поддержкой, пониманием, счастьем. Но в то же время, восприятие реального брака и жены совершенно иное: брак связывается с обидой, ревностью, контролем, манипуляцией, тревогой, разочарованием; «моя жена» вызывает у мужчин с испуганно-избегающим типом привязанности такие ассоциации, как «опасность», «разлука», «раздражение», «предательство», «отчаяние».

Обсуждение результатов. Можно констатировать, что на осознаваемом уровне понимание близости мужчинами с надежной и ненадежной привязанностью преимущественно позитивно. При этом смысловая доминанта понимания близости у мужчин надежного типа заключается в позитивной эмоциональной насыщенности, доверии, эмоциональной включенности, приоритетности взаимопонимания, искренности и открытости между партнёрами, направленности на создание семьи и продолжение рода. Такое же непротиворечивое позитивное представление о близости у них присутствует и на неосознаваемом уровне.

Мужчины с озабоченным типом ориентированы в близких отношениях на тесную эмоциональную связь по типу слияния, приносящую позитивные эмоции, воплощающуюся в любви и дружбе. Однако, из-за высокой степени беспокойства по поводу отношений, они ощущают больше спокойствия и стремления к открытости при возможности контролировать партнера, что, по-видимому, снижает присутствующую на неосознаваемом уровне тревогу.

У мужчин избегающе-отвергающего типа при акценте на физическую, страстную составляющую близости, положительное вербальное ассоциирование слова «близость» вступает в противоречие с негативным восприятием близости в тесте цветочных метафор. Их восприятие реальных отношений характеризуются поверхностью, некоторой абстрактностью и сопровождается негативным эмоциональным фоном и дискомфортом.

Мужчины испуганно-избегающего типа относят близость прежде всего к понятиям «дружбы» и «семьи», от которых они многого ожидают, но на неосознаваемом уровне имеют негативное представление о близости, близких отношениях и образе себя. При высоких ожиданиях от идеальных близких отношений их представления о близости характеризуются наибольшим расхождением между желаемым и действительным, а также высоким уровнем стресса в этой зоне.

Выводы. Прделанный анализ подводит нас к выводу, что при общем позитивном понимании близости на осознаваемом уровне мужчинами с надежной и ненадежной привязанностью, у мужчин с ненадежной привязанностью фиксируется наличие нейтрального фона, чего не проявляется у мужчин с надежной привязанностью. В отличие от позитивного представления о близости у надежного типа, респонденты ненадежного типа привязанности демонстрируют неоднозначно окрашенное, амбивалентное представление о близости, для которого свойственно расщепление на осознаваемом и неосознаваемом уровне.

Литература

1. Боулби Дж. Привязанность. Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. статья Г. В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003. 480 с.
2. Григорова Т. П. Совладание с деструктивной привязанностью в романтических отношениях взрослых // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2014. № 6. С. 271-277.
3. Екимчик О. А. Близкие отношения мужчины и женщины как контекст диадического стресса и копинга // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2017. №4. С. 77-82.
4. Казанцева Т. В. Исследование психологической близости в теории привязанности // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 12. № 4. с.94-98.
5. Куницына В. Н., Казанцева Т. В. Воспроизведение типов привязанности в отношениях с близкими людьми // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 12. 2009. Вып. 1, Ч. II. С.3-7.
6. Пастушик М. М. Эмоциональная близость: построение структурной и эмоциональной моделей // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 12. 2009. Вып. 2. Ч.1. С. 27-36.
7. Соломин И. Л. Современные методы психологической экспресс-диагностики и профессионального консультирования. СПб.: Речь, 2006. 210 с.

ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДЕТЯМ СО СТОРОНЫ РОДИТЕЛЕЙ

Кареглазова А. А., студентка 2 года магистратуры Института психологии
РГПУ им. А. И. Герцена, anndyuar@yandex.ru

Орлова А. В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
развития и образования РГПУ им. А. И. Герцена, anyaorlova@list.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования факторов психологического насилия в семье, проведенного с применением опросника Басса-Дарки и методики незаконченных ситуаций Н. Д. Михеевой. Показано, что возраст детей вносит вклад в показатели вербальной агрессии, реакций родителей на активность подростков и суммарный показатель родительской компетентности; здоровье детей вносит вклад в показатели реакций родителей на желания и протест подростков и суммарный показатель родительской компетентности; возраст родителей и сочетание показателей «возраст родителей и запрос на психологическую помощь» вносит вклад в суммарный показатель родительской компетентности. На основе полученных результатов в качестве основных «мишеней» сопровождения родителей выделены: повышение родительской компетентности через формирование навыков ненасильственного общения, представлений о ненасильственных способах поддержания дисциплины.

Ключевые слова: психологическое насилие в отношении детей, родительская компетентность, профилактика психологического насилия.

Введение. Психологическое насилие часто не признается родителями как вид насилия и воспринимается как мера воспитательного воздействия. Многие родители пользуются такими интервенциями, как принуждение, устыжение, игнорирование, угрозы, унижения, что по сути является проявлениями психологического насилия [8]. Часто после позитивного воздействия родители применяют различные формы психологического насилия или используют и те, и другие методы одновременно, чтобы поддерживать дисциплину, контролировать и корректировать поведение детей [3, с. 78-79]. **Психологическое насилие** над ребенком можно описать как постоянное или эпизодическое воздействие родителей или других значимых взрослых, приводящее к состоянию напряжения и нарушения безопасности, эмоциональным или поведенческим нарушениям, нарушению социализации, адаптации и другим нарушениям развития [1, с. 97; 4, с. 9; 5, с. 45; 10, с. 110-111].

Психологи, работающие с детьми, пострадавшими от насилия, отмечают, что сегодня внешне благополучная семья также не защищена от риска насильственного воздействия на ребенка, как и семья неблагополучная [12]. Одним из способов решения данных проблем можно рассматривать повышение родительских компетентностей. **Родительская компетенция** – это социально-педагогический феномен, обуславливающий совокупность интегративных качеств личности родителя, включающих когнитивный, ценностно-мотивационный, эмоциональный и поведенческий компоненты, задаваемых по отношению к своему ребенку, и необходимых для качественной реализации воспитательного воздействия на ребенка [6, с. 108]. Родительская

компетентность включает в себя знание особенностей развития детей, методов их воспитания; предыдущий опыт (умения и навыки) реализации этих знаний, готовность к их реализации; сформированное ценностно-смысловое отношение к имеющимся опыту и знаниям, а также эмоционально-волевою регуляцией их реализации во взаимодействии с ребенком [2, с. 282].

Таким образом, цель исследования заключается в необходимости изучения факторов возникновения психологического насилия по отношению к детям со стороны родителей для дальнейшего определения направлений профилактической работы с родительской аудиторией.

Программа исследования. В период с ноября 2018 года по январь 2019 года нами был проведен дистанционный опрос родителей подростков с помощью Google forms в сети Интернет. В структуру опроса входили социологическая анкета, опросник Басса-Дарки и методика незаконченных ситуаций для диагностики родительских компетентностей Н. Д. Михеевой (далее – МНС) [8]. Группа респондентов формировалась случайным образом через распространение опроса в социальных сетях. В опросе приняли участие 35 родителей подростков (34 женщины, 1 мужчина) в возрасте от 30 до 60 лет (средний возраст 38,6 лет). В семьях всех опрошенных был как минимум один ребенок подросткового возраста. Полученные данные были обработаны методом дисперсионного анализа в программе IBM SPSS Statistics 22.

Результаты. По результатам контент-анализа показателей МНС (реакций родителей на ситуации проявления подростками протеста, желаний, активности и страданий) было выявлено, что уровень родительских компетентностей по выборке низкий, родители избирательно реализуют конструктивные и неконструктивные стратегии взаимодействия с подростком, тем самым проявляют в одних ситуациях родительскую компетентность, а в других – некомпетентность. Анализ показателей опросника Басса-Дарки показал, что по суммарному показателю агрессивности и по отдельным шкалам (вербальная агрессия, косвенная агрессия, раздражение) половина респондентов имеет высокий уровень выраженности, низкие показатели характерны только для 14-20 % респондентов [11].

Был проведен дисперсионный анализ, чтобы понять, какие характеристики выборки, полученные в опросе, связаны с показателями агрессивности по методике Басса-Дарки и с родительскими компетенциями по методике незаконченных ситуаций (МНС). В качестве зависимых переменных были взяты внутренние шкалы и интегральные показатели данных методик, независимыми переменными были выбраны социальные характеристики респондентов и их семей. Статистически значимые результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Вклад социальных характеристик семьи в изменчивость показателей по методикам Басса-Дарки и МНС

Независимая переменная	Зависимая переменная	F	Уровень значимости
Возраст детей	Активность (МНС)	6,164	0,006
	Вербальная агрессия	3,618	0,040
	Суммарный показатель МНС	3,729	0,038
Здоровье детей	Суммарный показатель МНС	4,941	0,034
	Желания (МНС)	4,709	0,038
	Протест (МНС)	4,173	0,050
Возраст родителей	Суммарный показатель МНС	10,548	0,000
Возраст родителей * запрос на психологическую помощь	Суммарный показатель МНС	5,040	0,007

На графике 1 видно, что тенденция изменения показателей зависимых переменных по группам имеет схожий рисунок. Наиболее высокий уровень компетентностей родителей по переменным «активность» и «суммарный показатель МНС» зафиксирован в ответах третьей группы, т.е. в семьях, где есть несколько детей, подросткового и юношеского возрастов. Это может быть связано с тем, что в эти периоды несовершеннолетние совершают выбор профессии, выстраивают маршрут послешкольного обучения. Родители

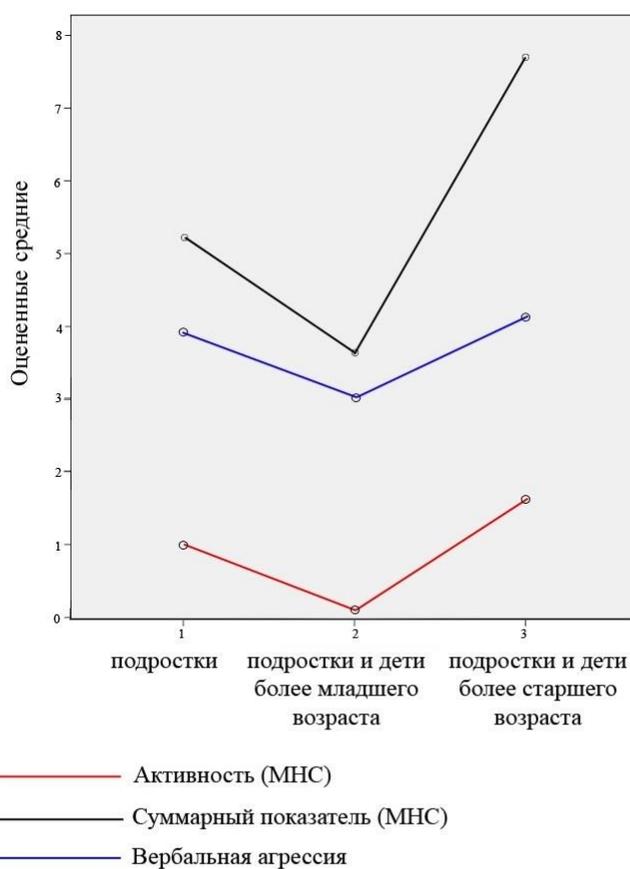

График 1. Влияние переменной «возраст детей» на переменные «активность (МНС)», «суммарный показатель МНС», «вербальная агрессия»

ожидают от них большей самостоятельности, а старшие дети становятся фактором, обуславливающим и отношение к детям-подросткам. Наиболее низкий уровень компетентностей отмечается в ситуации проявления активности детей подросткового и младшего (младшего школьного и дошкольного) возрастов. Это достаточно сложные ситуации для родителей, поскольку подростки тестируют границы и добиваются своей самостоятельности, а рядом находятся младшие дети, которые требуют другого внимания и другой заботы, смотрят на старших сиблингов и могут копировать

их поведение. Дифференцированное взаимодействие с детьми в данной группе затруднено. Средний уровень компетентностей отмечается в группе семей с детьми только подросткового возраста. Это может отражать спекулятивную позицию родителей по отношению к подросткам – в одних случаях они «еще маленькие» (в ситуациях уменьшения контроля родителя), в других «уже взрослые» (в ситуациях, где родители стремятся отдать ответственность ребенку).

Наиболее высокий уровень вербальной агрессии родители проявляют с детьми в 3 группе, немного меньше с детьми в 1 группе. Это может быть связано с беспомощностью родителей (когда у них нет конструктивных методов воздействия), с особенностями детей (они отстаивают свою позицию, требуют уважения к себе, ограничивают свое личное пространство), с эмоциональной напряженностью родителей (тогда вербальная агрессия становится способом эмоциональной разрядки). Гораздо меньше по сравнению с 1 и 3 группами родители проявляют вербальную агрессию в семьях, где есть дети подросткового и младших возрастов. Родители часто стремятся оградить малышей от некультурных выражений и нецензурной брани. Это может быть сдерживающим фактором в общении с подростками, поскольку младшие дети не изолированы от семьи и наблюдают за взаимодействием ее членов.

График 2 отражает тенденцию изменения зависимых переменных «желания (МНС)», «протест (МНС)», суммарный показатель МНС. Уровень компетентности реакции родителей в ответах по всем трем переменным ниже в группе здоровых детей, чем в группе детей, имеющих проблемы со здоровьем. Это можно объяснить особенным отношением к детям с проблемами здоровья. Типичной реакцией родителей на ухудшение здоровья ребенка является повышение заботы и внимания.

Описанные родителями проблемы здоровья (недостатки зрения, слуха, хронические болезни, учет невропатолога, психиатрический учет) требуют особого отношения (условия пребывания, режим дня и деятельности, медицинские препараты, диета и т.д.). И это может выступать фактором, повышающим осознанность, терпимость родителей.

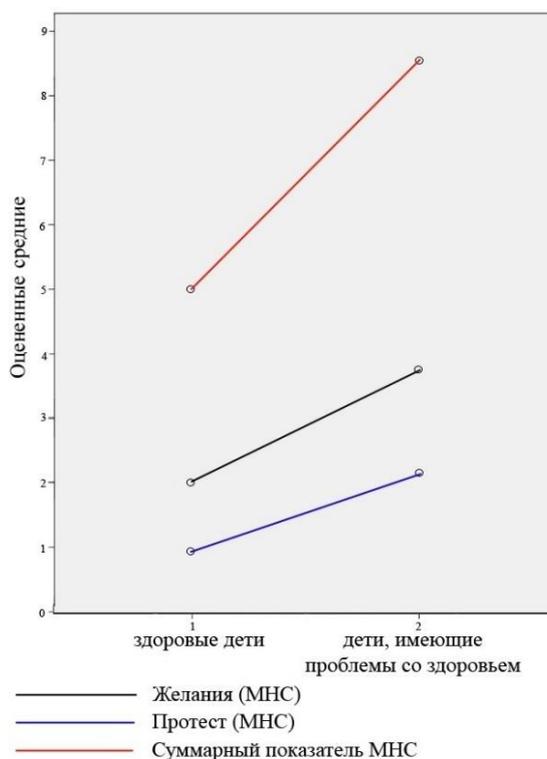

График 2. Влияние переменной «здоровье детей» на переменные «желания (МНС)», «протест (МНС)», суммарный показатель МНС

В случае хронических, неврологических и психических болезней детей родители могут испытывать вину перед ребенком, тогда они могут в качестве компенсации или искупления больше прислушиваться к желаниям ребенка и адекватнее реагировать на них. Требования родителей к здоровым детям, как правило, жестче и строже, а ожидания сильнее, чем к нездоровым детям. Поэтому реакция на протест и желания здорового ребенка может быть грубой и неучливой, а на протест ребенка с проблемами здоровья более гибкой и щадящей, с большим пониманием, принятием и сочувствием.

На графике 3 видно, что наиболее высокий уровень родительских компетентностей отмечен в группе родителей старше 40 лет, наиболее низкий – у родителей 35-40 лет, группа родителей 30-35 лет находится ниже среднего уровня, но выше 2 группы.

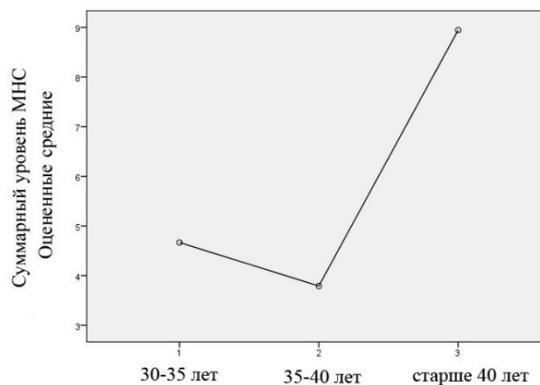

График 3. Влияние переменной «возраст родителей» на переменную «суммарный уровень (МНС)»

Если рассматривать жизненный цикл семьи, все 3 группы находятся в стадии зрелой семьи (возраст супругов 30 – 40-45 лет) [26, с. 168]. В возрасте 30 лет наступает кризис «подведение итогов и коррекция», на возраст 37-40 лет приходится «кризис середины жизни». И в это же время дети входят в подростковый кризис или находятся в нем. Такая ситуация может усложнять взаимодействие в семье как между супругами, так и в диаде родитель-ребенок. После 40 лет родительские компетентности имеют тенденцию к повышению. Это может быть связано с завершением кризисов родителя и ребенка, а повторное проживание родителем подросткового периода второго, третьего и т.д. ребенка может восприниматься более уверенно благодаря опыту взаимодействия с первым ребенком-подростком.

На графике 4 в первой группе родители, не определившиеся в необходимости психологической помощи, имеют низкий уровень родительских компетентностей. Родители, имеющие запрос на помощь психолога, показывают средний уровень компетентностей. Отказ от помощи в данной группе не зафиксирован. Во второй группе родители, не определившиеся в необходимости психологической помощи и имеющие запрос на психологическую помощь, имеют примерно одинаковый уровень компетентностей ниже среднего уровня. Родители, не желающие обращаться к психологу, имеют низкий уровень компетентностей. В третьей группе родители, не считающие необходимым

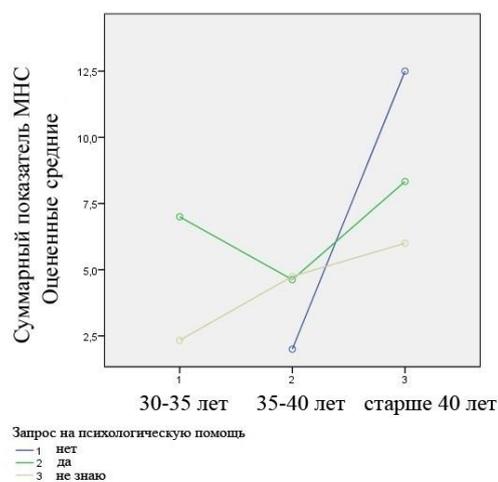

График 4. Влияние переменных «возраст родителей» + «запрос на психологическую помощь» на переменную «суммарный уровень (МНС)»

обращаться к психологу, имеют наиболее высокий уровень компетентностей. Родители, желающие получить психологическую помощь, имеют уровень компетентностей выше среднего. А родители, сомневающиеся в своем запросе, имеют компетентности уровня ниже среднего. При этом уровень компетентностей в данной группе выше по сравнению с 1 и 2 возрастными группами. В 3 группе по сравнению с двумя другими уровень компетентностей выше, это может быть связано с опытом и прохождением кризисов родителей и старших детей, прошедших подростковый возраст. В 1 группе нет родителей, однозначно отказавшихся от помощи, это может быть связано с тем, что они в самой молодой возрастной группе респондентов. Практика показывает, что у родителей старшего возраста (примерно за 40 лет) есть мнение, что психологи только вредят, а родители «посовременнее» легче относятся к психологической поддержке.

Обсуждение результатов и выводы

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Возраст детей вносит значимый вклад в показатели вербальной агрессии, реакций родителей на активность подростков и суммарный показатель родительской компетентности. Уровень вербальной агрессии имеет тенденцию к повышению в семьях с детьми-подростками и семьях с детьми подросткового и юношеского возрастов. Это может говорить об узком спектре ненасильственных и конструктивных способов взаимодействия родителей с данной возрастной категорией.

2. Здоровье детей вносит вклад в показатели реакций родителей на желания и протест подростков, суммарный показатель родительской компетентности. Имеется тенденция к повышению уровня родительских компетентностей в семьях с нездоровыми детьми. Детей с диагнозом сопровождают специалисты, они объясняют родителям особенности болезни, детей и дают рекомендации по уходу и поддержанию здоровья ребенка. И это подчеркивает актуальность профилактических программ для родителей здоровых подростков, поскольку рядом с ними не всегда находится специалист, помогающий лучше понять подростков.

3. Возраст родителей и сочетание показателей «возраст родителей и запрос на психологическую помощь» вносят вклад в суммарный показатель родительской компетентности. В практике часто бывает так, что те, кому действительно нужна помощь психолога, как правило, не идут за ней. Это особенно актуально, если родитель является агрессором по отношению к ребенку. Также сам родитель может находиться в возрастных кризисах, что в совокупности с подростковым кризисом обостряет ситуацию детско-родительских отношений и создает риск насильственного взаимодействия.

Таким образом, родители нуждаются в поддержке, а групповая работа с такими же родителями позволит получить ресурс и снизить эмоциональное напряжение. Повышение родительских компетентностей, обучение родителей ненасильственному общению и альтернативным насильственным способам

поддержания дисциплины может способствовать снижению риска применения к детям психологического насилия в семье.

Литература

1. Алексеева И. А., Новосельский И. Г. Жестокое обращение с ребенком Причины. Последствия. Помощь. М., Генезис, 2006. 256 с.
2. Горбачева В. И. Родительская компетентность как социальная проблема // Вестник РГГУ. 2009. № 2 С. 276-283.
3. Жестокое обращение с детьми и пренебрежение их нуждами в семье в Кыргызской Республике. Б.: 2010. 142 с.
4. Журавлева Т. М., Сафонова Т. Я., Цымбал Е. И. Помощь детям – жертвам насилия. М.: Генезис, 2006. 112 с.
5. Защита детей от жестокого обращения / Под ред. Е. Н. Волковой. СПб.: Питер, 2007. 256 с.
6. Коваленко Т. В. Родительская компетенция как фактор современного содержания образования // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 4 (48) С. 102-113.
7. Михеева Н. Д. Методика незаконченных ситуаций (МНС) для диагностики родительской компетентности // Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к измерениям: сб. ст. / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: ИП, 2009. С. 279-296.
8. Млодик И. Ю. Метаморфозы родительской любви, или как воспитывать, но не калечить. 8-е изд. М.: Генезис, 2018. 160 с.
9. Основы психологии семьи и семейного консультирования: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под общ. ред. Н. Н. Посысоева. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. 328 с.
10. Цымбал Е. И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия. М: РБФ НАН, 2010. 286 с.
11. Кареглазова А. А. Родительская компетентность и агрессия как факторы риска психологического насилия в отношении детей в семье // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов [Электронный ресурс]. М: МАКС Пресс, 2019. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. 1600 Мб. 11000 экз.
12. Кареглазова А. А. Феномен психологического насилия над детьми в семье глазами психологов практиков // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2018. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. 1450 Мб. 10000 экз.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ У РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ, ПОЛУЧАЮЩИХ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Коренева Е. В., студентка 4 курса Института Психологии
РГПУ им. А. И. Герцена, elenakrosh2008@yandex.ru

Терешкина И. Б., кандидат психологических наук, доцент кафедры
психологии человека, РГПУ им. А.И. Герцена, irborter@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены представления об одиночестве у русскоязычных студентов, получающих образование в России и за рубежом. Целью исследования являлось изучение специфики представлений об одиночестве у русскоязычных студентов, которые обучаются в России и за рубежом. Методами исследования выбраны анкетирование и проективный метод (методика цветowych метафор И. Л. Соломина). В результате выявлены основные отличия в представлениях студентов об одиночестве как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровне.

Ключевые слова: одиночество, представления, образование за рубежом, студенты.

Введение. В современном мире все большую значимость приобретает получение образования за рубежом. Во многих университетах осуществляется международный обмен студентами, и это открывает перед молодыми людьми новые карьерные перспективы, позволяет получить новые знания в своей профессиональной области. Такая форма обучения также высоко ценится работодателями на рынке труда. Несмотря на развитие сети Интернет, на популяризацию средств дистанционного общения, таких как Skype, WhatsApp, Viber и других мессенджеров, люди, оказавшиеся за рубежом, нередко ощущают свою изолированность от родной культуры, ощущают одиночество и стремятся найти выходы из сложившейся жизненной ситуации.

Под одиночеством понимается субъективный дефицит в межличностных и социальных отношениях, которые человек характеризует как неудовлетворяющие его [1].

В психологической литературе можно найти много исследований, посвященных одиночеству: возрастные особенности переживания одиночества (О. Б. Долгинова, Н. В. Перешеина, Т. А. Попова, И. М. Слободчиков); одиночество в контексте доминирующих культурных ценностей (Ф. Г. Майленова, Л. Ф. Новицкая) [5], позитивное измерение одиночества (Д. А. Леонтьев Е. Н. Осин) [4].

У. Садлер и Т. Джонсон выделяют четыре измерения одиночества: космическое, культурное, социальное и межличностное [6]. Из приведенных измерений нас больше всего интересует культурное одиночество, именно оно происходит, когда у человека его ценности и ценности общества, в котором он живет, не соответствуют друг другу. Это происходит, когда человек оказывается вдали от родной культурной среды и должен заново построить свою культурную идентификацию, чтобы почувствовать единение с новым окружением. Не менее важным, на наш взгляд, является тот факт, что при переезде за рубеж теряется привычный круг общения человека, трансформируется система межличностных отношений, изменяется

периодичность личных встреч с близкими и родными людьми, что также является фрустрирующим фактором в удовлетворении потребностей принятия и поддержки.

Данная тематика широко представлена в современных исследованиях зарубежных психологов. Так, есть исследование австралийских психологов, которые выявили, что наибольшую социальную поддержку иностранные студенты получают от родных и близких друзей [8]. В другом исследовании показано, что студенты из стран Азии чаще испытывают одиночество из-за того, что для них непривычен индивидуализм западных стран, где идет ориентация на самоутверждение, независимость и самодостаточность [7; 9]. В исследовании, проведенном на вьетнамских студентах, обучающихся в России, было показано, что они испытывают одиночество и собственную изоляцию из-за трудностей в установлении дружеских связей с русскими студентами по причине незнания русского языка и культурных различий. А поддержку в процессе приспособления к учебе и жизни в России они, как правило, получают от своих земляков [2].

В последние годы появляются новые исследования, посвященные изучению одиночества в среде российского студенчества [3], однако нам не удалось обнаружить отечественных исследований переживания одиночества у студентов, получающих образование в России и за рубежом.

Поэтому нам представляется актуальным исследование переживания одиночества у студентов, которые переехали за рубеж, и сравнение их результатов с результатами студентов, оставшихся на родине. Это поможет нам понять, что происходит при переезде за границу, насколько сильно различаются представления об одиночестве у этих двух групп людей и с чем у них связано чувство одиночества в актуальной ситуации.

Целью проведенного нами исследования является изучение специфики представлений об одиночестве у русскоязычных студентов, получающих образование в России и за рубежом.

Программа исследования. В нашем исследовании принимали участие русскоязычные студенты, обучающиеся в России и за рубежом.

Общий размер выборки составил 76 студентов. Сбор данных был проведен в период с мая 2018 по март 2019 года. Обследование испытуемых проводилось очно-заочно с использованием и бумажного варианта, и электронного диагностического комплекта исследования в России, и дистанционно с использованием электронного варианта комплекта исследования за рубежом.

Выборка студентов, обучающихся за рубежом, составила 38 человек. Средний возраст студентов 25 лет, $\sigma=3$. Страны, в которых учатся студенты: Швейцария, Франция, Великобритания, Польша, Украина, Израиль, США, Китай, Германия, Норвегия и Лихтенштейн.

Выборка студентов, обучающихся в России, составила 38 человек. Средний возраст студентов 22 года, $\sigma=3$. Респонденты выборки являются студентами Санкт-Петербургского политехнического университета Петра

Великого (СПбПУ Петра Великого) и Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»). Все респонденты обеих выборок были студентами программ технического профиля обучения.

Для анализа индивидуального представления об одиночестве нами была разработана анкета. В качестве метода, позволяющего выяснить неосознаваемые представления об одиночестве у респондентов и диагностировать их реальное отношение к изучаемым феноменам, нами была выбрана методика цветowych метафор И. Л. Соломина, разработанная им на основе цветового теста отношений (ЦТО) А. М. Эткинда с использованием цветов из набора теста Люшера. Методами обработки данных были контент-анализ и кластерный анализ.

Результаты. Начнем с анализа представлений об одиночестве *на осознаваемом уровне*. Полученные результаты представлены на рисунке 1, где изображена диаграмма ответов на вопрос «Одиночество для меня это...» в выборке русскоязычных студентов, обучающихся за рубежом и в России. Проценты обозначают количество студентов, которые давали конкретный ответ.

Рисунок 1. Диаграмма ответов на вопрос «Одиночество для меня это...» в выборке студентов, обучающихся за рубежом и в России

Как видно из рисунка 1, студенты, обучающиеся за рубежом, чаще выражают негативное отношение к одиночеству (26%), в то время как в России категории «нормально» выбиралась с такой же частотой, как и «нечто негативное» (по 18% соответственно).

Конкретизация ответов, относящихся к категории «Нечто негативное», в двух выборках представлена в Таблице 1.

Таблица 1.

Ответы респондентов, относящиеся к категории «Нечто негативное» при ответе на вопрос «Одиночество для меня это...» в выборке студентов, обучающихся за рубежом и в России

Категория	Конкретные примеры	
	За рубежом	В России
Нечто негативное	-непонимание со стороны окружающих; грусть и тоска; страх; нежелательное и невыносимое явление	-ужасающее чувство, которое порой отравляет все мое тело; неприятная привычка; когда хочется компании, а ее нет; невозможность поделиться чувствами

Мы видим, что для респондентов негативный смысл одиночества заключается в отсутствии эмоциональной связи и поддержки со стороны окружающих и связанных с этим негативных эмоциях.

При этом у студентов, обучающихся за рубежом, феномен одиночества имеет более интенсивную эмоциональную окраску. Также студенты, обучающиеся за границей, проявляли тенденцию давать ответы, что одиночество – это «когда нет близких людей» (13%), чего не было в выборке в России. Это указывает на нехватку близких людей в окружении русскоязычных студентов за границей.

Далее рассмотрим категории, которые удалось выделить при анализе ответов на вопрос «Одинокий человек...», в выборке студентов, обучающихся за рубежом и в России, они представлены на рисунках 2 и 3.

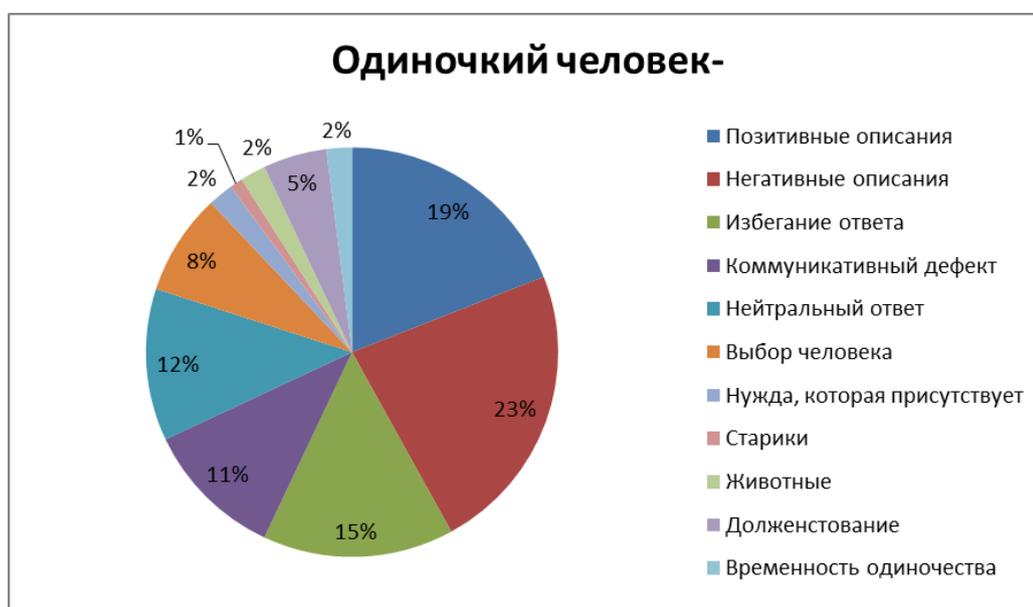

Рисунок 2. Представления об одиноком человеке в выборке студентов, обучающихся за рубежом

Рисунок 3. Представления об одиноком человеке в выборке студентов, обучающихся в России

Как видно на рисунках, во всех выборках присутствовали 7 одинаковых категорий: позитивные описания («*сильный человек*», «*творческий*», «*умный*»), негативные («*замкнутый*», «*грустный*», «*потерянный*»), избегание ответа («нет ответа»), коммуникативный дефект («*человек, которого никто не понимает*»; «*человек, которому не с кем поговорить*»), нейтральные («*интроверт*», «*человек*»), выбор человека («*живет как хочет*»; «*сам выбирает одиночество*»), нужда, которая присутствует («*нуждается в общении, но не помощи*»; «*хочет быть нужным*»).

Согласно полученным данным, существует примерно равное количество положительных ответов в каждой выборке, но студенты в России чаще дают нейтральные ответы на поставленный нами вопрос. Студенты за рубежом продемонстрировали большее разнообразие категорий: «*животные*», «*старика*», «*долженствование*», «*временность одиночества*», что может свидетельствовать о большей актуализированности проблемы одиночества у данной выборки.

Представление об одиночестве на неосознаваемом уровне. Теперь рассмотрим неосознаваемый компонент отношения к одиночеству, для этого обратимся к результатам кластерного анализа, сделанного на основе методики цветowych метафор. Анализируя данные, полученные на выборке студентов, обучающихся за границей, нам удалось выделить 4 небольших подкластера, объединенных в единый кластер с ключевым понятием «*одиночество*».

В зарубежной выборке на ближайшем расстоянии от понятия «*одиночества*» находятся такие эмоции как «*грусть*», «*печаль*» и «*чувство вины*». Далее к ним присоединяются такие эмоционально насыщенные понятия как «*тоска*», «*жалость к себе*» и «*обида*», что говорит о том, что корневой кластер, связанный с одиночеством имеет для этой группы негативное эмоциональное наполнение. Кроме того, в нем присутствует личностное

измерение в виде таких эмоций, как жалость к себе, обида и чувство вины. Этот подкластер можно назвать **«негативные переживания, связанные с личной уязвимостью»**.

Второй подкластер содержит такие понятия как *«отчужденность»*, *«неудача»*, *«страх»*, *«бедность»* и *«неизвестность»*. Этот кластер содержит субъективное восприятие ситуации получения образования вдали от Родины, для которого характерны: дискомфорт, ощущение небезопасности, своей инаковости, этот подкластер можно назвать **«страх одиночества»**.

Третий подкластер одиночества говорит о социальной неадаптированности (*«беспомощность»*), отсутствии свободы (*«скованность»*), также присутствуют понятия *«никчемность»*, *«потеря»*, *«опустошенность»*. Это говорит о возможной потере позитивного самоотношения, этот подкластер можно назвать **«отсутствие ресурсного состояния»**.

И четвертый подкластер содержит такие понятия как *«гнев»*, *«паника»*, *«отчаяние»* и *«угроза»*. Это говорит о том, что присутствуют сильные эмоциональные переживания, связанные со стрессовыми ситуациями. Этот кластер можно назвать **«одиночество как стресс»**.

Теперь рассмотрим полученные результаты студентов, обучающихся в России. Нами также были выделены 4 небольших кластера.

На ближайшем расстоянии от понятия *«одиночества»* в выборке находится *«неизвестность»*, что может означать страх одиночества как состояния неизвестности. Далее к ним присоединяются понятия *«скованность»*, *«неудача»*, *«потеря»*, *«беспомощность»*, *«грусть»* и *«тоска»*, этот кластер выражает неуверенность в собственных силах (*«неудача»*, *«беспомощность»*) и при этом страх потери. Можно назвать этот подкластер **«переживание одиночества из-за страха неизвестности»**.

Второй подкластер содержит понятия: *«бедность»*, *«опустошенность»*, *«жалость к себе»*, *«никчемность»* и *«страх»*, что может говорить о личной неуверенности, можно назвать данный подкластер **«страх одиночества из-за угрозы самооценки»**.

Третий подкластер содержит понятия *«вина»*, *«паника»*, *«обида»*, *«отчаяние»*, *«отчужденность»*, что указывает на изолированность студентов и их отрицательные эмоции, название подкластера – **«стрессовая реакция на изоляцию»**.

Четвертый подкластер содержит понятия *«печаль»*, *«гнев»*, *«угроза»*, это говорит о негативных эмоциях, можем назвать подкластер **«негативный эмоциональный фон»**.

Таким образом, мы описали кластеры, в которые попало понятие одиночества и можно сделать вывод, что в обеих выборках одиночество ассоциируется с негативными эмоциями и переживаниями, которые не связаны с отношениями к прошлому, настоящему и будущему. Можем отметить, что у студентов, получающих образование в России, категории более дифференцированы, поэтому мы можем предположить, что справляется с

одиночеством данная группа лучше, по сравнению с русскоязычными студентами за рубежом.

Обсуждение результатов.

Мы обнаружили, что на осознаваемом уровне респонденты обеих выборок отмечают способность оставаться наедине с собой, отмечают такие позитивные стороны одиночества, как возможность подумать и использовать его для саморазвития. При этом у студентов, обучающихся в России, отношение к одиночеству как позитивному феномену выражено несколько больше.

Тем не менее, на неосознаваемом уровне в обеих выборках студенты превалирует негативное отношение к одиночеству. Оно включает в себя такие аспекты, как страх неизвестности, беспомощность, угроза самооценке, изолированность от близких людей. При этом обнаружилось, что у студентов, уехавших для получения образования за рубеж, более выражено личностное отношение к одиночеству, оно является для них более эмоционально насыщенной категорией, нежели у российских студентов, которые учатся у себя на родине. Представления студентов, получающих образование за рубежом, в большей степени сосредоточены на негативной окрашенности переживаний, связанных с одиночеством. Вдали от дома студенты чувствуют себя более уязвимыми в ситуациях переживания одиночества, более подвержены страху одиночества, который в основном связан с отсутствием поддержки со стороны окружающих людей и провоцируется ощущением собственной неписанности в чужую среду, непохожести на других, боязнью оказаться хуже других и потерпеть неудачу. Кроме того, у них сильнее выражены стрессовые реакции на ситуацию субъективного одиночества. Переживая одиночество, студенты испытывают ухудшение самочувствия, что воспринимается ими как потеря психологического и физического ресурса. Таким образом, нам удалось выявить, что ситуация обучения российских студентов за рубежом влияет на интенсивность переживания и смыслы, вкладываемые в понятие одиночества. Тем самым, мы видим большую актуальность и болезненность темы одиночества для данной группы респондентов.

Выводы.

1. Представления об одиночестве у студентов сильно разнятся на осознаваемом и неосознаваемом уровнях.
2. На осознаваемом уровне отношение к одиночеству является более позитивным и принимающим. Большинство респондентов обеих выборок считают, что это нормальное состояние человека, в нем нет ничего особенно страшного, его можно использовать как ресурс для саморазвития.
3. На более глубинном, неосознаваемом уровне в обеих выборках студентов превалирует негативно окрашенное отношение к одиночеству.
4. У студентов, уехавших за рубеж, представление об одиночестве является более эмоционально насыщенным. Оно тесно ассоциировано со стрессом, социальной неадаптированностью и личностной уязвимостью.

5. Ситуация обучения российских студентов за рубежом влияет на интенсивность переживания и смыслы, вкладываемые в понятие одиночества.

Литература

1. Екимчик О. А., Крюкова Т. Л. Феноменология совладания с одиночеством в романтических отношениях // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 4. С. 81-86.
2. Лепехин Н. Н., То Тхи Диеу Тхуи. Трудности иностранных студентов при адаптации к новой социально-образовательной среде // Психология XXI века: российская психология в контексте мировой науки. Материалы международной научной конференции молодых ученых. СПб., 2016. С. 232-233.
3. Любякин А. А., Оконечникова Л. В. Исследование одиночества у студентов // Педагогическое образование в России. 2016. № 2. С. 149-156.
4. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55-81.
5. Слободчиков И. М. Современные исследования переживания одиночества // Психологическая наука и образование. 2007. № 3. С. 27-34.
6. Садлер У. А., Джонсон Т. Б. От одиночества к аномии // Лабиринты одиночества / Сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 21-51.
7. Mori S. (2000). Addressing the mental health concerns of international students. *Journal of Counseling and Development*, 78, 137-144 p.
8. Sawir E., Marginson S., Deumert A., Nyland C., Ramia G. (2008). Loneliness and international students: An Australian study. *Journal of Studies in International Education*, 12, 148-180 p.
9. Yeh C. J., Inose M. (2003). International students' reported English fluency, social support satisfaction, and social connectedness as predictors of acculturative stress. *Counselling Psychology Quarterly*, 2003, 15-28 p.

ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ТИПОМ ПЕРВИЧНОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ

Кулакова В. И., студентка 4 курса Института психологии
РГПУ им. А. И. Герцена, kulakova.valeriya97@gmail.com

Векилова С. А., кандидат психологических наук, доцент кафедры
психологии человека РГПУ им. А.И. Герцена, vekilova@mail.ru

Аннотация. Цель данного исследования – наполнить эмпирическим содержанием часто постулируемый тезис о том, что основные черты взрослого человека (в частности, жизненная позиция в транзактной теории Э. Берна) взаимосвязаны с опытом его ранних взаимоотношений (типом первичной привязанности). Получены результаты, согласно которым тип жизненной позиции не жёстко детерминирован типом первичной привязанности: продуктивная жизненная позиция может быть взаимосвязана как с надёжным, так и ненадёжными типами первичной привязанности. Продуктивную жизненную позицию реализуют 43% участников с надёжной привязанностью и 57% с ненадёжной привязанностью. Способность личности находиться в продуктивной жизненной позиции обеспечивается ее способностью быть в контакте с реальностью и извлекать жизненный опыт из проблемных ситуаций. Непродуктивные жизненные позиции определяются тем, что личность постоянно рефлексивует свой опыт через искажающие фильтры защитной агрессии и защитного самосохранения.

Ключевые слова: жизненная позиция, тип первичной привязанности, проблемная ситуация.

Введение. Психология личности как раздел современной психологии представляет собой набор отдельных концепций, научных школ и отдельных глав в учебниках. Каждая из них исходит из своего перечня базовых понятий, описывает свои закономерности и типы личности. Замысел данного исследования определяется необходимостью преодолеть содержательный разрыв между теорией транзактного анализа Э. Берна [1; 2] и теорией первичной привязанности Дж. Боулби [3]. Теория Берна, как и многие другие теории личности, постулирует тот факт, что личность (жизненный сценарий и жизненные позиции) формируются в раннем онтогенезе человека через опыт взаимоотношений со значимыми людьми (родителями) [6; 7; 8]. Однако открытым остается вопрос о конкретных видах влияния раннего опыта на личность. С другой стороны, исследования М. Эйнсворт и ее последователей выделяют компоненты раннего опыта (тревогу и избегание контакта) и типологизируют привязанность, описывая три, а в последующем четыре типа. В теории привязанности принят постулат о том, что тип первичной привязанности к матери является онтогенетически устойчивым и определяет особенности всех последующих взрослых отношений человека.

Таким образом, цель данного исследования – определить, существует ли взаимосвязь между жизненной позицией личности и типом ее первичной привязанности. Полученные результаты исследования могут применяться психологом-консультантом при работе со взрослыми личностями для оказания психологической поддержки и проведении психокоррекционных мероприятий. Психологи-консультанты смогут по-новому посмотреть на механизм попадания в непродуктивную жизненную позицию. А также полученные результаты будут

полезны психологу-педагогу при работе с детьми, ведь можно будет отследить формирование определённого типа жизненной позиции у ребёнка уже на ранних этапах развития личности.

Программа исследования. Были сформулированы следующие гипотезы исследования:

1. Тип жизненной позиции взаимосвязан типом первичной привязанности: так, продуктивная жизненная позиция Я+Ты+ взаимосвязана с надёжным типом привязанности, непродуктивные жизненные позиции связаны с ненадёжными типами первичной привязанности личности.

2. Существуют механизмы-посредники, которые определяют взаимосвязь типа жизненной позиции с типом первичной привязанности.

В исследовании приняли участие 53 участника – студенты 2-го курса факультета географии и института спорта и физического здоровья РГПУ им. А. И. Герцена, в возрастном диапазоне 18-20 лет. Исследование проводилось в период ноябрь-декабрь 2019 года.

В работе использовались следующие психодиагностические методики: опросник первичной привязанности к матери Н. В. Матушевской; методика определения типа жизненной позиции, авторская переработка упражнения «Что я говорю себе и другим» Дуглас Мосс [4]; незаконченные предложения Сакса, Леви в авторской модификации; проективная методика - тест цветowych метафор И. Л. Соломина [5]. Методика цветowych метафор использовалась как дополнительный инструмент уточнения типа первичной привязанности, Статистическая обработка проводилась с использованием непараметрического U-критерий Манна-Уитни и корреляционного анализа Спирмена.

Результаты. На начальном этапе исследования был проведён анализ частот встречаемости каждого из типов жизненной позиции в обследованной студенческой группе. Принадлежность к определённому типу жизненной позиции определялось по преобладающим баллам, которые набирал респондент в опроснике Дуглас Мосс. Участники распределились по типам жизненной позиции следующим образом (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Распределение участников по типам жизненных позиций

№	Тип жизненной позиции	Количество участников	% выборки
1	Я благополучен-Ты благополучен (Я+Ты+)	44	83,01
2	Я не благополучен-Ты благополучен (Я-Ты+)	4	7,54
3	Я благополучен -Ты не благополучен (Я+Ты-)	2	3,77
4	Я не благополучен-Ты не благополучен (Я-Ты-)	3	5,66

Попадание большинства участников в группу конструктивной жизненной позиции Я+Ты+ можно объяснить, тем, что именно этот тип жизненной позиции является самым одобряемым в культуре типом личности. Непродуктивные жизненные позиции представлены в выборке крайне низкими значениями. Жизненная позиция, основу которой составляет убеждение о низкой собственной ценности и высокой значимости другого Я-Ты+, встречается в 7,54% случаев, наиболее разрушительная (суицидальная) позиция

представлена 5,66% случаев, и наиболее редкой оказалась жизненная позиция, для которой характерно преувеличенное представление о собственной ценности и уверенность в ничтожности другого Я+Ты- – 3,77% случаев.

Следующий шаг исследования состоял в диагностике типа первичной привязанности взрослого, которая проводилась с помощью опросника «Привязанность к маме в детстве» Н. В. Матушевой, состоящего из двух шкал: шкалы тревоги и шкалы избегания. Критерием отнесения к типу является сочетание показателей: при низкой тревоге и низком избегании диагностируется надёжный тип привязанности; при высокой тревоге и низком избегании диагностируется озабоченный тип привязанности; при низкой тревоге и высоком избегании диагностируется дистанцирующийся тип привязанности; при высокой тревоге и высоком избегании диагностируется испуганно-избегающий тип привязанности. Участники исследования распределились по типам первичной привязанности следующим образом (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Распределение участников по типам привязанности позиций

№	Тип привязанности	Количество участников	% выборки
1	Надёжный тип привязанности	22	41,5
2	Озабоченный тип привязанности	16	30,19
3	Дистанцирующийся тип привязанности	7	13,21
4	Испуганно-избегающий тип привязанности	8	15,09

Наибольшую по численности группу составили участники с надёжным типом привязанности (41,5%). Вторую по численности группу составили участники с озабоченным типом привязанности – люди с высокой тревогой, склонные создавать зависимые отношения (31,19%). Два других типа привязанности – дистанцирующийся (отчужденный) и испугано-избегающий (отвергающий) – представлены примерно равными по численности группами (13,21% и 15,09% соответственно).

Поскольку главной задачей исследования было определить, существует ли соответствие или прямое попадание из конкретного типа первичной привязанности в определённый тип жизненной позиции, на следующих этапах анализа был проведен персональный анализ соответствия типа жизненной позиции каждого конкретного участника с его типом привязанности. Были получены следующие результаты. Вопреки ожиданиям, люди с надёжным типом привязанности с высокой долей вероятности попадают в неконструктивные жизненные позиции. А в конструктивную жизненную позицию Я+Ты+ попадают 57% участников с ненадёжным типом первичной привязанности. Эти парадоксальные данные побудили нас реализовать две исследовательские стратегии.

Первая стратегия: уточнение типа первичной привязанности с помощью проективной методики цветowych метафор И. Л. Соломина. В качестве критерия использовалась субъективная оценка участника цветового кода слова-стимула «мать». Участник исследования был отнесён к надёжному типу

привязанности в случае если слово-стимул «мать» воспринимался как «самый приятный цвет» или «очень приятный цвет». Уточнённый тип получил название «Надёжный²», в него попали респонденты, которые имеют низкую тревогу и низкое избегание по вербальному опроснику Н. В. Матушевой и для которых характерна позитивная цветовая семантика слова-стимула «мать». Эту группу составили 18 человек. Таким образом, группа надёжного типа привязанности сократилась на 16 человек и составила 33,96 % от общей группы 53 человека.

Аналогичным образом была составлена группа «Ненадёжные²»: участники с ненадёжными типами (озабоченный тип, дистанцирующийся тип, испуганно-избегающий тип) привязанности в опроснике Н. В. Матушевой были проверены на предмет соответствия их результатов с результатами теста цветовых метафор И. Л. Соломина. В группу «Ненадёжных²» попали респонденты, которые имеют ненадёжный тип привязанности в опроснике и слово-стимул «мать» кодируют цветом, который воспринимают как «самый неприятный» или «очень неприятный». Данную группу составили 13 человек. Следовательно, группа с ненадёжным типом привязанности сократилась на 2 человека и составляет 24,52% от общей выборки 53 человека. Дальнейшая работа проводилась на двух выделенных подгруппах. Две новые, отобранные подгруппы значительно отличаются по показателям тревоги ($U=25$; $p\leq 0,05$) и избегания ($U=17,5$; $p\leq 0,05$).

Вторая стратегия: поиск механизмов-посредников, отвечающих за взаимосвязь типа привязанности с типом жизненной позиции. В качестве таких механизмов рассматривались результаты методики незаконченных предложений, с помощью которой можно диагностировать типичное представление о собственном поведении участника в проблемной ситуации, а также его представление о том, как другие люди ведут себя в такой же ситуации. Представления о собственном поведении были обозначены как «Я-атрибуции», к ним относились следующие виды поведения: получение нового опыта, обесценивание как защита, защитная агрессия, защитное самосохранение, обида, защитная регрессия, конформное поведение, амбивалентная реакция и отказ от ответа. Представление о том, как ведут себя другие в проблемной ситуации, были обозначены как «Ты-атрибуции». К ним относились аналогичные формы поведения.

Поскольку между подгруппами не обнаружено статистически значимых различий по показателям атрибуций, дальнейший анализ основан на анализе корреляционных связей. Можно говорить о том, что способность личности извлекать опыт из проблемной ситуации тесно взаимосвязана с продуктивной позицией Я+Ты+ ($r=0,50$; $p\leq 0,05$). Данный механизм не используется представителями непродуктивных жизненных позиций. Продуктивная жизненная позиция связана не только со способностью человека получать новый опыт в проблемной ситуации, но и отрицательно связана с «Защитным самосохранением Я-атрибуция» и с «Защитной регрессией Ты-атрибуция». При этом оба механизма отрицательно коррелируют с уровнем первичной тревоги.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что низкий уровень тревоги в привязанности ослабляет работу защитных механизмов, усиливая способность личности получать новый опыт, и все обозначенные факторы способствуют формированию конструктивной жизненной позиции Я+Ты+. Наиболее существенный показатель ненадёжного типа привязанности – высокая тревога – положительно коррелирует ($r=0,63$; $p\leq 0,05$) с наименее продуктивным типом жизненной позиции Я-Ты-. Таким образом, любой из ненадёжных типов привязанности с высоким значением тревоги с высокой вероятностью может трансформироваться в самую непродуктивную жизненную позицию «Я неблагополучен – Ты неблагополучен».

Обсуждение результатов и выводы. Таким образом, первая гипотеза исследования «Тип жизненной позиции не жёстко детерминирован типом первичной привязанности: продуктивная жизненная позиция может быть детерминирована как надёжным, так и ненадёжными типами первичной привязанности» находит своё подтверждение. Эмпирический материал подтверждает, что продуктивную жизненную позицию реализуют участники и надёжного, и ненадёжных типов привязанности. Аналогичным образом неконструктивные жизненные позиции реализуют участники с любым типом привязанности. Исходное предположение о типе привязанности как сильном факторе, который организует психическое функционирование личности и ее базовые убеждения в соответствии с ранним опытом взаимоотношений, не находит своего прямого подтверждения в исследовании. Вторая гипотеза исследования: «Существуют механизмы посредники, которые определяют взаимосвязь типа жизненной позиции с типом первичной привязанности» подтвердилась полностью. Способность личности продолжительное время находиться в продуктивной жизненной позиции обеспечивается способностью быть в контакте с реальностью и извлекать жизненный опыт даже из проблемных ситуаций. Длительное пребывание личности в непродуктивных жизненных позициях определяется тем, что личность постоянно рефлексивует свой опыт через искажающие фильтры защитной агрессии и защитного самосохранения.

Литература

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди ; Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо, 2015. 590 с.
2. Берн Э. Люди, которые играют в игры : психология человеческой судьбы. М.: Эксмо, 2011. 573 с.
3. Боулби Д. Привязанность. М : Гардарики. 2003. 447 с.
4. Мосс Д. Игры, в которые мы все играем : 40 упражнений, чтобы: понимать людей, воздействовать на них, освободиться от негативного сценария : тренинг по системе Эрика Берна. М.: Астрель, 2012. 251 с.
5. Соломин И. Л. Современные методы психологической экспресс-диагностики и профессионального консультирования. СПб.: Речь, 2006. 279 с.
6. Стюарт И., Джоинс В. Современный транзактный анализ. СПб.: Метанойя, 2017. 444 с.
7. Харрис Т. Э. Я - о'кей, ты - о'кей. М.: Акад. проект, 2006. 361с.
8. Штайнер К.М. Сценарии жизни людей: школа Эрика Берна. СПб.: Питер Пресс, 2018. 409 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДНЫМ ОБЪЕКТАМ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЭТИЧЕСКОГО ВЫБОРА В СОЦИОПРИРОДНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ¹

Мамбреян М. А., студентка 4 курса Института психологии
РГПУ им А. И. Герцена, mariamik2510@gmail.com

Виноградов П. Н., кандидат психологических наук, доцент кафедры
психологии развития и образования РГПУ им. А. И. Герцена, palvin@mail.ru

Аннотация. Статья содержит результаты исследования представления школьников об ответственности, которая проявляется в отношениях к животным и является одной из предпосылок адекватного этического выбора. На основе использования результатов Методик «Натурафил», «Субъективизации природных объектов», а также контент-анализа результатов анкет, направленных на изучение ответственности, у подростков, имеющих и не имеющих домашних животных, выявлен ряд различий, характеризующих эти группы. Установлено, что у подростков, имеющих животных, выражены практический и поступочный компоненты отношения к природе. У подростков, не имеющих животных, ярче выражено переживание желания близости с животным и представление о пользе животного для их развития. Выявлено, что подростки, имеющие животных, в выполнении взятых на себя обязательств характеризуются высоким уровнем субъективной включенности и готовностью меняться во времени под воздействием принятых обязательств, связанных с ценностями и нравственными нормами человека.

Ключевые слова: ответственность, интенсивность отношения к природе, фанаты, доброжелатели, нигилисты, этический выбор.

Введение. Актуальность исследования. Проблема исследования связана с необходимостью формирования ответственности у детей и недостаточностью традиционных средств ее воспитания. Поэтому целесообразно использовать ресурс взаимодействия с животными как посредниками в этом процессе. Ответственность является одними из фундаментальных качеств человеческого бытия и нравственности. Вместе с тем, применение методов воспитания, использующих принудительное возложение на ребенка обязанностей и требование их неукоснительного исполнения в обыденной жизни, не оказывается эффективными. В настоящее время существует гипотеза о том, что во взаимодействии с животными человек может проявлять и развивать свою ответственность.

Программа исследования.

Цель: определить уровень проявления представлений об ответственности у школьников, имеющих различный опыт взаимодействия с животными и разный уровень интенсивности отношения к природным объектам.

¹ Статья выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 19-013-00835 (12/19 РФФИ) «Психологические предпосылки этического выбора в решении задач социоприродного взаимодействия»

Объект исследования: младшие подростки – учащиеся 6-ых классов в количестве 60 человек, 30 мальчиков и 30 девочки. 38 из них имели домашних животных.

Предмет исследования: представления об ответственности подростков в связи с особенностями отношений к животным как к природным объектам

Гипотезы:

1. Школьники, имеющие животных, отличаются от школьников, не имеющих животных, уровнем субъектификации природных объектов, интенсивности отношения к природе и содержанием представлений о заботливости и ответственности:

- подростки, не имеющие животных, отличаются более высоким уровнем способности к переживанию желаний близости с животным и представлением о пользе животного для их развития.

- подростки, имеющие животных, проявляют более высокий уровень интенсивности отношения к природе и большую выраженность практического и поступочного компонентов отношения к природе, чем подростки, не имеющие животных;

2. Представление об ответственности у школьников с различным отношением к природным объектам имеют различия:

- представления об ответственности у подростков, имеющих и не имеющих животных, различаются по содержанию, степени связи с практической деятельностью и уровню самостоятельности;

- представления фанатов, доброжелателей и нигилистов об ответственности различаются содержанием и степенью выраженности различных характеристик.

Задачи исследования:

1. Осуществить анализ литературных источников по проблемам проявления ответственности в отношении к природным объектам;

2. Выявить эмпирические проявления ответственности;

3. Определить методы исследования отношения к животным и ответственности как личностной характеристике;

4. По результатам эмпирического исследования дать характеристику проявления ответственности.

Исследование проводилось в январе – марте 2019 года. В нем приняли участие школьники двух классов. Формирование выборки носило целенаправленный характер, обеспечивающий возможность сравнения особенностей респондентов имеющих и не имеющих животных. Для статистической проверки результатов использовался U-критерий Манна-Уитни.

Результатом теоретического анализа исследований, посвященных раскрытию механизмов взаимодействия человека и животных, явилось положение о том, что, являясь частью биосферы и имея общие филогенетические корни и схожие условия существования, человек и животные пользуются, как считают К. Лоренц [7] и С. Д. Дерябо [5], схожими чувственно-выразительными средствами. Это позволяет устанавливать контакты, способствующие проявлению чувствительности как человека к животному, так

и наоборот. Инициатива в возникновении контактов принадлежит человеку, он проявляет интерес к животному, влияет на возникновение обратной связи и осознает средства привлечения животного для установления обоюдной заинтересованности. Это позволило еще на заре развития человечества включать животных в ближний круг посредников, позволяющих установить полезные отношения с природой. В последние десятилетия мы становимся свидетелями и участниками развития этого процесса, когда животное становится и посредником в социальных отношениях, и в общественном сознании обозначилась тенденция использовать животное как социального партнера. Теперь человечество считает животных членами семьи и присваивает им роль «значимого другого». В. И. Панов [9] классифицировал типы экопсихологического взаимодействия. На этой основе В. А. Ясвин [10] обосновал концепцию формирования субъективно-личностного отношения к природе, а С. Д. Дерябо [5] сформулировал концепцию «субъективизации природных объектов». В предложенных концепциях важное место отводится понятию «интенсивность отношения к природе», которое является показателем того, в какой степени запечатлены в объектах отношения те или иные потребности личности, в какой степени данное отношение характеризует различную степень «приближения к природным объектам». Соответственно в структуре параметра интенсивности отношения к природе выделяют 4 компонента: перцептивно-аффективный, когнитивный, практический и поступочный. Эмпирические исследования позволили охарактеризовать такие типы выраженности интенсивности, как фанатический, доброжелательский и нигилистский. С. Д. Дерябо [5] показывает три вектора субъективного приближения животного человеком к себе. Разъясняя психологические механизмы такого приближения, П. Н. Виноградов [3] использует основные принципы и процессы построения «гештальта». А. В. Гагарин [4] формулирует основные направления использования воспитательного потенциала природы для развития личности ребенка.

Анализируя теоретические и эмпирические работы К. Муздыбаева [8], С. В. Быкова [2], Е. В. Алексеевой [1], мы приняли рабочее определение ответственности. Мы понимаем ее как форму регуляции деятельности человека, проявляющуюся в исполнении взятых на себя обязанностей, связанных с ценностями и нравственными нормами человека и предполагающие высокий уровень включенности в изменение субъекта во времени под влиянием принятых обязательств.

Вслед за Д. А. Леонтьевым [6] мы предполагаем, что взаимодействие детей с животными позволяет включить необходимые психологические механизмы, способствующие формированию ответственности как условия осуществления нравственного выбора ценностей и средств их реализации во взаимодействии как с животными, так и с людьми. Эти положения составили концептуальную основу построения идей нашего исследования.

Результаты. Сравнительное исследование отношения к природе, его интенсивности и способности к субъективизации у подростков, имеющих и не

имеющих животных, показало значимые различия, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Сравнительная характеристика проявления отношения к природным объектам у подростков, имеющих и не имеющих домашних животных

Показатели методики	Есть животные	Нет животных	U	p
	M	M		
Перцептивно-аффективный	6,29	5,64	352,50	0,25
Когнитивный	4,47	3,68	327,00	0,22
Практический	5,18	3,73	265,50	0,02*
Поступочный	5,18	4,00	276,00	0,03*
Натуралистическая эрудиция	4,55	4,59	399,50	0,94
Переживание готовности развития в коммуникации с животным	26,58	30,55	332,00	0,03*
Переживание готовности действовать с жив.	33,13	37,95	303,00	0,05*
Способность раскрыться в коммуникации с животным	30,29	32,18	354,50	0,35

Примечание: * - $p < 0,05$

У подростков, имеющих животных, более выражено проявляется показатель практического компонента отношения к природе. Практический компонент характеризует высоким уровнем готовности и стремлением к практическому взаимодействию владельцев животных с объектами природы, а школьники, не имеющих животных, не готовы к практической связи. Мы, также видим значимые различия в проявлении показателей поступочного компонента. Поступочный компонент характеризуется высоким уровнем активности индивида, направленной на совершение поступков, ведущих к улучшению условий жизни и содержания своих питомцев. Школьники, не имеющие животных, не готовы проявлять активность по улучшению условий жизни животных.

Исследование особенностей способности к субъектификации природных объектов у школьников, имеющих и не имеющих животных, показало, что подростки, не имеющие животных, демонстрируют более высокий уровень субъектификации. Они очень хотели бы иметь животных для коммуникации, получения удовольствия, им кажется, что это создало бы условия для их лучшего развития. Вместе с тем, у них это желание иметь домашних животных не связано с реальной практической деятельностью по уходу и сопровождению их жизнедеятельности. Они игнорируют реальные возникающие трудности при содержании домашних животных.

При исследовании проявления интенсивности отношения к природе выявлены в 3 группах школьников (фанаты, доброжелатели, нигилисты). Выявлены значимые различия по перцептивно-аффективному, когнитивному и поступочному компонентам. Фанаты имеют более высокий уровень интенсивности отношения к природе, чем доброжелатели со средним уровнем и нигилисты с низким уровнем отношения к природным объектам. Это говорит о

том, что фанаты имеют устойчивое, не изменяющееся отношение к природным объектам, у доброжелателей присутствует разброс показателей, который говорит о зависимости ситуации отношения к природным объектам от ситуации. У нигилистов развитие субъективного отношения к природе характеризуется прагматическим отношением к ней: природа рассматривается как средство достижения своих целей, а животные – как объекты.

Данные, характеризующие представления об ответственности у школьников, имеющих и не имеющих животных, полученные на основе контент-анализа, представлены ниже (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Характеристика проявления представлений об ответственности у подростков имеющих животных и не имеющих животных

№	Категория	Имеющие животных	Не имеющие животных
1.	Ответственность как поступок	42%	31 %
2.	Ответственность как обязанность	10,5%	18%
3.	Ответственность как доверие	10,5%	9%
4.	Ответственность как качество личности	10,5%	4,5%
5.	Ответственность как генезис	10,5%	-
6.	Ответственность как самостоятельность	7,8%	-

Мы видим, что понимание ответственности у владельцев домашних животных представляет собой комплекс характеристик, включающих готовность к активным поступкам, принятию обязательств, доверительности, устойчивому проявлению ответственности, самостоятельности и развитию своей ответственности в деятельности. Подростки, не имеющие животных, в меньшей степени включают перечисленные характеристики в свое представление об ответственности, не всегда готовы проявлять самостоятельность и не готовы развивать свое чувство ответственности.

Анализ представлений об ответственности у фанатов, доброжелателей и нигилистов показал следующие результаты (см. таблицу 3).

Таблица 3.

Характеристика ответственности с разным уровнем интенсивности отношения к природе

№	Категории	Фанаты	Доброжелатели	Нигилисты
1.	Ответственность как поступок	42%	38,6%	25%
2.	Ответственность как обязанность	-	16%	12%
3.	Ответственность как доверие	28%	6,8%	-
4.	Ответственность как генезис	14%	4,5%	-
5.	Ответственность как самостоятельность	-	4,5%	12%

Результаты диагностики выявили компоненты интенсивности отношения к природе в группах: фанаты (7 человек – 1%), доброжелатели (45 человек – 75%) и нигилисты (8 человек – 13%).

Контент-анализ показал, что фанаты и доброжелатели существенно чаще связывают ответственность с осуществлением поступков, чем нигилисты. Для

фанатов ответственность не столько обязанность, сколько способность проявлять доверие и готовность развивать ее в активной деятельности. В группе доброжелателей представление об ответственности достаточно гармонизировано и включает готовность к активной деятельности, к принятию обязанностей, проявлению доверия, развитию и самостоятельности, но выраженность ключевых показателей несколько ниже, чем у фанатов. Нигилисты связывают ответственность с активными поступками, обязанностью и самостоятельностью, но такая ответственность, особенно в отношениях с животными, носит формальный характер, что животные чувствуют, переживают и возвращают в виде агрессивного поведения.

Обсуждение результатов. Проведенное исследование является продолжением идей, изложенных С. Д. Дерябо и В. А. Ясвиным, их методологическая схема положена в основу оценки интенсивности отношения к природе, выявления характеристик фанатов, доброжелателей и нигилистов. В известной степени подтверждая полученные ими результаты, мы вводим в исследование новую линию сравнения. Выявляя характеристики подростков, имеющих и не имеющих домашних животных, мы установили интересный факт проявления выраженной субъективизации детьми, животных не имеющих. Понимание этого факта может быть осуществлено с позиций гештальт-подхода, который описан П. Н. Виноградовым в анализе практической работы с животными и модели взаимодействия с детьми, нуждающимися в психологической помощи. В этом аспекте подход, базирующийся на развитии ответственности, связывает процессы проекции – интроекции при открытии нового цикла-контакта у подростков, желающих иметь животных, и становится опорной точкой для формирования осознанного выбора новых позиций и ролей, появляющихся у ребенка с приобретением питомца. Понимание позитивных и негативных последствий включения ответственности подростка через использование животного-посредника должно найти свое дополнительное исследование.

Выводы:

1. Повышение интенсивности отношения к природным объектам у подростков, имеющих животных, проявляется в характеристиках практического и поступочного компонентов, что говорит о высоком уровне готовности и стремлении к практическому взаимодействию с животными школьников, которые имеют животных.

2. Исследование субъективизации природных объектов показало, что стремление иметь животных у школьников, не владеющими ими, является важным показателем желания, но не свидетельствует о готовности к практической деятельности по уходу за животными.

3. Ответственность в понимании подростков, которые имеют животных, связана с конкретными поступками, а также проявлением более широкого перечня характеристик, связанных с доверием, принятием обязанностей и готовностью совершенствовать свои навыки сопровождения жизни животных. У школьников, которые не имеют животных, ответственность, в первую

очередь связана с характеристикой принципа подхода деятельности деловых людей.

Литература

1. Алексеева Е. В. Преодоление трудных жизненных ситуаций и ответственность // Психология современного подростка / под ред. Л. А. Редуш. СПб.: Речь, 2005. 211с. С. 355-365.
2. Быков С. В. Проблемы психологии ответственности личности: монография / под ред. Г. В. Акопова. Тольятти: Волжский ун-т им. В. Н. Татищева, 2004. 213 с.
3. Виноградов П. Н. Психологический акцент становления оптимальной модели экологического поведения школьников // Экологическая психология (Тезисы 1-й российской конференции). М.: ПИ РАО, 1996. 360 с. С. 29-31.
4. Гагарин А. В. Воспитание природой. Некоторые аспекты гуманизации экологического образования и воспитания. М.: Московский городской психолого-педагогический институт, 2000. 232 с.
5. Дерябо С. Д. Природный объект как «значимый другой». Даугавпилс: Saule, 1995. 166 с.
6. Леонтьев Д. А., Овчинникова Е. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2015. 464 с.
7. Лоренц К. Человек находит друга. М.: РИМИС, 2013. 496 с.
8. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука, 2013. 129 с.
9. Панов В. И. Экопсихологические взаимодействия: виды и типология // Социальная психология и общество. 2014. № 3. С. 13-28.
10. Ясвин В. А. Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000. 456 с.

ОСОБЕННОСТИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ВЫСОКОЭФФЕКТИВНЫХ ИНСПЕКТОРОВ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА

Орликовская Е. В., студентка 5 курса Института психологии
РГПУ им. А. И. Герцена, k.o.180995@mail.ru

Кондакова И. В., кандидат психологических наук, старший преподаватель
кафедры психологии развития и образования, РГПУ им. А. И. Герцена,
kondakovaiv@herzen.spb.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования двух познавательных процессов, важных для эффективной деятельности инспекторов транспортной безопасности метрополитена: внимания и памяти. Внимание и его утомляемость исследовались по методике «Счет по Крепелину», память – «Узнавание фигур» (Т. Е. Рыбаков). Доказано, что группа малоэффективных инспекторов выполняет значимо больше заданий на внимание, особенно в вечернее время, и совершает при этом меньше ошибок, чем группа высокоэффективных. При этом в течение смены в группе малоэффективных инспекторов наблюдается значительный рост количества ошибок при меньшем росте количества выполненных заданий на внимание. Это говорит о проявлении утомляемости внимания, которого не наблюдается в группе высокоэффективных испытуемых. Сравнение характеристик памяти рассматриваемых групп не выявило значимых различий между ними, но рост количества правильно запомненных фигур значительно выше в группе высокоэффективных инспекторов, чем малоэффективных, что говорит о наличии вработываемости в обеих группах, но большем ее проявлении именно у респондентов, эффективно выполняющих свою деятельность.

Ключевые слова: внимание, память, инспектора транспортной безопасности, высокая эффективность деятельности.

Введение. Проблема обеспечения безопасности является одним из важнейших приоритетов государственной политики. В рамках концепции национальной безопасности особое место занимает направление, связанное с обеспечением безопасности на общественном транспорте [10]. Общественный транспорт, особенно метрополитен, относится к категории мест повышенной опасности. Причем опасность может быть как техногенного или антропогенного, так и криминального характера. Основной же угрозой транспортной безопасности на метрополитене является возможность совершения террористического акта [10]. Именно теракт, произошедший в Петербургском метрополитене 3 апреля 2017 г., дал основания для пересмотра и усиления мер по обеспечению безопасности в метро.

Совершенный теракт показал неэффективность системы безопасности, которая существовала на тот момент, поэтому в 2017 г. служба контроля на метрополитене реорганизовалась в службу транспортной безопасности. Современные требования к обеспечению безопасности на транспорте говорят о необходимости людей, специально подготовленных к многофункциональной работе на транспорте, то есть сотрудников службы транспортной безопасности. Служба транспортной безопасности осуществляет защиту объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства.

Основными задачами деятельности инспекторов транспортной безопасности на метрополитене являются следующие [6]:

1. Досмотр пассажира с использованием стационарного рамочного металлодетектора.
2. Досмотр багажа на интраскопе и с применением обнаружителей паров или следов взрывоопасных веществ.
3. Контроль за сигнальными показателями рамок металлоискателей.
4. Контроль за сигнальными показателями аппаратуры радиационного контроля.
5. Проверка киосков вентшахт за пределами станций при срабатывании сигнализации.
6. Управление радиоподавителем.
7. Обследование станции при поступлении сообщения об обнаружении бесхозного предмета.
8. Проверка и обследование тоннелей при срабатывании сигнализации.
9. Заполнение документации досмотровой зоны.
10. Недопущение прохода пассажиров вне рамок и в местах, определённых для лиц с кардиостимуляторами.

Все эти задачи основаны на предписаниях, содержащихся в Приказе Минтранса России «Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов метрополитена» [7].

Кроме того, одной из основных задач деятельности инспекторов транспортной безопасности на метрополитене В. П. Муратов считает профайлинг. «Профайлинг – это комплекс практических методов, который позволяет составить психологический профиль человека, прогнозировать его поведение и выстраивать с ним эффективное взаимодействие исходя из ситуации и поставленной цели» [5, с. 9].

В. И. Прокопешкин отмечает, что профайлинг по своей сути представляет собой процесс составления психологического портрета неизвестного [8]. Ю. М. Волынский-Басманов отмечает, что профайлинг, пришедший из области криминалистики в область диагностической психологии, становится технологией, не ограничивающейся созданием определенного психологического портрета. Став технологией психодиагностики, он приобрел статус универсального диагностического инструментария, позволяющего прогнозировать поведение человека в тех или иных условиях [4].

Основной задачей обеспечения безопасности на транспорте является предотвращение всевозможных преступлений. Предотвращение связано с пресечением преступной деятельности и с ликвидацией условий, в которых потенциально мог быть осуществлен преступный замысел. Исключительно существующими методами осмотров и допросов такую задачу, по мнению Ю. М. Волынского-Басманова, полноценно решить не удастся. Этим исследователь обосновывает необходимость внедрения методов психодиагностики в систему обеспечения безопасности, в частности,

профайлинга [3].

Профессия инспектора транспортной безопасности очень сложна, она требует от субъекта профессиональной деятельности наблюдательности, стрессоустойчивости, способности мыслить адекватно, своеобразно складывающейся обстановки, ситуативно и трезво подходить к разрешению текущих проблем, а также хороших коммуникативных навыков. Профессионализм инспектора транспортной безопасности – это не только совокупность определенных качеств и компетенций, но также и совокупность социально-психологических свойств личности, позволяющих эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность.

К психологическим качествам, позволяющим человеку осуществлять профессиональную деятельность инспектора транспортной безопасности, относятся:

- высокая стрессоустойчивость;
- низкая конфликтность;
- умеренная эмпатия;
- твердость характера и принципиальность;
- эмоциональная устойчивость.

Вместе с тем такие качества, как наблюдательность, внимательность, психоэмоциональная устойчивость, адаптация к меняющимся ситуациям и условиям, отсутствие агрессивности, активная жизненная позиция благоприятствуют профессиональной деятельности инспектора транспортной безопасности и способствуют развитию профессионально важных качеств [9].

Наблюдательность, как уже отмечалось нами выше, является основным качеством инспектора транспортной безопасности. Диагностику данного качества кандидата в инспекторы транспортной безопасности можно проводить по различным тестовым методикам, связанным с выявлением родственного качества – внимательности.

Проверка документации – важный этап работы инспектора транспортной безопасности. Для реализации этого этапа инспектор транспортной безопасности должен обладать такими качествами, как аккуратность, четкость, хорошая память, умеренная прагматичность, способность концентрирования и правильного распределения внимания, сосредоточенность. Предпочтительной формой памяти является наглядно-образная память, которая у инспектора транспортной безопасности должна быть выражена в полной мере. Данная черта обусловлена необходимостью выявления лиц, находящихся в федеральном или международном розыске.

Таким образом, на основе проведенного теоретического анализа литературы, было выявлено важное значение развития таких познавательных процессов, как память и внимание, в работе инспекторов транспортной безопасности. Высокий уровень развития внимания и памяти в целом, а также поддержание этого уровня в течение всей рабочей смены, обеспечивают эффективное выполнение инспекторами деятельности, связанной с обеспечением транспортной безопасности. Что в итоге и привело к постановке

цели нашего исследования – выявлению особенностей внимания и памяти высокоэффективных инспекторов транспортной безопасности, работающих в Петербургском метрополитене.

Программа исследования.

Исследование было проведено с помощью метода срезов. Процедура исследования инспекторов занимала в среднем 35-40 минут. Исследование проводилось в рабочее время: в начале смены спустя 60-90 минут после начала работы и в конце смены за 60-90 мин до окончания смены.

Объем выборки исследования составил 30 мужчин – инспекторов транспортной безопасности Петербургского метрополитена в возрасте 18-55 лет, средний возраст – 42,68 года, сигма – 11,71 лет, средний стаж работы в метрополитене – $4,71 \pm 2,73$ года. Все инспектора прошли обучение для допуска к данной работе и были признаны пригодными для выполнения деятельности на предприятии. Инспекторов поделили на две группы исследования, половина группы высокоэффективных и половина – низкоэффективных. Критериями отнесения инспекторов к группе высокоэффективных были получение премии по итогам работы и отсутствие нарушений трудовой дисциплины, к низкоэффективным – наличие нарушений трудовой дисциплины за последние полгода и депремирование по итогам работы. В выделенных группах не выявлено значимых различий по образованию и опыту работы в системе метрополитена.

Для исследования особенностей памяти и внимания у сотрудников транспортной безопасности применялись следующие методики: «Счет по Крепелину» и «Узнавание фигур» (Т. Е. Рыбаков).

Методика «Счет по Крепелину» [1] использовалась для исследования психологического темпа колебаний внимания и утомляемости в течение смены. Методика «Узнавание фигур» (Т. Е. Рыбаков) [2] предназначена для определения уровня развития произвольной образной памяти.

Для статистической обработки полученных данных применялись качественные и количественные статистические методы (Т-критерий Вилкоксона для зависимых выборок, U-критерию Манна-Уитни для независимых выборок). Т-критерий Вилкоксона использовался нами для сопоставления показателей внимания и памяти у испытуемых в начале и конце смены на одной и той же выборке, а U-критерий Манна-Уитни – для оценки различий между высокоэффективными и низкоэффективными группами респондентов.

Результаты. Как показали данные проведенного исследования, существуют различия в показателях утомляемости внимания в сравниваемых группах высокоэффективных и низкоэффективных инспекторов транспортной безопасности (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Характеристики внимания и памяти инспекторов

Критерий		День		Вечер	
		x±δ (баллы)		x±δ (баллы)	
		Группа №1 (Высокоэф- фективные)	Группа №2 (Низкоэф- фективные)	Группа №1 (Высокоэф- фективные)	Группа №2 (Низкоэф- фективные)
Внимание	Полученная сумма чисел	151,94±32,69	168,50±21,44	157,75±28,1*	176,29±13,31*
	Количество допущенных ошибок	2,31±1,62**	0,93±1,33**	2,81±2,26	2,21±2,15
Память		7,13±1,45	7,43±1,40	8,13±1,09	8,29±0,91

Примечание: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$

Приведенные в таблице 1 данные показывают, что существуют достоверно значимые различия между двумя группами по критерию U Манна-Уитни. Группа №2 низкоэффективных инспекторов вечером выполняет больше поставленных задач, чем группа №1 высокоэффективных инспекторов. При этом днем группа высокоэффективных респондентов допускает больше ошибок при выполнении подсчетов, чем испытуемые из группы №2.

Теперь рассмотрим изменения по исследуемым параметрам в течение смены у инспекторов обеих групп (см. таблицу 2). Приведенные данные показывают, что внимание и память имеют тенденцию к изменению в течение рабочей смены: вечерние показатели по большинству шкал значительно превышают (по T критерию Вилкоксона) показатели по данным шкалам, измеренным в начале смены. Только количество ошибок, допущенных высокоэффективными сотрудниками, не имеет достоверно значимых изменений в течение рабочего дня. Также можно отметить, что у группы высокоэффективных респондентов более значимые изменения происходят в памяти, а у группы низкоэффективных испытуемых – во внимании.

Таблица 2.

Характеристики внимания и памяти инспекторов в начале и конце смены

Критерий		Группа №1 (Высокоэффективные)		Группа №2 (Низкоэффективные)	
		x±δ (баллы)		x±δ (баллы)	
		день	вечер	день	вечер
Внимание	Полученная сумма чисел	151,94±32,69*	157,75±28,1*	168,50±21,44**	176,29±13,31**
	Количество допущенных ошибок	2,31±1,62	2,81±2,26	0,93±1,33*	2,21±2,15*
Память		7,13±1,45**	8,13±1,09**	7,43±1,40*	8,29±0,91*

Примечание: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$

Обсуждение результатов. Согласно данным, представленным в таблице 1, группа низкоэффективных инспекторов совершает меньше ошибок, чем

группа высокоэффективных, и к концу дня у респондентов обеих групп не наблюдается признаков повышенной утомляемости. Как уже говорилось выше, присутствуют значимые различия в количестве заданий, которые выполняют инспектора вечером, при этом днем такие различия отсутствуют, хотя в группе №2 заданий выполняют больше, чем в группе №1 в течение всей смены.

Также из полученных данных, можем увидеть, что изменения в качестве выполнения заданий есть в обеих группах, в начале рабочей смены показатель меньше, чем в конце, что говорит о том, что к концу рабочей смены произвольная образная память работает лучше, чем в начале смены у респондентов двух групп. Можно предположить, что у обеих групп есть некоторая вработываемость, которая позволяет вечером выполнять задания лучше, чем днем.

Из данных, представленных в таблице 2, следует что у группы высокоэффективных инспекторов в начале смены показатели по вниманию значительно ниже, это говорит о том, что в начале рабочего дня показатели внимания хуже, но в конце рабочего дня показатель начинает изменяться, их внимание становится лучше и они более сосредоточены на работе.

Кроме того, в группе высокоэффективных инспекторов отсутствуют значимые различия по количеству допускаемых ошибок во время выполнения счета. Оба показателя могут свидетельствовать, что у рассматриваемых испытуемых более стабильный показатель в течение смены, это говорит о том, что они не так сильно проявляют свои навыки с утра, и к вечеру у них нет такой сильной утомляемости. По шкале памяти изменения в группе высокоэффективных респондентов тоже присутствуют. В начале смены их память работает хуже, но постепенно к концу смены, показатели изменяются, и их память начинает функционировать лучше. По нашим данным, можно сказать, что память и внимание в начале смены имеют значимо низкий показатель, но под конец рабочего дня инспектора лучше запоминают и более внимательны при выполнении деятельности.

По данным группы низкоэффективных инспекторов, мы можем сказать, что внимание развито хорошо в начале смены, и они очень внимательны и выкладываются полностью. количество ошибок в начале смены, допускаемое респондентами намного меньше, чем число ошибок в конце смены. К концу рабочей смены показатель внимания только улучшается, и это говорит о том, что они не теряют сноровку, но количество ошибок, допущенных вечером, становится значительно больше. Следовательно, можно сказать, что у низкоэффективных работников меняется качество работы, данная группа выкладывается больше с утра, и к концу смены их показатели начинают снижаться, так как появляется утомляемость под конец рабочего дня.

По шкале памяти можно заметить, что показатель в начале смены ниже, это говорит о том, что группа низкоэффективных инспекторов в начале дня хуже запоминает предъявленные фигуры, и их память, как и у группы высокоэффективных, работает менее эффективно. Под конец смены показатели по данной шкале значимо повышаются, соответственно, показатели памяти к

концу смены улучшаются.

Таким образом, можно отметить, что показатели внимания и памяти статистически значимо лучше в группе низкоэффективных инспекторов, но при этом они отличаются более нерациональным их использованием. Группа высокоэффективных инспекторов обладает меньшими средними показателями рассматриваемых познавательных процессов, но данные показатели более устойчивы в течение дня. Возможно, именно выявленная стабильность помогает работникам из группы №1 качественнее справляться с выполняемой деятельностью.

Выводы. Инспектор транспортной безопасности – это сотрудник, перед которым стоят четко поставленные цели, связанные с обеспечением безопасности большого количества людей. Теоретический анализ выполняемых задач сотрудниками транспортной безопасности позволяет сделать вывод о важности высокоразвитых познавательных процессов, а именно внимания и памяти, для эффективного выполнения трудовой деятельности. Для выявления особенностей внимания и памяти выборка была разделена на две группы – высоко- и низкоэффективных инспекторов. Проведенное эмпирическое исследование выявило: показатели памяти у обеих групп значимо лучше в вечернее время, чем в утреннее, что позволяет предположить о наличии в рассматриваемых группах некоторой степени вработываемости. У низкоэффективных респондентов показатели запоминания лучше, чем у высокоэффективных, хотя значимых различий между группами не выявлено. У двух групп высокий показатель по вниманию, как в утреннее, так и в вечернее время. Низкоэффективные инспектора днем совершают значимо меньше ошибок при подсчетах и выполняют вечером значимо больше поставленных задач, чем высокоэффективные. Также наблюдается значимое улучшение показателей внимания при вечернем обследовании, но к концу смены у группы низкоэффективных респондентов меняется качество работы, и появляется утомляемость, что проявляется в значительно большем количестве ошибок по сравнению с утренним показателем. Высокоэффективные лучше распределяют свои силы, их внимание в течение дня более устойчиво, равно как и количество допускаемых ошибок.

Проведенное эмпирическое исследование показало важность снижения утомляемости внимания к концу смены у инспекторов транспортной безопасности для эффективного выполнения ими своих служебных обязанностей. Основываясь на полученных в результате исследования выводах, можно порекомендовать проведение профилактических мероприятий, направленных на обучение инспекторов навыкам саморегуляции, для повышения эффективности их деятельности.

Литература

1. Ахметзянова А. И. Практикум по клинической психологии. Учебно-методическое пособие. М.: Издательство «Школьная пресса», 2013. 78 с.
2. Богданова Т. Г. Сурдопсихология: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 203 с.

3. Волынский-Басманов Ю. М., Солдаткин М. А. Выявление потенциально опасных пассажиров // Пятый океан. 2015. № 2. С.41-47.
4. Волынский-Басманов Ю. М., Тюфякова М. Е. Есть такая профессия – профайлер // Пятый океан. 2016. № 3. С.25-30.
5. Кулик А., Митрошин К. Что такое профайлинг? // Мастер переговоров. 2016. № 6. С.4-9.
6. Муратов В. П. Опыт и основные итоги деятельности по реализации законодательства по транспортной безопасности на объектах метрополитена. Проблемы и предложения по дальнейшему совершенствованию. М.: Московский метрополитен. 2016. 16 с.
7. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации (Минтранс России) от 29 апреля 2011 г. N 130 г. Москва "Об утверждении Требований по обеспечению транспортной безопасности, учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов метрополитена" [Электронный ресурс] // Российская газета. 2011. URL: <https://rg.ru/2011/06/03/bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 24.06.2019).
8. Прокопешкин В. И. Некоторые аспекты применения профайлинга // Пятый океан. 2017. № 2. С.12-20.
9. Родионова А. А. Личностные детерминанты психологической наблюдательности : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. М., 2001. 173 с.
10. Шомахов М. К. К вопросу обеспечения безопасности городского общественного транспорта от террористических угроз // Труды Академии управления МВД России. 2014. №4 (32). С. 125-128

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ К ФОРМИРОВАНИЮ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ

Полежай И. С., студентка 3 курса Института психологии
РГПУ им. А. И. Герцена, polezhay.irina@mail.ru

Безгодова С. А., кандидат психологических наук, доцент кафедры
психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена, s.a.bezgodova@gmail.com

Аннотация. Исследование, представленное в статье, посвящено психологическим предпосылкам делинквентного поведения подростков, в частности, их характерологическим и личностным особенностям. Исследование проведено на двух группах подростков, совершавших и не совершавших правонарушения (n=62). Программа исследования включает в себя следующие методы: анализ литературы, наблюдение, беседа, опрос, тестирование, корреляционный анализ, методы математической статистики. В результате исследования было эмпирически доказано преобладание в группе подростков с делинквентным поведением людей с эпилептоидными чертами характера, недифференцированной идентичностью, негативным самоотношением, низким уровнем развития рефлексивности и коммуникативных характеристик.

Ключевые слова: делинквентное поведение, характерологические особенности, личностные предпосылки, подростки.

Введение. Изучение предпосылок делинквентного поведения актуально для современного российского общества. В последнее время значительно участились случаи краж, грабежей, террористических актов, жестоких избиений, разбойных нападений и убийств, участниками которых являются подростки. Согласно данным официальной статистики последнего десятилетия, количество зарегистрированных преступлений в Российской Федерации имеет тенденцию к повышению. В 2018 году на территории России несовершеннолетними и при их соучастии было совершено 79 925 преступлений, что на 3197 преступлений больше по сравнению с 2017 годом [9].

Несомненно, что предпосылками делинквентного поведения подростков могут выступать как характерологические и личностные особенности, так и внешние социальные факторы, к примеру, семейная ситуация развития. В подростковом возрасте заостряются черты характера, которые определяются как акцентуации – крайние варианты нормы характера, при которых отдельные его черты чрезмерно усилены, при избирательной уязвимости к определенному роду воздействий и определенной устойчивости к другим воздействиям [5]. Акцентуации развиваются в период становления личности и по мере взросления сглаживаются, компенсируясь другими чертами характера [5]. Таким образом, характерологические особенности, которые являются устойчивыми индивидуально-психологическими образованиями личности подростков, могут быть связаны с их поведением и предопределять склонность к различным девиациям [4].

Рефлексивность как личностное новообразование подросткового периода должна способствовать преодолению негативных проявлений в характер

подростка [10]. Стоит отметить, что рефлексия обозначает обращение субъектов внимания на себя и продукты своей активности, а также она выполняет регулятивную функцию их психической деятельности. Низкий уровень рефлексии может проявляться в низкой способности к саморегуляции подростка и может вызывать повышенную конфликтность и агрессивность [10]. Известно, что подростки ориентированы на референтную группу и ее ценности. Одна из ценностей подростковых групп – стремление к свободе и независимости, которые при делинквентном поведении характеризуются внешним проявлением внутренних побуждений. Подростки с низким уровнем рефлексии не в состоянии справиться с предъявляемыми нормами и силой своего Я, они переживают межличностные и внутриличностные конфликты, с которыми не в состоянии справиться самостоятельно. Кроме того, у них наблюдается снижение регулятивных функций по отношению к практической деятельности, а также отсутствует барьер на пути к реализации возникающих побуждений, и, как следствие, они не способны регулировать свое поведение и предусматривать его последствия [7].

Семейная ситуация развития может усилить или ослабить характерологические и личностные особенности, способствующие формированию у подростков склонности к проявлению делинквентного поведения. К примеру, Г. Айзенк считал, что подросток, предрасположенный к делинквентному поведению, был подвержен соответствующему негативному влиянию в детстве [9]. Насилие является «естественной средой обитания» для подростка, над которым совершают насильственные действия, и который впоследствии не принимает ни каких других путей решения проблем, кроме насилия [6].

Таким образом, в целях профилактики делинквентного поведения важно понимать его причины, а также то, что может являться предпосылкой к его формированию, какие характеристики отличают делинквентных подростков от их сверстников, не совершавших правонарушения.

Программа исследования. Целью исследования было выявление взаимосвязи делинквентного поведения подростков и их характерологических и личностных особенностей. Предметом исследования стали характерологические и личностные особенности, взаимосвязанные с делинквентным поведением подростков. Объектом исследования выступали подростки из четырех общеобразовательных школ Петродворцового района Санкт-Петербурга. Всего в исследовании участвовало 62 подростка, учащихся 8-10 классов. Из них 31 подросток с делинквентным поведением, определенном на основании совершения ими правонарушения, и в связи с этим, стоящих на контроле комиссии по делам несовершеннолетних (далее КДН) и внутришкольном контроле; 31 подросток без признаков делинквентного поведения, не совершавших правонарушений и не состоящих на учете в КДН и внутришкольном контроле. Возраст респондентов составлял от 14 до 16 лет, 37% девочки, остальные 63% мальчики (в обеих группах). Данные собирались в период с ноября по декабрь 2018 года.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что делинквентное поведение может быть связано как с особенностями характера и личности подростков, так и с их семейной ситуацией развития.

В ходе исследования были применены следующие методы: наблюдение, беседа, опрос, тестирование, конкретизированные в следующих методиках: «Патохарактерологический диагностический опросник» ПДО А. Е. Личко, «Шкала субъективного благополучия» М. В. Соколова, тест двадцати высказываний «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда в модификации Т. В. Румянцевой, Методика диагностики уровня развития рефлексивности А. В. Карпова. Для обработки полученных данных применялся качественный анализ процентных отношений, сравнительный анализ с использованием статистического критерия Манна-Уитни, корреляционный анализ Пирсона.

Результаты исследования. В выборке делинквентных подростков был выявлен преобладающий тип акцентуации – эпилептоидная, которая выражена у 64,5% исследуемых делинквентных подростков (см. таблицу 1). В незначительной мере в данной группе представлены подростки с другими типами акцентуаций, а именно с гипертимным (5,2%), неустойчивым (6,4%), шизоидным (9,6%), истероидным (7,9%) и циклоидным (6,4%) типами. В исследуемую выборку подростков без признаков делинквентного поведения вошли 28,8% подростков с преобладанием гипертимного типа и 32,5% респондентов с преобладанием лабильного типа акцентуации характера, остальные типы представлены менее чем 10% у подростков.

Таблица 1.

Распределение типов акцентуаций характера в группах подростков с делинквентным поведением и без признаков делинквентного поведения

Преобладающий тип акцентуации характера	Подростки с делинквентным поведением (%)	Подростки без признаков делинквентного поведения (%)
Сенситивный тип	0	6,4
Лабильный тип	0	32,5
Гипертимный тип	5,2	28,8
Неустойчивый тип	6,4	6,7
Шизоидный тип	9,6	9,6
Эпилептоидный тип	64,5	6,4
Истероидный тип	7,9	3,2
Циклоидный тип	6,4	6,4

Описывая себя, делинквентные подростки склонны к большей дифференциации суждений и употреблению субъектных характеристик в отношении себя (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Сравнительный анализ количественных характеристик суждений о себе подростков с делинквентным поведением и подростков без признаков делинквентного поведения

Параметры сравнения	Среднее значение (группа подростков с делинквентным поведением)	Среднее значение (группа подростков без признаков делинквентного поведения)	U Манна-Уитни	р-уровень
Уровень дифференцированности идентичности	16,65	16,29	335,5	0,02
Количество субъективных характеристик	14,07	13,67	337,5	0,04

Кроме того, в высказываниях о себе подростки обеих групп чаще отмечают рефлексивные, социальные и деятельные характеристики (см. рисунок 1).

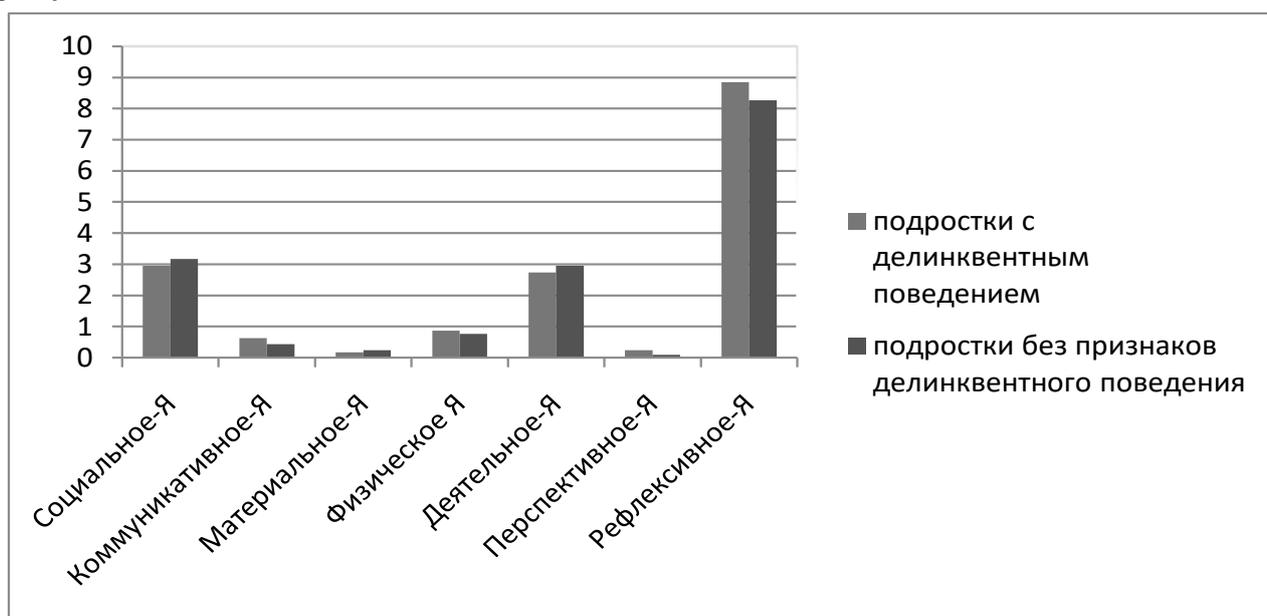

Рисунок 1. Средние значения характеристик Я подростков с делинквентным поведением и подростков без признаков делинквентного поведения

Кроме того, в высказываниях о себе подростки с делинквентным поведением значимо чаще употребляют коммуникативные характеристики и характеристики физического Я (см. таблицу 3).

Таблица 3.

Сравнительный анализ характеристик коммуникативного Я и физического Я подростков с делинквентным поведением и подростков без признаков делинквентного поведения

Параметры	Среднее значение (группа подростков с делинквентным поведением)	Среднее значение (группа подростков без признаков делинквентного поведения)	U Манна-Уитни	р- уровень
Коммуникативное Я	0,63	0,42	281,5	0,01
Физическое Я	2,73	2,95	342,0	0,02

Самооценка в группе делинквентных подростков демонстрирует довольно большой диапазон: было выявлено 12,9% подростков с заниженной самооценкой, неустойчивой – 32,3%, с адекватной самооценкой – 35,5%, с неадекватно завышенной самооценкой – 19,3% данной выборки. В группе подростков без признаков делинквентного поведения самооценка в 100% случаев адекватна и позитивна. Сравнительный анализ показал, что самооценка подростков без признаков делинквентности в целом более высокая, чем у подростков с делинквентным поведением (см. таблицу 4).

Таблица 4.

Сравнительный анализ уровня самооценки подростков с делинквентным поведением и подростков без признаков делинквентного поведения

Параметры	Среднее значение* (группа подростков с делинквентным поведением)	Среднее значение (группа подростков без признаков делинквентного поведения)*	U Манна-Уитни	р- уровень
Уровень самооценки	2,61	3,0	365,5	0,04

*Примечание: *по 4-хбальной шкале*

В обеих группах не было обнаружено различий по уровню рефлексивности и уровню субъективного благополучия, для обеих групп результаты находятся в диапазоне средних значений по шкалам методик (см. табл.5). Однако, на уровне тенденций можно отметить, что подростки с делинквентным поведением оценивают себя как более благополучных, а подростки без признаков делинквентного поведения являются чуть более рефлексивными.

Таблица 5.

Средние значения по показателям «Рефлексивность» и «Субъективное благополучие» подростков с делинквентным поведением и подростков без признаков делинквентного поведения

Показатели	Подростки с делинквентным поведением		Подростки без признаков делинквентного поведения	
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение
Рефлексивность	115,23	16,6	117,61	22,57
Субъективное благополучие	54,03	17,38	45,68	16,87

Также нами были установлены связи между наличием делинквентного поведения у подростка и особенностями семейной ситуации развития. В частности, исследовалось взаимодействие родителя с ребенком, которое последний определяет как насилие, осуществляемое над его личностью. В результате проведенного интервью, нами был выявлен факт признания 98 % делинквентных подростков того, что над ними совершалось семейное насилие. Была установлена связь между признанием ребенком о совершении над ним насилия и фактом наличия у него делинквентного поведения ($r=0,87$, при $p<0,5$). С помощью беседы выяснилось, что в детстве у 80,6% делинквентных подростков отмечались способности к различным видам деятельности, но родители не стремились развивать их. Пренебрежение родителями потребностей ребенка в развитии – еще один факт, коррелирующий с проявлением у него делинквентного поведения ($r=0,84$, при $p<0,5$). Подростки, не отличающиеся данным видом поведения, вовсе не отмечали совершения насилия по отношению к ним и игнорирования потребностей в развитии со стороны родителей, что подтверждено данными сравнительного анализа (см. таблицу 6).

Таблица 6.

Результаты сравнительного анализа показателей группы делинквентных подростков и группы подростков, не совершавших правонарушения

Параметры	Среднее значение (группа подростков с делинквентным поведением)	Среднее значение (группа подростков без признаков делинквентного поведения)	U Манна-Уитни	p-уровень
Насилие по отношению к личности*	1,1	1,96	62	0,001
Развитие родителями способностей**	1,9	1,1	93	0,001

*Примечание: *ответы на вопрос: осуществлялось ли насилие: да -1 балл, нет -2 балла; ** ответы на вопрос: занимались ли родители развитием способностей: да- 1 балл, нет -2 балла*

Обсуждение результатов. Нами было выявлено на исследуемой выборке, что эпилептоидная акцентуация характера встречается чаще других в выборке делинквентных подростков, а также чаще, чем у их сверстников, не совершавших преступления. Эпилептоидная акцентуация характеризуется склонностью к возникновению злобно-тоскливого настроения, с накапливающим раздражением и поиском объекта, на котором можно выместить зло. С этим связана выраженность аффекта и повышенная агрессивность, а также обвинение окружающих в происходящем. Повод для аффекта и агрессивных вспышек может быть любым. Кроме того, такие подростки любят подчинять себе других и устанавливать свои порядки в группе [1; 4; 5]. Очевидно, что их агрессивное поведение часто направлено на причинение вреда другим и, соответственно, наказываемся. По этой причине среди подростков с делинквентным поведением большинство именно с эпилептоидной акцентуацией, которую можно определить как характерологическую предпосылку делинквентного поведения.

Учитывая, что уровень рефлексивности не демонстрирует значимых различий у подростков с делинквентным поведением от их правопослушных сверстников, то именно размышления над своими поступками и действиями может объяснить факт преобладания у них субъектных характеристик и дифференцированность в самоописаниях Я. Кроме того, большее внимание к коммуникативным и физическим аспектам своего Я у подростков с делинквентным поведением могут свидетельствовать о переживаниях по поводу принятия их другими людьми. Косвенно это предположение можно подтвердить более низким, по сравнению с подростками без признаков делинквентного поведения, уровнем самооценки, которая, как правило, формируется на основании отношения значимых других, прежде всего, родителей, к подростку [2; 8]. Действительно, нами было выявлено признание делинквентными подростками совершения насилия по отношению к ним со стороны родителей и игнорирование потребностей их развития.

Выводы. Проведенное нами исследование показало значимое преобладание эпилептоидной акцентуации характера в группе делинквентных подростков, и это позволило нам говорить о том, что она может являться предпосылкой делинквентного поведения. Однако, не было выявлено значимых отличий по другим типам акцентуаций, что свидетельствует о необходимости проведения подобного исследования в данной области на большей выборке. Также было показано, что значимой предпосылкой для формирования делинквентного поведения является взаимодействие с родителями, в котором подростки усматривают игнорирование их потребностей в развитии и констатируют факты насилия со стороны родителей. Кроме того, среди личностных особенностей делинквентных подростков можно отметить неустойчивость и неадекватность их самооценки, а также негативное самоотношение, что может быть как причиной, так и следствием нарушений поведения.

Таким образом, наше предположение о том, что делинквентное поведение может быть связано как с особенностями характера и личности подростков, так и с их семейной ситуацией развития, нашло свое подтверждение.

Литература:

1. Ахметзянова А. А., Кедрова И. А., Рудакова Е. В. Психологические особенности личности подростков, детерминирующие их девиантное поведение // Акмеология. 2016. №4 (60). С. 201-209.
2. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2019. 290 с.
3. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Речь, 2009. 256 с.
4. Ощепков А. А. Социально-психологический анализ характерологических особенностей личности девиантного подростка // Общество и право. 2008. №1 (19). С. 275-279.
5. Панферов В. Н., Микляева А. В., Румянцева П. В. Основы психологии человека. Учебное пособие. СПб.: Речь, 2009. 432 с.
6. Пинаев П. В., Некрасов Д. Ю. Влияние семьи на формирование девиантности подростка // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. №1 (13). С.142-149.
7. Рассудова Л. А. Процесс рефлексии у девиантных подростков // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. №7(15). С. 25.
8. Реан А. А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст // Национальный психологический журнал. 2015. №4 (20). С. 105-110. doi:10.11621/npj.2015.0410
9. Сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс] //URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.05.19)
10. Саламатина И. И. Зарубежные теории делинквентности несовершеннолетних // Сибирский педагогический журнал. 2007. №14. С. 390-399.
11. Чижова И. Н. Рефлексивность и агрессивное поведение делинквентных подростков // Теория и практика общественного развития. 2010. №2. С. 292-297.

МОТИВАЦИЯ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Сотникова Д. С., студентка 4 курса Института психологии
РГПУ им. А. И. Герцена, sotnikovadaria@yandex.ru

Чежина Я. В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
развития и образования РГПУ им. А. И. Герцена, janachezhina@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования мотивации физкультурно-спортивной деятельности студентов, проведенного с применением методик «Мотивы занятий спортом» А. В. Шаболтас и «Изучение мотивов занятий спортом» В. И. Тропникова, а также авторской анкеты «Мотивация физкультурно-спортивной деятельности студентов в вузе». Актуальность данной работы заключается в наблюдаемом противоречии между пользой физической активности и незаинтересованностью студентов в занятиях по физическому воспитанию, проводимых в вузе. Цель исследования заключалась в изучении особенностей мотивации физкультурно-спортивной деятельности студентов вуза. Гипотеза заключалась в том, что существуют различия в мотивации физкультурно-спортивной деятельности студентов с разным спортивным стажем. Выборка составила 50 студентов, обучающихся в РГПУ им. А. И. Герцена. Удалось выявить, что доминирующими мотивами физической деятельности являются мотивы эмоционального удовольствия, развития характера и психических качеств, а также физического самосовершенствования и самоутверждения. Кроме того, была изучена структура мотивов студентов с разным спортивным стажем.

Ключевые слова: мотивация, физическая культура, обучение в вузе, студенты, здоровье, спорт.

Введение. Спорт и физическая культура являются не только средством укрепления и оздоровления организма. Регулярная физическая активность способствует улучшению работы памяти, снижению нервного напряжения, а также повышению самооценки. Изучением данной темы занимались в разное время П. Ф. Лесгафт, А. Ц. Пуни, П. А. Рудик, Е. П. Ильин [4; 5]. На сегодняшний день она не становится менее актуальной, о чем свидетельствует значительное количество исследований, в том числе работы Е. Д. Грязевой, А. А. Сурикова, Е. А. Челноковой и ряда других авторов [1; 3; 4; 8; 9; 11]. Несмотря на очевидные преимущества, занятия по физическому воспитанию в вузе часто не являются столь популярными среди студентов [9]. Сложившееся противоречие между явными достоинствами спортивной деятельности и стойким нежеланием в ней участвовать со стороны обучающихся делает данный вопрос еще более важным. Особенно если обратить внимание на то, как преимущества, приобретаемые в результате систематических физических упражнений, могут повлиять на эффективность учебной деятельности. Об этом свидетельствуют работы Ю. А. Моргунова и В. Сузуки [7; 14]. Именно поэтому следует уделять внимание изучению мотивации физкультурно-спортивной деятельности студентов. А изучение данного психологического феномена в контексте разного спортивного стажа позволяет выявить те мотивы, которые проявляются уже в процессе спортивной деятельности, и те, что присутствуют независимо от опыта спортивной деятельности.

Программа исследования. Цель проведенного исследования - изучить особенности мотивации физкультурно-спортивной деятельности студентов высших учебных заведений, исходя из предположения о наличии различий в мотивации физкультурно-спортивной деятельности у студентов с разным спортивным стажем. В данной работе под спортивным стажем нами понимается опыт регулярного участия в физкультурно-спортивной деятельности, организованной в рамках той или иной секции либо самостоятельно. Исследование проводилось с помощью методик «Мотивы занятий спортом» А. В. Шаболтас и «Изучение мотивов занятий спортом» В. И. Тропникова. Единовременное использование обеих методик обусловлено тем, что рассматриваемые в них мотивы являются взаимодополняемыми и позволяют изучить мотивационную структуру более детально. В дополнение к упомянутым выше методикам использовалась авторская анкета «Мотивация физкультурно-спортивной деятельности студентов в вузе».

В исследовании приняли участие 50 студентов 1-4 курсов бакалавриата в возрасте 18-25 лет (средний возраст – 20 лет) обучающихся на различных факультетах (институт психологии – 48%; институт педагогики – 20%; институт дефектологического образования и реабилитации и юридический факультет – по 6%; матфак, институт иностранных языков, институт физической культуры и спорта и факультет химии – по 4 %; институт детства и ИКНиТО – по 2%) РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург). В силу специфики вуза, 90% выборки составили девушки, а 10% - юноши. Для сбора эмпирических данных использовался интернет-ресурс “Google-формы”. В группу с меньшим спортивным стажем попали те респонденты, которые систематически занимаются физкультурно-спортивной деятельностью любого уровня менее 5 лет, в группу с большим стажем – те, кто участвуют в такой деятельности более 5 лет. Для обработки полученных результатов в данном исследовании использовались методы базовой математической статистики, критерий t-Стьюдента, корреляционный анализ с использованием критерия Пирсона, а также качественный анализ. Для проведения математической обработки использовалась программа Statistica version 13.3.

Результаты. В ходе исследования были получены следующие данные. Во-первых, основываясь на результаты методики А. В. Шаболтас, можно говорить, что наиболее выраженными мотивами физкультурно-спортивной деятельности студентов являются мотив эмоционального удовольствия и физического самоутверждения. Тем не менее, оба мотива набрали около 15 баллов из 27 возможных, что соответствует среднему уровню выраженности мотивов. Наименее распространенными оказались мотив социального самоутверждения, социально-моральный и гражданско-патриотический мотивы. Можно сделать вывод, что для студентов физкультурно-спортивная деятельность в первую очередь важна как источник положительных эмоций, а также как средство физического развития и закаливания характера. Уважение товарищей, успех команды и победы на соревнованиях играют для большинства респондентов менее значимую роль.

Наиболее популярными по методике В. И. Тропникова стали мотивы физического совершенства и развития характера и психических качеств. Это во многом схоже с результатами первой методики и говорит о том, что для респондентов характерно рассматривать физическую нагрузку как один из инструментов самовоспитания, самосовершенствования.

Как видно из таблицы 1, при сравнении мотивов занятий спортом в группах с различным спортивным стажем при помощи t-критерия Стьюдента нами выявлены значимые различия в проявлении мотивов социального самоутверждения, социально-моральном, гражданско-патриотическом и мотиве эстетического удовольствия.

Таблица № 1

Значимые различия в степени выраженности мотивов физкультурно-спортивной деятельности в группах с разным спортивным стажем

Мотив	Mean 0	Mean 1	t-value	df	p	Valid N 0	Valid N 1	Std.Dev. 0	Std.Dev. 1	F-ratio Variance	p Variance
Социальное самоутверждение	1,05	4,93	-2,91	48,00	0,01	21,00	29,00	1,12	6,03	29,14	0,00
Социально-моральный	1,62	4,69	-2,58	48,00	0,01	21,00	29,00	1,80	5,23	8,43	0,00
Гражданско-патриотический	2,00	4,72	-2,21	48,00	0,03	21,00	29,00	1,82	5,42	8,92	0,00
Эстетическое удовольствие	2,64	3,18	-2,07	48,00	0,04	21,00	29,00	0,81	0,97	1,43	0,41

Все вышеперечисленные мотивы являются более выраженными среди респондентов с большим спортивным стажем. Это может объясняться тем, что, занимаясь спортом более длительное время, сама деятельность становится более ценной, быть может меняется круг общения, в котором становится больше людей, заинтересованных в здоровом образе жизни. Кроме того, среди респондентов могли быть и те, кто занимается командными видами спорта, а также планирует связать с ним свою профессию. Вероятно, из-за этого социально-моральный и гражданско-патриотический мотивы в данной группе выше.

Кроме того, удалось выявить различия в структуре мотивов для каждой из групп. Как видно из рисунка 1, в группе со спортивным стажем менее 5 лет гражданско-патриотический (ГП) мотив имеет положительную взаимосвязь сразу с тремя мотивами: социально-моральным (СМ), рационально-волевым (РВ) и спортивно-познавательным (СП). Таким образом, чем сильнее выражено у субъекта стремление к успешным выступлениям на соревнованиях и поддержанием престижа города или страны, тем в большей степени будет проявляться стремление к успеху самой команды и заинтересованность в изучении спортивной техники, лежащей в основе будущих побед. Кроме того, желание заниматься спортом с целью компенсации дефицита двигательной

активности при умственной работе также будет возрастать с выраженностью гражданско-патриотического мотива.

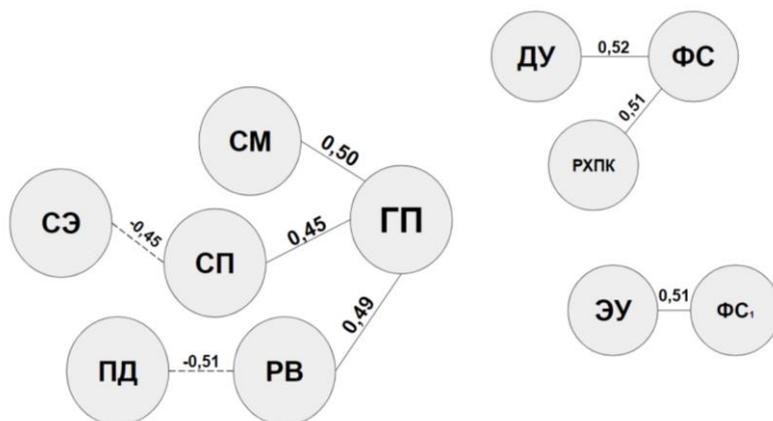

Рисунок 1. Корреляционная плеяда группы со спортивным стажем менее 5 лет

В данной группе спортивно-познавательный (СП) мотив находится в отрицательной взаимосвязи с социально-эмоциональным (СЭ) мотивом. Можно предположить, что если студенту уже приятна и интересна соревновательная деятельность, то стремление к изучению технической стороны данного вида спорта увлекает его в меньшей степени. И наоборот, для тех, кто в меньшей степени любит атмосферу соревнований, изучение принципов тренировочного процесса и тактическая подготовка становится более важным. Рационально-волевой (РВ) мотив состоит в отрицательной взаимосвязи с мотивом подготовки к профессиональной деятельности (ПД). Это весьма неожиданно, ведь данные мотивы близки по смыслу. Мотив физического самоутверждения (ФС) положительно взаимосвязан с мотивами достижения успехов (ДУ) в спорте и развития характера и психических качеств (РХПК). Вероятно, респонденты, нацеленные на достижение высоких результатов в спорте, на профессиональном или же любительском уровне, осознают положительное влияние физических нагрузок на развитие характера, а также на улучшение физических показателей. Кроме того, в данной группе наблюдается прямая взаимообусловленность между показателями мотивов эмоционального удовольствия (ЭУ) и физического совершенствования (ФС₁). Данное взаимоотношение можно охарактеризовать, как положительное отношение субъекта к спортивной деятельности, ее результатам и эмоциональным фоном, сопровождающим данную деятельность.

Особенности мотивов респондентов, занимающиеся физкультурно-спортивной деятельностью более 5 лет проиллюстрированы на рисунке 2.

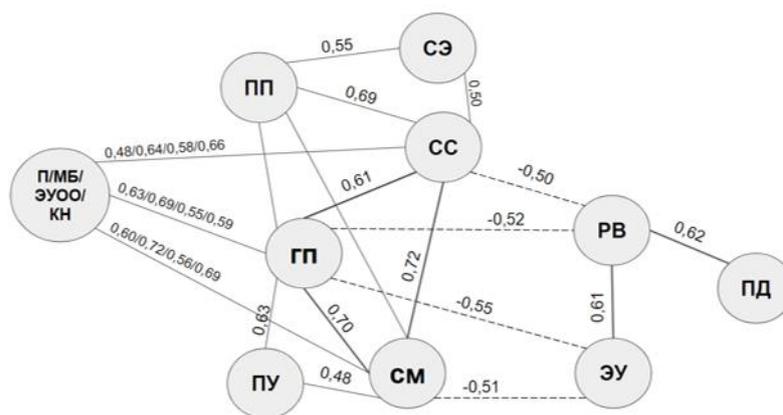

Рисунок 2. Корреляционная плеяда группы со спортивным стажем более 5 лет

Во-первых, мотив социального самоутверждения (СС) положительно связан с показателями социально-эмоционального (СЭ) мотива. Это свидетельствует о том, что, чем больше респондент стремится проявить себя в спорте, оценивая свои победы с точки зрения личного престижа и уважения знакомых и зрителей, тем больше ему будет приятно участие в соревновательной деятельности. Во-вторых, показатели СС имеют прямую взаимообусловленность с показателями социально-морального (СМ) и гражданско-патриотического мотивов (ГП), а также мотива повышения престижа (ПП). Таким образом, группу респондентов, в которой будут доминировать мотивы ГП, СМ, ПП и СС, можно охарактеризовать как тех, для кого спорт становится крайне важной частью повседневной жизни, источником новых знакомств и возрастающего числа обязательств, когда физическая активность скорее приближается к профессиональной деятельности, а все полученные трофеи и медали становятся достоянием не только самого спортсмена, но и честью тренера и товарищей по команде. В то же время, данный мотив имеет отрицательную взаимосвязь с рационально-волевым мотивом (РВ). Это взаимоотношение можно, опять-таки, объяснить различным отношением респондентов к физкультурно-спортивной активности. Для одних она воспринимается как деятельность, в каком-то роде близкая к профессиональной, а для других - остается приятных хобби.

Мотив эмоционального удовольствия (ЭУ) в данной группе положительно связан с рационально-волевым. Данная взаимосвязь может иллюстрировать то, что для респондентов в этой группе физическая активность приобретает новое значение, ее влияние ассоциируется с улучшенной работоспособностью и возможностью восстановить силы после умственных нагрузок. Отрицательная взаимосвязь наблюдается у данного и социально-морального мотива. В основе этой взаимообусловленности может лежать тот же принцип, что и в корреляции показателей мотивов СС и РВ. Социально-моральный мотив обладает положительной связью с гражданско-патриотическим мотивом, и мотивом приобретения полезных для жизни умений и знаний (ПУ). Можно предположить, что взаимосвязь этих трех мотивов характерна для тех респондентов, которые занимаются спортом на

более серьезном уровне, имея уже какие-то успехи, а также оценивая физкультурно-спортивную деятельность как полезную для повседневной жизни. Мотив повышения престижа (ПП) положительно взаимосвязан с показателями СЭ, СС, ГП и СМ мотивов. Это можно объяснить тем, что для каждого из них в той или иной степени характерна соревновательная деятельность и связанные с ней успехи и ощущение собственной ценности и популярности, желание и в будущем улучшать свои результаты. Мотивы познания (П), материальных благ (МБ), эстетического удовольствия (ЭУОО) и коллективистской направленности (КН) все положительно связаны с мотивами ГП, СМ и СС. Это вновь можно объяснить тем, что для части респондентов спортивная деятельность становится основополагающей, быть может они хотят связать с ней будущую профессию.

Исходя из результатов авторской анкеты можно сделать выводы о том, как студентами воспринимается физкультурно-спортивная деятельность, организованная в вузе. В первую очередь, важно отметить, что 76% респондентов говорят, что им не хватает физической нагрузки на занятиях. То есть им, вероятно, хотелось бы, чтобы нагрузка была более значительной, а занятия были более эффективными. При этом 68% ответивших не считают занятия по физическому воспитанию лишними. Это может говорить о том, что респонденты осознают значимость данных занятий в рамках учебного процесса и то, какую пользу они приносят или могли бы принести. 82% респондентов предпочитают заниматься спортом за пределами вуза. Данный показатель говорит о том, что данным студентам интересны тема спорта и физической культуры. Такой высокий показатель заинтересованности студентов в физкультурной деятельности свидетельствует о растущей популярности темы спорта среди молодежи.

Обсуждение результатов. Полученные в ходе проведения исследования данные находят свое подтверждение в работах Е. А. Челноковой, Н. А. Беловой и М. А. Гнездилова [11; 1; 2]. На наш взгляд, наиболее важными с практической точки зрения являются следующие тенденции. Во-первых, выраженность мотивов эмоционального удовольствия и физического самосовершенствования не связана со спортивным стажем студента. Однако эти мотивы являются наиболее популярными для данной выборки. Следовательно, именно на них стоит сделать акцент при составлении программы занятий. Кроме того, основываясь на степени удовлетворенности студентов содержанием и уровнем физической нагрузки на занятиях по физическому воспитанию, можно создать диагностический инструментарий, нацеленный на изучение потребностей студентов в физической нагрузке. Важно отметить, что, зная о спортивном стаже студентов и характерной для него структуре мотивов, можно с большей точностью говорить о том, какие воздействия окажутся наиболее эффективными для повышения заинтересованности студентов в дисциплине «Физическое воспитание».

Выводы:

1. Среди студентов ведущими мотивами занятий физкультурно-спортивной деятельностью являются мотив эмоционального удовольствия, физического совершенствования и развития характера и психических качеств.
2. Социально-моральный и гражданско-патриотический мотивы, а также мотив социального самоутверждения являются наименее значимыми для респондентов.
3. В группах с различным спортивным стажем есть различия в структуре мотивов спортивной деятельности.
 - а. Внутри мотивационной структуры группы с меньшим спортивным стажем наблюдается меньшее количество взаимосвязей. Наибольшее количество корреляций можно видеть в отношении гражданско-патриотического мотива.
 - б. Группу, в которую входят респонденты, занимающиеся спортом более 5 лет, можно разделить на две подгруппы. Первые - те, кто стремится к достижению успехов в спорте, и вторые - те, кто занимается физкультурной деятельностью с целью укрепления своего здоровья.
4. Большинству студентов недостает нагрузки на занятиях по физическому воспитанию, они занимаются спортом самостоятельно за пределами вуза. Тем не менее, большая часть обучающихся не считает занятия в вузе лишними, осознавая важность физической активности для поддержания здоровья.

Литература

1. Белова Н. А., Белова О. О. Исследование мотивации спортивной деятельности // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 4. С. 66-73.
2. Гнездилов М. А. Роль занятий физической культурой и спортом в условиях сохранения и укрепления здоровья учащейся молодежи ее социальной адаптации личностного и профессионального становления // Концепт. 2013. №12. С. 1-9.
3. Грязева Е. Д., Жукова М. В., Кузнецов О. Ю., Петрова Г. С. Оценка качества физического развития и актуальные задачи физического воспитания студентов. М.: ФЛИНТА, 2013. 168 с.
4. Должикова Х. В., Семенова Е. Е. Факторы внешней среды, влияющие на развитие физической культуры и спорта // Вестник ОрелГИЭТ. 2018. №2. С.11-16.
5. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2008. 512 с.
6. Ильин Е. П. Психология спорта. СПб.: Питер, 2008. 590 с.
7. Моргунов Ю. А., Федоров А. В., Петров С. А. Влияние на физическое и психическое здоровье человека регулярных занятий оздоровительными формами физической культуры (Методические рекомендации). М., 2009. 32 с.
8. Панчук Н. С. Психолого-педагогические аспекты формирования физической культуры студентов // Вестник университета. 2013. №13. С. 242-245.
9. Суриков А. А., Кожанов В. И. Исследование интереса и мотивации студентов к занятиям физической культурой // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2016. № 1. С.119-125.
10. Тропников В. И. Структура и динамика мотивов спортивной деятельности : автореф. дис. ...канд. психол. наук. Л., 1989. 13 с.

11. Челнокова Е. А., Агаев Н. Ф., Тюмасева З. И. Формирование мотивации студентов к занятиям физической культурой и спортом в высшей школе // Вестник Мининского университета. 2018. Том 6. №1. С. 16.
12. Шаболтас А. В. Мотивы занятия спортом высших достижений в юношеском возрасте: автореф. дис. ...канд. психол. н. СПб., 1998. 21 с.
13. Яковлев Б.П. Мотивация и эмоции в спортивной деятельности: учебное пособие. М.: Советский спорт, 2014. 312 с.
14. Suzuki W., Fitzpatrick B. Healthy Brain, Happy Life: A Personal Program to Activate Your Brain and Do Everything Better. NY.: Harper Collins Publishers, 2015. 320 p.

ЭГО-НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ

Телякова Д. А., студентка 4 курса Института психологии
РГПУ им. А. И. Герцена, diluuu@list.ru

Васильева С. В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
человека РГПУ им. А. И. Герцена, vivatvsv@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования эго-направленности и копинг-стратегий студентов первого курса. При помощи личностного опросника Г. Айзенка (EPQ) было изучено распределение типов эго-направленности среди респондентов. При помощи опросников «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS)» С. Хобфолла и «Преодоление трудных жизненных ситуаций (ПТЖС)» В. Янке и Г. Эрдманна были выявлены стратегии преодолевающего поведения, которые больше присущи студентам-интровертам, амбивертам и экстравертам в трудной жизненной ситуации. Также была выявлена взаимосвязь между параметром экстраверсии и некоторыми копинг-стратегиями.

Ключевые слова: эго-направленность, экстраверсия, интроверсия, амбиверсия, копинг-стратегии, студенты-первокурсники.

Введение. Для студентов, которые только начинают обучение в университете, смена среды (жилой, городской, образовательной, информационной) является фактором, вызывающим состояние напряжения, и обуславливает определенные стратегии поведения, которые могут способствовать приспособлению к новой ситуации.

От того, насколько успешно студент войдет в новую социальную среду университета, приспособится к ее требованиям и правилам, зависит дальнейшее отношение его к учебному процессу, взаимодействию с преподавателями и другими студентами [4].

Выбор стратегии преодоления стрессовой ситуации зависит от множества факторов, в том числе от особенностей личности. К таким особенностям можно отнести и эго-направленность.

Согласно К. Юнгу, существует две противоположные эго-направленности: экстраверсия и интроверсия. Экстраверсия характеризуется интересом к внешнему объекту, отзывчивостью и готовностью воспринимать внешние события, желанием влиять и оказываться под влиянием событий, потребностью вступать во взаимодействие с внешним миром. Интроверсией называется обращение психической энергии вовнутрь. Этим выражается негативное отношение субъекта к объекту. Интерес не направляется на объект, но отходит от него назад к субъекту. Оба типа направленности существуют в каждом человеке, однако одна из них доминирует над другой [10].

Теоретическим обоснованием феноменов экстраверсии и интроверсии занимался не только Карл Юнг, но и другие ученые, например, Г. Айзенк. К. Юнг объяснял экстраверсию и интроверсию как установки сознания личности, которые являются противоположными друг другу, направленность психической энергии, Г. Айзенк представлял интроверсию и экстраверсию как суперчерты (типы) личности, которые состоят из определенных черт и привычных реакций [1; 9].

Что касается проблематики копинг-поведения и копинг-стратегий, то она является довольно популярной как в отечественной, так и в зарубежной психологии примерно с 60-х годов XX века [7]. Понятия «coping stress» и «coping behavior» в зарубежных исследованиях отражают проблемы борьбы со стрессом, его профилактики и коррекции (изменение реакции на воздействие стрессогенных факторов и восстановление нормального состояния). В отечественной психологии копинг определяется как преодоление, содержащее в себе совокупность приемов и стратегий, позволяющее справиться с дезадаптацией и стрессовым состоянием [3].

Существует множество подходов к пониманию копинг-стратегий, моделей и классификаций, раскрывающих данный феномен. Самыми известными зарубежными исследователями проблемы копинг-поведения и копинг-стратегий являются Р. Лазарус и С. Фолкман. Они определяли преодолевающее поведение как находящиеся в постоянном изменении когнитивные и поведенческие усилия, прилагаемые человеком для того, чтобы справиться с требованиями внешнего мира, которые вводят человека в состояние напряжения или превышают имеющиеся у него ресурсы [5].

Среди отечественных исследователей наибольший вклад в изучение проблемы копинг-поведения внесли такие ученые, как Т. Л. Крюкова, В. А. Бодров, С. К. Нартовой-Бочавер, Л. И. Анцыферова, Н. Е. Водопьянова и другие.

В рамках нашей работы исследуются поведенческие стратегии у студентов, обучающихся на первом курсе. Копинг-поведение студентов изучалось многими исследователями с разных ракурсов. Рассматривались стратегии приспособления студентов в ситуации экзаменов (А. Ю. Малёнова), в ситуации адаптации к обучению в высшем учебном заведении (А. Н. Захарова, Г. С. Дулина, Н. В. Григорьева, С. А. Петунова) и в ситуации его окончания, в других кризисных переживаниях в период студенчества (И. А. Курусь).

«Студенческий возраст» представляет собой отдельный возрастной период. Именно в этом возрасте человек попадает в среду, наполненную различными социальными общностями, новыми требованиями к человеку, где происходит развитие всех компонентов его личности [6].

Таким образом, **цель** нашей работы заключается в выявлении копинг-стратегий, свойственных для студентов первого курса с разным типом эго-направленности.

Программа исследования. В исследовании принимали участие студенты первого курса институтов психологии, дефектологического образования и реабилитации Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена и института философии Санкт-Петербургского государственного университета. В ходе исследования было опрошено 75 человек, 15% из которых составили юноши и 85% – девушки. Возрастной диапазон участников исследования составил от 17 до 21 года (средний возраст – 18,5 лет). Опрос респондентов проходил в ноябре и декабре 2018 года. В это время первокурсники находятся на завершении начального этапа адаптации, поэтому

уже могут рефлексировать и описывать состояние стресса и особенности его преодоления, что дает возможность получить более достоверные результаты по выбору ими копинг-стратегий.

Методика, при помощи которой мы исследовали феномен эго-направленности первокурсников – личностный опросник Г. Айзенка (EPQ) [2]. Выбор копинг-стратегий студентами исследовался при помощи таких опросных методик, как «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS)», созданная С. Хобфоллом и адаптированная Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой [3] и «Преодоление трудных жизненных ситуаций (ПТЖС)», созданная В. Янке и Г. Эрдманном, адаптированная Н. Е. Водопьяновой [3].

Обработка полученных данных осуществлялась при помощи программы «Statistica». С помощью критерия Краскела-Уоллиса нами оценивались различия в выборе копинг-стратегий между группами студентов с разными типами эго-направленности. Также нами проводился корреляционный анализ экстраверсии и стратегий поведения при стрессе при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена [8].

Результаты. Шкала экстраверсии-интроверсии в личностном опроснике Г. Айзенка позволила определить направленность личности студентов первого курса. Шкала выявляет выраженность трех типов эго-направленности: интроверсия, экстраверсия и амбиверсия. Среди обследуемых студентов первого курса интроверсия выявлена у 6 человек (8%), экстраверсия – у 22 человек (29,3%) и амбиверсия – у 47 человек (62,7%).

Объясняя полученные результаты, можно сказать о том, что количество амбивертов оказалось значительно больше, чем количество экстравертов и интровертов. Амбиверсия предполагает наличие баланса между механизмами экстраверсии и интроверсии, при амбиверсии нет ярко выраженного преобладания установки сознания на объект или на самого себя. В зависимости от ситуации амбиверты могут проявлять больше черт интроверсии или наоборот – экстраверсии.

Для того, чтобы определить различия стратегий поведения у студентов с разной эго-направленностью (интроверсия, амбиверсия, экстраверсия) и выявить значимые тенденции к выбору определенных стратегий у студентов с той или иной установкой сознания, мы использовали непараметрический критерий Краскела-Уоллиса.

В Таблице 1 представлены результаты статистического анализа по стратегиям со значимыми различиями выбора первокурсниками с разными типами эго-направленности.

Таблица 1.

Анализ различий в выборе копинг-стратегий у студентов с разными типами эго-направленности

№	Копинг-стратегии	Интроверты	Амбиверты	Экстраверты	p	H
1	Ассертивные действия	29,9	32,1	51,8	0,0012**	13,49
2	Вступление в социальный контакт	14,5	41,0	38,0	0,0191*	7,91
3	Бегство от стрессовой ситуации	59,8	39,4	29,6	0,0080**	9,66
4	Социальная замкнутость	55,9	45,3	18,7	0,0000**	27,62
5	«Заезженная пластинка»	53,3	43,3	23,5	0,0003**	15,95
6	Беспомощность	45,8	42,7	26,6	0,0097**	9,28
7	Самообвинение	49,0	41,6	27,9	0,0211*	7,72
8	Агрессия	48,6	42,3	26,7	0,0088**	9,46

Примечание: * - обозначение 5%-го уровня значимости различий; ** - обозначение 1%-го уровня значимости различий

 - обозначение групп студентов с разными типами эго-направленности, между которыми нет значимых различий по частоте выбора определенной копинг-стратегии

Из таблицы видно, что стратегия ассертивных (уверенных) действий, судя по ранговым значениям, свойственна в большей степени студентам-экстравертам (51,8 баллов), чем студентам-амбивертам (32,1 балла) и интровертам (29,9 баллов). Полученные результаты по данной копинг-стратегии могут говорить о том, что, так как экстраверты по большей мере ориентированы на внешние объекты, события, их интерес направлен вовне, то они быстрее включаются в ситуацию, которую необходимо разрешить. Интроверты, в свою очередь, ориентированы в большей степени на себя, поэтому активные действия по решению трудной внешней проблеме могут применять не сразу, а после долгого обдумывания над проблемой. Амбиверты реже экстравертов проявляют данную стратегию, так как содержат в балансе черты экстраверсии и интроверсии.

Ранговые значения по стратегии вступления в социальный контакт в разных студенческих группах указывают на то, что данная стратегия свойственна в большей степени первокурсникам с амбиверсией (41,0 балла) и экстраверсией (38,0 балла), чем студентам с интроверсией (14,5 балла). Это может быть связано с тем, что экстраверты не любят переживать стресс в одиночку, так как это предполагает концентрацию на собственных ощущениях и мыслях, поэтому свою психическую энергию направляют на взаимодействие

с другими людьми, это помогает им снизить ощущение стресса и быстрее найти решение для проблемной ситуации. Амбиверты, проявляя черты экстраверсии, могут действовать также в некоторых ситуациях. Интроверты реже вступают во взаимодействие с другими людьми при стрессе, возможно, потому что психическую энергию привыкли направлять на себя, свои переживания и мысли.

Бегство предпочитаемо в большей мере для студентов с интровертной направленностью (59,8 балла), чем для студентов с амбивертной (39,4 балла) и экстравертной (29,6 балла) направленностями. Возможно, это связано с тем, что трудность внешней проблемы и мысли о том, что данную проблему необходимо преодолеть, вводят первокурсников-интровертов в еще большее состояние стресса, нарушения спокойствия, поэтому они предпочитают уйти от проблемы, чтобы не решать ее и не растрачивать свою энергию вовне.

Что касается такой стратегии, как социальная замкнутость, то анализ ранговых значений и уровня значимости различий показал наибольшее предпочтение этой стратегии студентами-интровертами (55,9 балла) и амбивертами (45,3 балла). Это может говорить о том, что студенты-интроверты и амбиверты, в определенной ситуации проявляющие интровертные черты, свою психическую энергию в проблемной ситуации чаще направляют не на общение и совместное решение данной проблемы, а на самостоятельное обдумывание над ситуацией и ее решением и на собственные переживания о ней. Их интерес направлен на себя. Экстраверты, в свою очередь, предпочитают не концентрироваться на своих переживаниях, поэтому реже демонстрируют замкнутое поведение.

Стратегия «заезженная пластинка» также в большей степени предпочитается студентами с интровертной (53,3 балла) и амбивертной (43,3 балла) направленностями, нежели студентами с экстравертной (23,5 балла) направленностью. Результаты по данной копинг-стратегии указывают на то, что интроверты и амбиверты с преобладающими интровертными чертами концентрируют внимание на переживаниях и мыслях, поэтому в ситуации стресса чаще экстравертов демонстрируют заикленность мыслей и переживаний на проблеме. Они не обдумывают решение проблемы, а скорее покручивают ситуацию в сознании снова и снова, тем самым повышая стрессовость состояния. Первокурсникам-экстравертам это свойственно в меньшей степени, потому что опять же свою энергию они направляют на общение с другими, на поиск решения проблемы или могут отвлечься от переживания.

Беспомощность, по полученным данным, проявляется в большей степени у студентов-интровертов (45,8 балла) и амбивертов (42,7 балла), меньше – у экстравертов (26,6 балла). Возможно, это связано с тем, что у интровертов и амбивертов меньше опыта взаимодействия с внешним миром, чем у экстравертов, поэтому в трудной ситуации они могут некоторое время испытывать состояние непонимания, как справиться с той или иной ситуацией.

Экстравертам данная стратегия свойственна в меньшей степени, так как их опыт контакта с внешними событиями и людьми больше.

Первокурсникам с интровертной (49,0 балла) и амбивертной (41,6 балла) типами направленности, по результатам статистического анализа, также свойственно самообвинение при возникновении стрессовой ситуации. Студенты-интроверты и амбиверты, по полученным данным, в равной степени предпочитают обвинять себя в том, что возникла та или иная трудная проблема, ситуация, которая вызывает состояние стресса, также они могут обвинять себя в том, что не прилагают, по их мнению, достаточно усилий по решению той или иной проблемы.

Последняя копинг-стратегия, используемая студентами с разной частотой, это агрессивная стратегия. Она опять же чаще проявляется у первокурсников с интровертной (48,6 балла) и амбивертной (42,3 балла) эго-ориентацией, чем у студентов с экстравертной (26,7 балла) направленностью. По данным результатам можно предположить, что первокурсники-интроверты и амбиверты в равной степени демонстрируют агрессивное поведение, так как агрессия выступает механизмом высвобождения негативных переживаний для них. Постоянное переживание стресса и накопление раздражения и недовольства из-за трудных ситуаций во внешнем мире у студентов с такими типами эго-ориентации может быть выражена в ярости на окружающих людей или предметы. Экстраверты могут реже проявлять агрессивную стратегию, потому что реже переживают стрессовое состояние в одиночку

Для выявления тенденции к выбору определенных стратегий студентами с разными ориентациями личности нами был проведен корреляционный анализ. Для того, чтобы увидеть зависимость между эго-направленностями и свойственными им преодолевающими стресс стратегиями поведения, мы использовали коэффициент корреляции Спирмена.

Выраженность эго-направленности в нашем анализе представляет собой числовой диапазон, в котором отражается следующая зависимость: чем выше показатель по шкале экстраверсии-интроверсии, тем выше выраженность экстраверсии. В соответствии с этой зависимостью в дальнейшем мы будем анализировать выявленные взаимосвязи между исследуемыми параметрами.

В результате корреляционного анализа было выявлено, что показатель «экстраверсия» имеет статистически значимую прямую связь с показателем «ассертивные действия» ($r=0,40$; $p<0,01$) и статистически значимые обратные связи с показателями «осторожные действия» ($r=-0,25$; $p<0,05$), «бегство от стрессовой ситуации» ($r=-0,33$; $p<0,01$), «социальная замкнутость» ($r=-0,60$; $p<0,01$), «заезженная пластинка» ($r=-0,46$; $p<0,01$), «беспомощность» ($r=-0,34$; $p<0,01$), «самообвинение» ($r=-0,32$; $p<0,01$) и «агрессия» ($r=-0,35$; $p<0,01$).

Полученные взаимосвязи говорят о том, что чем ярче выражена экстраверсия в личности, тем предпочтительнее для нее будет выбор ассертивных действий (активная стратегия) и менее предпочтительно действовать в ситуации стресса осторожно, избегать трудной жизненной ситуации, переживать все в одиночку, мысленно прокручивая проблему в

голове снова и снова. Также с возрастанием показателя экстраверсии уменьшается частота самообвиняющего поведения в стрессовой ситуации, ощущение беспомощности в ней и агрессивности из-за накопленных переживаний.

В целом, обобщая наши результаты, можно сделать следующие **выводы**:

1. Среди студентов-первокурсников количество амбивертов преобладает над количеством студентов с экстраверсией и интроверсией.
2. Существуют прямая взаимосвязь между экстраверсией студентов и стратегией ассертивных действий в ситуации стресса, а также взаимосвязи между интроверсией и такими копинг-стратегиями, как бегство от стрессовой ситуации, социальная замкнутость, осторожные действия, агрессия, «заезженная пластинка», самообвинение и беспомощность.
3. Первокурсники-экстраверты в ситуации стресса чаще проявляют активную и просоциальную стратегии в стрессовой ситуации.
4. Первокурсники-амбиверты часто сочетают и чередуют копинг-стратегии интровертов и экстравертов, проявляя асоциальную и просоциальную модели поведения в проблемной ситуации, демонстрируя также беспомощное, обвиняющее себя поведение, длительное переживание и обдумывание ситуации.
5. Первокурсники-интроверты, в свою очередь, в большей степени используют стратегии, отдаляющие студента от разрешения трудной жизненной ситуации: избегание ситуации, общения с другими, переживание в одиночестве и обвинение себя.

Литература

1. Айзенк Г., Вильсон Г. Как измерить личность [Электронный ресурс]. М.: Когито-Центр, 2000. Режим доступа: https://bookap.info/lichnost/ayzenk_kak_izmerit_lichnost/
2. Айзенк Г. Личностный опросник [Электронный ресурс]// Psylab.info - энциклопедии психодиагностики. Режим доступа: http://psylab.info/Айзенка_личностный_опросник
3. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
4. Газалиев А. М., Егоров В. В. Психологические особенности студента и активизация и активизация его познавательной деятельности// Вестник высшей школы Alma mater: педагогика и психология. 2011. №8. С. 19-23.
5. Джонс Ф. Брайт Д. Стресс. Теории, исследования, мифы. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 352 с.
6. Жуков А. И. Возрастные особенности и черты личности современных студентов [Электронный ресурс]// Сетевой учебно-исследовательский проект "Professional Development". Режим доступа: <http://developmentonline.ru/data/documents/SP2-4-17-Zhukov-Statya-2.pdf>
7. Исаева Е. Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. – СПб.: Издательство СПбГМУ, 2009. 136 с.
8. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: ООО «Речь», 2000. 350 с.
9. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. 607 с.
10. Юнг К. Г. Психологические типы [Электронный ресурс]// bookap.info: Психологическая библиотека. Режим доступа: <https://bookap.info/psyanaliz/ungtip/#o>

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ И РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Ушанова В.А. студентка 4 курса Института психологии

РГПУ им. А. И. Герцена, nikoveronika@rambler.ru

Васильева С.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена, vivatvsv@mail.ru

Аннотация. Эмоционально-волевая сфера играет важную роль в становлении личности младшего школьника. В статье рассматриваются взаимосвязи детско-родительских отношений, таких как восприятие ребёнком внутрисемейных отношений, социальная приспособленность школьника, и их взаимосвязь с развитием эмоционально-волевой сферы ребёнка, а именно эмоционального кругозора, тревожности и волевой регуляции учащихся. Доказано наличие связи детско-родительских отношений с школьной тревожностью, страхом самовыражения и ситуации проверки знаний.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, эмоционально-волевая сфера, младший школьник.

Введение. Сейчас у всех на слуху такие проблемы младшего школьника, как «тревожность», «гиперактивность», неумение и нежелание учиться. Проблемы это современной школы или неправильно выстроенные взаимоотношения в семье? Сегодня нельзя дать однозначного ответа на этот вопрос, поэтому родителям и учителям важно уметь правильно выбирать воспитательные технологии, выстраивать тёплые и близкие эмоциональные взаимоотношения с ребёнком, быть примером для него.

Семья для ребёнка является первой микросоциальной моделью восприятия внешнего мира, в которой он учится чувствовать, проявлять эмоции, трудиться и справляться с негативными переживаниями. Многочисленными исследованиями доказано, что одним из важнейших факторов, формирующих гармонически развитую личность ребёнка, являются взаимоотношения в семье [9; 10].

На сегодняшний день школьное образование предъявляет высокий уровень требований к развитию развития волевых качеств ученика и навыков саморегуляции в эмоциональной сфере, что определяет актуальность и практическую значимость проведённого исследования [3; 6; 7].

Необходимо отметить, что развитие характеристик эмоционально-волевой сферы тесно связано между собой. Благодаря развитию эмоциональной сферы ребёнок может проявлять свои чувства, а за счёт развития волевых качеств умеет их контролировать и управлять своим поведением.

В литературе описываются такие аспекты детско-родительских отношений, как родительская позиция, родительские установки, родительское отношение, типы родительской любви, виды привязанности, мотивы воспитания и родительства, типы семейного воспитания [9;11].

Мы понимаем под детско-родительскими отношениями важнейшую подсистему отношений семьи, которые могут рассматриваться как непрерывные, длительные и опосредованные возрастными особенностями ребёнка и родителя отношения [2, с.118].

Развитие эмоционально-волевой сферы учеников младшего школьного возраста берёт начало в семье, где он учится распознавать эмоции мамы и папы, контролировать их.

Целью нашего исследования было выявление взаимосвязи особенностей детско-родительских отношений с развитием эмоционально-волевой сферы младшего школьника.

Объектом исследования выступили младшие школьники. Предметом исследования является эмоционально-волевая сфера младших школьников и особенности детско-родительских отношений.

Гипотеза исследования состоит в том, что особенности детско-родительских отношений взаимосвязаны с развитием таких характеристик эмоционально-волевой сферы младшего школьника как, тревожность, эмоциональный кругозор и уровень волевой регуляции.

Программа исследования. Исследование проводилось в 3 этапа. На первом этапе проводился теоретический обзор научной литературы. На втором этапе для достижения поставленной цели в ноябре – декабре 2018 года на базе ГБОУ Средней общеобразовательной школы № 277, Кировского района Санкт-Петербурга было проведено исследование, в котором приняли участие ученики 3 класса начальной школы. Общий объём выборки составил 54 человека, из них 23 девочки и 31 мальчик. Возраст обследуемых составил от 9 до 10 лет. В качестве диагностического инструментария применялся комплекс психодиагностических методик: «Фильм - тест» Р. Жилия, методика «Семейная социограмма» Э. Г. Эйдемиллера и В. Юстицкого, методика «Палочки и черточки» У. В. Ульенковой, методика «Раскрашивание кружков» А. Д. Виноградовой и Л. М. Шипициной, методика «Страхи в домиках» А. И. Захарова и М. Панфиловой, «Тест школьной тревожности» Филлипса и методика «Экспресс диагностика эмоционального отношения к школе» В. М. Симонова. На третьем этапе проводилась обработка данных с помощью пакета программ «Statistica». В качестве статистических методов применялись описательные статистики, метод ранговой корреляции Спирмена и U-критерий Манна-Уитни.

Результаты.

В таблице 1 представлены средние значения показателей эмоционально-волевой сферы младших школьников.

Таблица 1

*Средние значения показателей эмоционально-волевой сферы
младших школьников*

Название показателя	Среднее значение	Среднее квадратичное отклонение (σ)
Волевая регуляция в монотонной деятельности	23,5	5,36
Распознавание эмоций	0,89	0,32
Страхи	8,17	5,09
Общая школьная тревожность	9,63	5,55
Переживание социального стресса	4,92	1,85
Фрустрация потребности в достижении успеха	4,98	1,76
Страх самовыражения	3,28	1,58
Страх ситуации проверки знаний	3,06	1,41
Страх несоответствия ожиданиям окружающих	2,13	1,45
Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	1,96	1,53
Проблемы и страхи в отношении с учителем	3,54	1,66

Результаты исследования показали, что у всех обследованных младших школьников достаточно высокий уровень регуляции в эмоционально-волевой сфере в соответствии с нормативными значениями по использованным психодиагностическим методикам [1; 5; 8].

У учеников выявлен средний уровень волевой регуляции в монотонной деятельности (методика «Раскрашивание кружков») и средний уровень саморегуляции в познавательной деятельности (методика «Палочки и черточки»). Также выявлен достаточно высокий уровень благополучия в эмоциональной сфере: для большинства школьников характерна низкая тревожность, низкий уровень переживания стресса, отсутствие физиологических проявлений стресса и средний показатель количества страхов (данные представлены в таблице 1).

Таким образом, уровень развития эмоционально-волевой сферы учащихся 3 класса соответствует возрасту, дети адаптированы к ситуации школьного обучения, процент немотивированных и неуспешных учеников низкий (18% учеников от числа принимавших участие школьников).

В таблице 2 представлены показатели детско-родительских отношений у младших школьников.

Таблица 2

Показатели детско-родительских отношений у младших школьников

Название	Процент встречаемости категории по отношению к максимально возможным в ответах респондентов	Среднее значение	Среднее квадратичное отклонение (σ)
Отношения к маме	27,8	5,56	2,51
Отношения к папе	13,9	2,78	1,93
Отношение к маме и папе как родительской чете	25,3	3,04	1,93
Отношение к братьям и сестрам	22,6	4,07	3,01
Отношение к бабушке и дедушке	7	1,13	1,44
Отношение к другу	24,5	3,43	3,27
Отношение к учителю	17	2,04	1,57
Любознательность	62,6	3,76	1,60
Общительность	21,5	1,72	1,19
Стремление к доминированию	39,1	2,35	1,10
Агрессивность, конфликтность, закрытость	25,8	2,33	1,78
Реакция на фрустрацию	61,8	4,33	2,25
Стремление к уединению	24	4,33	3,06
Число членов семьи		5,5	3,11
Величина кружков (диаметр окружности)		1,34	0,65
Я		1,17	0,66
Мама		1,25	0,69
Папа		1,29	0,71
Расположение на рисунке членов семьи (верхний\средний\нижний части окружности)		2	0,76
Дистанция между родственниками		1,25	0,82
Дистанция до мамы		1,92	1,23
Дистанция до папы		2,11	1,37

Результаты показали, что большинство детей выбирают одного члена семьи или родителей вместе. Сравнивая отношения к родителям можно отметить большую значимость мамы (5,56), чем отца (2,78).

По результатам методики Р. Жилия можно охарактеризовать и личностные особенности детей, составивших выборку исследования: у третьеклассников

выражена реакция на фрустрацию и стремление к уединению, однако у учеников также выражена любознательность и стремление к доминированию.

В целом у учащихся наблюдается достаточно высокий уровень эмоционально-волевой регуляции, гармоничные отношения внутри семьи. Для испытуемых характерна любознательность, стремление к достижению собственных целей, склонность быть лидерами.

Для подтверждения гипотезы исследования о том, что особенности детско-родительских отношений взаимосвязаны с развитием таких характеристик эмоционально-волевой сферы младших школьников, как тревожность, эмоциональный кругозор и уровень волевой регуляции, группа младших школьников была разбита на подгруппы по показателям волевой регуляции и показателем эмоциональной сферы: уровень волевой регуляции в монотонной деятельности, общая школьная тревожность, переживание социального стресса, ситуации проверки знаний, распознавание эмоций и количество «страшных» страхов. В подгруппах с разными уровнями эмоционально-волевой саморегуляции различий в детско-родительских отношениях не было обнаружено (U- критерий Манна-Уитни).

С целью более подробного описания особенностей взаимодействия младших школьников со значимыми людьми и их взаимосвязи с особенностями эмоционально-волевой саморегуляции был проведен корреляционный анализ. Остановимся на описании взаимосвязей показателей эмоциональной сферы и детско-родительских отношений.

Параметр «Отношение к маме» имеет статистически значимые прямые связи с параметрами «Страшные страхи» ($r=0,346$, при $p<0,05$) и «Любознательность» ($r=0,334$, при $p<0,05$). Стоит обратить внимание, что параметр «Отношение к отцу» ($r=0,268$, при $p<0,05$) обуславливает страх ситуации проверки знаний. «Отношение к учителю» ($r=0,397$, при $p<0,01$) и «Отношение к брату/сестре» ($r=0,356$, при $p<0,01$) имеют сильные взаимосвязи с показателем «Стремление к доминированию и лидерству в группе детей». От взаимоотношения с братьями и сестрами зависит формирование «нестрашных» страхов ($r=0,275$, при $p<0,05$) третьеклассников.

Также представлены результаты корреляционного анализа взаимосвязей детско-родительских отношений с показателями волевой регуляции.

Исходя из результатов волевая саморегуляции в интеллектуальной деятельности ($r=0,276$, при $p<0,05$) имеет статистически значимые прямые связи с параметром «Число членов семьи», а волевая саморегуляции в монотонной деятельности взаимосвязана с показателем «Агрессивность» ($r=0,313$, при $p<0,05$) и «Отношение к другу/подруге» ($r=0,320$, при $p<0,05$).

Обсуждение результатов. Резюмируя полученные данные, можно предположить, что при близких, позитивных отношениях с мамой у ребёнка проявляются «страшные» страхи, к ним дети относят страх смерти родителей, страх собственной смерти, нападение бандитов, пожар и т.д. Возможно, страхи формируются родителем по механизму проекции (озабоченность родителем относительно безопасности ребёнка и частым использованием наставлений о

том, что «можно» и «нельзя»). Любознательность ребёнка может быть взаимосвязана со сформировавшейся привязанностью к маме. Мы предположили, что отношения с папой взаимосвязаны со страхом ситуации проверки знаний из-за более строго отношения папы к воспитательному и учебному процессу. Отношения с учителем и отношения к братьям/сестрам взаимосвязаны со стремлением к доминированию и лидерству в группе. Этот факт можно интерпретировать существующей между детьми в семье конкуренцией за родительскую любовь и собственное превосходство, в учебной же деятельности конкуренция проявляется между учениками на уроках. От взаимоотношений с братьями/сестрами зависит формирование «нестрашных» страхов третьеклассников, то есть в общении с ними дети учатся преодолевать негативные переживания. К «нестрашным» страхам дети относят страх темноты, страх оставаться дома одним, страх крови, страх вымышленных персонажей, например, Бабы Яги. Формирование волевых качеств взаимосвязано с ситуацией внутрисемейного взаимодействия и отношений с друзьями, исходя из чего мы можем предположить, что детям этого возраста свойственно развивать умение контролировать свои эмоции и поведение. Воспитание волевых качеств взаимосвязано с агрессивностью, что в свою очередь может быть отражением неудач на пути обучения управлением собственными чувствами.

Возможно, высокий уровень эмоционального благополучия и сформированность волевой саморегуляции объясняется тем, что на базе школы работает служба сопровождения, в которую входят 2 социальных педагога, 6 психологов-педагогов и 8 учителей-логопедов. Также в школе функционирует служба медиации.

Выводы. Результаты эмпирического исследования позволили сделать следующие выводы:

1. Для младших школьников, составивших выборку исследования, характерен низкий уровень школьной тревожности, количество страхов совпадает с возрастными нормами, у детей развита способность распознавания эмоций.
2. Наиболее значимыми для детей являются ситуация проверки знаний и переживание социального стресса
3. Волевая регуляция сформирована у младших школьников в данной образовательной организации.
4. Существует взаимосвязь показателей эмоционально-волевой сферы с детско-родительскими отношениями: отношения с родителями взаимосвязаны со школьной тревожностью, страхами самовыражения и ситуации проверки знаний.
5. В заключении хочется отметить, что цель исследования была достигнута, а гипотеза подтвердилась частично. Действительно существует взаимосвязь между детско-родительскими отношениями и эмоционально-волевой сферой, однако уровневых различий в показателях детско-родительских отношений в подгруппах с разной степенью сформированности эмоциональной и волевой регуляции не было обнаружено.

Литература

1. Виноградова А. Д., Михаленкова И. А., Мотылёва Л. С., Посохова С. Т., Хилько А. А., Шпицина Л. М. Диагностика психического состояния детей 6-8 лет. Методические рекомендации. СПб.: Изд. «Сайма», 1993. 38с.
2. Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
3. Кириллова Д. С. Особенности эмоционально-волевой сферы младших школьников // Наука сегодня: задачи и пути их решения Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2018. С. 192-193.
4. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
5. Панфилова М. А. Игротерапия общения: Тесты и коррекционные игры. Практическое пособие для психологов, педагогов и родителей. М.: «Издательство ГНОМ и Д», 2001. 160 с.
6. Пивоварова Н. Л. Развитие эмоционально-волевой сферы младшего школьника // Педагогическое мастерство и современные педагогические технологии. Сборник материалов 4 Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Интерактив-Плюс, 2018. С. 69 -71.
7. Полякова Е. А., Мамедова Л. В. Особенности развития эмоционально-волевой сферы младших школьников // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 12-1. С. 128 -131.
8. Психологические тесты для профессионалов / авт. сост Н. Ф. Гребень. Минск: Современ. шк., 2007. 496 с.
9. Спиваковская А. С. Как быть родителями: (О психологии родительской любви.). М.: Педагогика,1986. 160 с.
10. Спиваковская А. С. Психотерапия: игра, детство, семья. Том 2. М.: ООО Апрель Пресс, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс,2000. 464.
11. Эркибаева А. Д. Особенности детско-родительских отношений младшего школьника // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». 2016. № 5 (09). С. 68-71.

ВЛИЯНИЕ ИРРАЦИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК НА УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ОТНОШЕНИЯМИ С ПАРТНЕРОМ У ЖЕНЩИН В ДОБРАЧНЫЙ ПЕРИОД

Хакимова Е. З., студентка 4 курса института психологии
РГПУ им. А. И. Герцена, hakimova.00@gmail.com

Семенова Г. В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
человека РГПУ им. А. И. Герцена, semenovagv@herzen.spb.ru

Аннотация. В работе анализируются результаты эмпирического исследования влияния иррациональных установок на удовлетворенность отношениями с партнером у женщин в добрачный период. Теоретико-методологическим основанием для данной работы послужила рационально-эмоционально-поведенческая теория А. Эллиса. Выборку исследования составили 73 женщины, состоящие в добрачных отношениях с партнером, из них совместно проживают с партнером – 41, проживают раздельно с партнером – 32. В статье показано влияние иррациональной установки непереносимости фрустрации на удовлетворенность отношениями у женщин в добрачный период. Проведена проверка диагностических (прогностических) возможностей методики «Межличностное восприятие в добрачной паре»; определены вопросы методики, отражающие те параметры, которые влияют на удовлетворенность отношениями у женщин в добрачный период.

Ключевые слова: иррациональные установки, удовлетворенность отношениями, добрачный период, непереносимость фрустрации, диагностические возможности методики «Диагностика межличностного восприятия в добрачной паре».

Введение. В последние десятилетия проблема удовлетворенности отношениями с партнером привлекает внимание многих исследователей. Как правило, чаще в фокусе внимания данных исследований оказываются супружеские пары. Это происходит в связи с большим количеством разводов в Российской Федерации. По данным федеральной службы государственной статистики, отношение коэффициента разводов к коэффициенту заключаемых браков значительно выросло с 2011 к 2016 году. Так, если в 2011 г. на 2 заключенных брака приходился примерно 1 развод, то в 2016 г. на 3 заключенных брака приходилось уже 2 развода. В мегаполисах, по сравнению с сельским населением, набирает обороты феномен сожительства молодых людей как альтернатива регистрации брака [10]. В психологии семьи представлено всестороннее изучение удовлетворенности браком, однако добрачный период отношений изучен куда менее обширно. Между тем, изучение добрачного периода может дать хороший прогностический ориентир как для научных исследователей, так и для психологов-практиков.

Теоретико-методологическим основанием для данного исследования стала рационально-эмоционально-поведенческая теория (РЭПТ) Альберта Эллиса [12]. В данной парадигме предполагается, что психологические проблемы являются последствием иррациональных установок, выраженных в мышлении индивида. Одна из ключевых идей РЭПТ описывает модель АВС, где А – это активирующее событие (Activating experience), приводящее к поведенческим следствиям С (Consequences) через когнитивные установки В (Beliefs). Формирование компонента В происходит под влиянием

биологических факторов и индивидуального жизненного опыта [13]. Установки могут быть рациональными и иррациональными; и именно иррациональные установки искажают восприятие субъектом мира, отношений, партнера (12). К числу иррациональных установок, согласно Эллису, относятся: долженствование, катастрофизация, непереносимость фрустрации и осуждение/оценка себя и других [5].

Удовлетворенность отношениями представляет собой стойкое эмоциональное явление относительно партнера или взаимоотношений вообще. Это чувство, которое проявляется как в эмоциях, так и на когнитивном уровне: в мнениях, оценках, сравнениях [9]. Помимо когнитивного и эмоционального компонентов, также можно выделить и мотивационно-потребностный компонент удовлетворенности отношениями, поскольку последний является индикатором потребностей системы отношений, в которую включены партнеры [1].

Программа исследования. Исследование проводилось в период с сентября 2018 по май 2019 года. Первый этап исследования составил обзор литературы по проблемам иррациональных установок и удовлетворенности отношениями у женщин.

На втором этапе был осуществлен подбор диагностических методик для исследования иррациональных установок и удовлетворенности отношениями. В диагностический арсенал вошли следующие методики.

- Опросник «Диагностика межличностного восприятия в добрачной паре (МВДП)» М. А. Абалакиной [2].
- «Опросник удовлетворенности браком (ОУБ)» Столина В. В., Романовой Т. А., Бутенко Г. П. [6].
- «Опросник личностных убеждений» (Survey of Personal Beliefs) А. Эллиса – русскоязычная версия «Методика диагностики иррациональных установок» в адаптации Каменюкина А. Г., Ковпака Д. В. [7].

На третьем этапе была создана google-форма для сбора данных, которая была размещена в различных группах социальной сети «ВКонтакте» с обращением к женщинам, состоящим в добрачных отношениях с партнером, с просьбой заполнить анкету. Длительность заполнения анкеты составила в среднем 45 минут для одного респондента.

На четвертом этапе производился собственно сбор эмпирических данных. В исследовании приняли участие 73 человека – это женщины, состоящие в добрачных отношениях. Возраст респондентов составил от 18 до 35 лет. Средний возраст составил 22,5 года. Из них совместно проживают со своим партнером – 41 человек (56,2%) и проживают раздельно со своим партнером 32 человека (43,8%). По продолжительности отношений выборка может быть охарактеризована следующим образом: женщины состоят в добрачных отношениях с партнером от 6 месяцев до 14 лет, средняя продолжительность отношений составила 3 года и 1 месяц.

На следующем этапе были выявлены различия в выраженности иррациональных установок у женщин, проживающих совместно со своим

партнером, и женщин, проживающих отдельно с партнером, с помощью t-критерия Стьюдента для двух независимых выборок.

Далее были оценены диагностические возможности методики «Межличностное восприятие в добрачной паре» с помощью регрессионного анализа с зависимой переменной «удовлетворенность браком».

Затем был проведен регрессионный анализ для выявления влияния иррациональных установок на удовлетворенность отношениями.

На заключительном этапе исследования были обобщены результаты и сделаны выводы по полученным данным. Была переведена на русский язык методика английского исследователя Н. Харрингтона, предназначенная для диагностики иррациональных установок непереносимости фрустрации. В заключении были обговорены перспективы дальнейшего исследования по данной теме, а также начата работа по сбору данных для апробации новой методики на русскоязычной выборке.

Результаты. При сравнении средних значений с помощью t-критерия Стьюдента по шкалам иррациональных установок между группой женщин, проживающих совместно с партнером, и группой женщин, проживающих отдельно с партнером, обнаружены различия по шкале долженствования в отношении себя (таблица 1).

Таблица 1.

Сравнение средних в группах женщин, проживающих совместно с партнером, и женщин, проживающих отдельно с партнером

Шкала	Проживающие отдельно с партнером (N=32)		Проживающие совместно с партнером (N=41)		t	p
	\bar{x}	σ	\bar{x}	σ		
Долженствование в отношении себя	25,4	5,7	28,9	6,7	-2,4	0,02

Такие результаты свидетельствуют о том, что выраженность иррациональной установки «долженствование в отношении себя» выше у тех женщин, которые проживают отдельно с партнером, поскольку чем ниже значения по данной шкале, тем более выражена иррациональная установка.

На следующем этапе исследования был проведен регрессионный анализ вопросов методики «Межличностное восприятие в добрачной паре» и шкал, измеряющих иррациональные установки с зависимой переменной «Опросник удовлетворенности браком» (таблица 2). Поскольку данные о качественной стандартизации, проверки валидности и надежности данной методики отсутствуют в публикациях, нами было принято решение о проверке диагностических возможностей вопросов данной методики без подсчета баллов по шкалам, предлагаемым авторами методики.

Таблица 2.

Регрессионный анализ с зависимой переменной
«Опросник удовлетворенности браком»

N=73	Регрессионный анализ с зависимой переменной: ОУБ R= 0,831 R ² = 0,691 Скорректированный R ² = 0,663 F(6,66)=24,598 p<0,00000 Стандартная ошибка: 4,0108					
	b*	Std.Err. of b*	b	Std.Err. of b	t(66)	p-value
Intercept			44,64759	3,098204	14,41080	0,000000
Непереносимость фрустрации	0,174079	0,071684	0,16051	0,066096	2,42840	0,017898
Вопрос 5 методики МВДП	-0,329042	0,073600	-2,97805	0,666127	-4,47070	0,000031
Вопрос 11 методики МВДП	0,150706	0,071387	0,90640	0,429347	2,11113	0,038553
Вопрос 12 методики МВДП	-0,179981	0,074885	-1,93410	0,804721	-2,40344	0,019059
Вопрос 13 методики МВДП	-0,193644	0,076547	-1,57365	0,622058	-2,52975	0,013809
Вопрос 18 методики МВДП	-0,335000	0,081240	-2,76269	0,669975	-4,12357	0,000107

Таким образом, благодаря результатам регрессионного анализа показаны диагностические возможности для определения удовлетворенности отношениями в добрачной паре некоторых вопросов методики МВДП, а именно – вопросов №№ 5, 11, 12, 13, 18.

Приводя содержание данных вопросов, следует оговорить, что на месте знака / __ / респондентам предлагается мысленно поставить имя своего партнера.

- 5 вопрос: «Как по-Вашему, в течение следующих 6 месяцев Ваши отношения с / __ / станут более близкими или менее близкими, чем сейчас?».
- 11 вопрос: «Появляются ли у Вас мысли о / __ / как о возможном муже или жене?».
- 12 вопрос: «Как Вы считаете, хорошим ли партнером по развлечениям является / __ /?».
- 13 вопрос: «Когда у Вас бывают неприятности, плохое настроение и т.д., становится ли Вам легче от общения с / __ /?».
- 18 вопрос: «Часто ли у Вас появляется желание расстаться с / __ /?».

Помимо влияния на удовлетворенность отношениями данных вопросов методики МВДП, также обнаружено влияние иррациональной установки непереносимости фрустрации. Построенная модель объясняет 69,1% дисперсии, что является достаточно высоким результатом для психологического исследования.

Обсуждение результатов. Интерпретировать результаты сравнения средних значений по шкале иррациональной установки «долженствование в отношении себя» можно в следующем ключе: при переходе к совместному проживанию с партнером у женщин снижаются иррациональные установки долженствования в отношении себя, поскольку мышление переключается с эгоцентричного «Я» на партнерское «Мы». То есть женщины, проживающие с партнером, больше включены в отношения, поэтому установки долженствования относятся у них не к собственной личности, а, скорее, к системе отношений, в которую включены эти женщины. Абсолютистские требования к себе становятся не столь выраженными, потому что снижается

тревога по поводу того, как «Я должна себя вести». Уменьшение тревоги связано с большей определенностью и уверенностью в отношениях с партнером. Женщины становятся менее требовательны к себе, что несомненно повышает их благополучие, поскольку выраженность любых иррациональных установок может влечь за собой психологические проблемы [11].

Анализируя диагностические возможности методики «Межличностное восприятие в добрачной паре», следует отметить вопросы, связанные с прогнозом близости отношений в течение последующих 6 месяцев; прогнозом вероятности вступления в брак с партнером в будущем; ощущением того, является ли спутник женщины хорошим партнером по совместному времени препровождения; ощущением облегчения при общении с партнером в ситуациях жизненных неприятностей, плохого настроения; частотой появления мыслей о разрыве отношений с партнером. Данные вопросы могут послужить инструментом для экспресс-диагностики при психологическом консультировании женщин, которые предъявляют жалобы на неблагополучие в отношениях с партнером, то есть выступать в качестве инструмента определения психотерапевтических мишеней.

В данном исследовании не обнаружено влияния продолжительности отношений на удовлетворенность этими отношениями с партнером. В более ранних исследованиях показано, что удовлетворенность отношениями и стабильность будущей семьи зависит от продолжительности отношений [1; 8; 4; 3]. Такие противоречивые результаты могут объясняться по-разному. Во-первых, с течением времени изменяется отношение к супружеству, сегодня становится легче разорвать брачные отношения. Разводы теперь менее табуированы, поэтому вероятно, что при продолжительных отношениях, если женщина длительное время не удовлетворена браком или отношениями с партнером, то, скорее, она разорвет эти отношения. Во-вторых, объяснение таких результатов может сводиться к особенностям выборки данного исследования. Стоит отметить, однако, что по всем параметрам, измеряемым в данном исследовании, обнаружено нормальное распределение, в том числе – по продолжительности отношений с партнером, что свидетельствует о репрезентативности выборки. Таким образом, дискуссия о влиянии продолжительности отношений на удовлетворенность этими отношениями остается открытой. Полученные данные могут послужить перспективой для дальнейшего исследования факторов удовлетворенности отношениями в добрачный период.

На удовлетворенность отношениями с партнером у женщин добрачного периода влияет установка непереносимости фрустрации (мысли по типу «Я этого не перенесу»). Женщины, неудовлетворенные своими отношениями с партнером, придерживаются философии низкой толерантности к фрустрации. Такие клиенты, по мнению английского исследователя Н. Харрингтона [14], представляют особую трудность для психотерапии, поскольку они склонны обвинять мир и других людей, вместо того чтобы принимать ответственность. Из этой точки зрения следует, что должны меняться мир и другие люди, а не

сам клиент, который остается жертвой несправедливости и недопустимых событий. У них преобладает внешний локус контроля. В дополнение к этому у них есть убеждение в том, что чрезвычайно сильные негативные эмоции или их нарушенное поведение оправданы.

Таким образом, если перед психологом-консультантом оказывается женщина, неудовлетворенная своими отношениями с партнером, имеет смысл выявить сперва, подвержена ли она иррациональным установкам непереносимости фрустрации. Если это так, то вероятнее, что неудовлетворенность отношениями детерминирована именно этим фактором, что должно стать первичной психотерапевтической мишенью.

Выводы.

1. Обнаружены различия в средних значениях по шкале иррациональной установки «долженствование в отношении себя» в группах женщин добрачного периода, проживающих совместно с партнером, и женщин, проживающих раздельно с партнером.

2. Проверка диагностических возможностей методики «Межличностное восприятие в добрачной паре» позволила выявить 5 вопросов данного опросника (№№ 5, 11, 12, 13, 18), которые влияют на удовлетворенность отношениями. Это вопросы, касающиеся:

- 2.1. Прогноза относительно близости с партнером в течение последующих 6 месяцев. Если такой прогноз положительный, то удовлетворенность отношениями будет выше.
- 2.2. Прогноза вступления в будущем в брак с партнером. Если у женщины часто появляются мысли о партнере как о будущем супруге, то удовлетворенность отношениями будет выше.
- 2.3. Ощущения того, является ли спутник женщины хорошим партнером по совместному времяпрепровождению. Если так происходит всегда или часто, то женщина будет более удовлетворена отношениями.
- 2.4. Ощущения облегчения от общения с партнером в ситуациях неприятностей. Если общение с партнером сопровождается некоторым анксиолитическим эффектом, то удовлетворенность отношениями будет выше. Напротив, если облегчения от общения с партнером не происходит или оно происходит редко, то женщина с большей вероятностью будет не удовлетворена своими отношениями с партнером.
- 2.5. Частоты появления желания расстаться с партнером. Если мысли о разрыве отношений появляются у женщины часто или постоянно, то она, скорее, не удовлетворена своими отношениями с партнером. И, напротив, если такие мысли не появляются никогда или появляются очень редко, то женщина будет удовлетворена отношениями с партнером.

3. Обнаружено влияние установок непереносимости фрустрации на удовлетворенность отношениями: чем сильнее выражены данные установки, тем меньше удовлетворенность отношениями.

4. В данном исследовании показано, что продолжительность отношений с партнером не влияет на удовлетворенность отношениями у женщин.

Литература

1. Алешина Ю. Е. Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем совместной жизни: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1985. 262 с.
2. Андреева Г. М. Методологические проблемы и практика социально-психологических исследований. В кн.: Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 3-217.
3. Андреева Т. В. Психология семьи. СПб.: Питер, 2014. 336 с.
4. Белоус Е. В. Взаимосвязь удовлетворенности браком с факторами совместимости супругов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2011. №1(9). С. 94-103.
5. Воеводин И. В., Бохан Н. А., Когнитивно-поведенческая копинг-профилактика аддиктивных и аффективных состояний у студентов (новый подход к оценке иррациональных когнитивных установок и копинга) // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2015. №2. С. 42-50.
6. Ильин Е. П. Психология взрослости. СПб.: Изд-во Питер, 2012. 544 с.
7. Каменюкин А. Г., Ковпак Д. В. Антистресс-тренинг. СПб.: Питер, 2008. 224 с.
8. Левкович В. П. Особенности добрачного периода жизни супругов как одна из причин стабилизации и дестабилизации молодой семьи // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 82-85.
9. Лидерс А. Г. Психологическое обследование семьи. М.: Академия, 2007. 432 с.
10. Сукнева С. А., Барашкова А. С. Феномен сожительства в северном регионе: масштабы, причины и демографические последствия // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 97-110.
11. Хакимова Е. З. Когнитивные установки и удовлетворенность отношениями с партнером у женщин. Выпускная квалификационная работа. СПб., 2019. 86 с.
12. Эллис А. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии. СПб.: Сова; М.: ЭКСМОПресс, 2002. 272 с.
13. Эллис А. Эволюция рационально-эмотивной и когнитивно-бихевиоральной психотерапии // Эволюция психотерапии: Том 2. «Осень психиатров»: психоаналитически ориентированная и когнитивно-бихевиоральная психотерапия. М.: Класс, 1998. С. 171-199.
14. Harrington N. Frustration Intolerance: Therapy Issues and Strategies // Journal of Rational-Emotive and Cognitive-Behavior Therapy. University of Stirling. March 2011. Volume 29. Issue 1. P. 4-16.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СТИЛИ ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЯ К РЕБЕНКУ И ИХ ЭЛЕМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОМ РОДИТЕЛЬСТВЕ

Харитоновна Е. С., студентка 4 курса Института психологии

РГПУ им. А. И. Герцена, es.kharitonova@yandex.ru

Векилова С. А., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
человека РГПУ им. А. И. Герцена, vekilova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию современных стилей отношения родителя к ребенку. Теоретической основой анализа стала теория эволюции стилей родительского отношения к ребенку американского психоаналитика Ллойда Демоза. Был разработан пакет диагностических методик, с помощью которых стало возможным проанализировать компоненты родительского отношения и связать их исторической классификации Демоза. Наиболее диагностичными оказались: метод цветowych метафор И. Л. Соломина, модифицированный вариант метода «незаконченных предложений» и опросник родительского выгорания (РВА) И. Роскам. Получены результаты, согласно которым: 51,1% родителей выборки формируют социализирующий и помогающий стили, а 48,9% выборки родителей формируют смешанные стили, включающие элементы амбивалентного и навязывающего (архаичных) стилей. Наибольшие значения по шкалам опросника родительского выгорания получили родители, которые используют компоненты амбивалентного стиля отношения к ребенку.

Ключевые слова: родительские стили, историческая классификация стилей, современное родительство, родительское выгорание.

Введение. Отношение родителя к ребенку и его поведение в родительской роли стали предметом научного исследования в 1920-е годы, позднее, в 1960-е годы в Европе и США появились первые программы «воспитания родителей» [4]. Сравнительный анализ этих программ позволил сформировать концептуальную рамку для анализа видов отношения родителя к ребенку. Однако эти материалы позволяли исследовать родительство только одного временного периода – современности [1]. Концепция исторических стилей отношения родителя к ребенку американского психоаналитика Л. Демоза появилась в 1975 г. Демоз ставил своей целью исследовать историческую динамику – эволюцию поведения человека в родительской роли и последствия определенных стилей родительства для ребенка и общества в целом [2].

Анализ многочисленных источников от текстов периода античности до дневников, писем и руководств по воспитанию авторов поздних исторических периодов позволил ему создать классификацию родительских стилей, которая включала 6 стилей. В основу классификации положен критерий преобладающего типа реакции родителя на ребенка: проекция, возвратная реакция и реакция сопереживания [2].

Инфантицидный стиль (от начала существования человечества и до IV века нашей эры) характеризуется отсутствием или минимальной заботой о жизни ребенка. Детоубийство не осуждалось, не было предметом правового наказания. У некоторых народов практиковались детские жертвоприношения. Лишь в IV веке нашей эры убийство ребенка стало оцениваться как убийство. Отношение к ребенку было прямо пропорциональным отношению к взрослому

человеку, из детей выгоняли злых духов, боролись с нечистыми силами, приносили в жертву во имя искупления собственных грехов. **Оставляющий стиль** (период с IV по XII век) характеризуется прежним объектным отношением к ребенку в сочетании со стремлением родителя дистанцироваться от него. Для него типична торговля детьми, использование их в качестве залога долгов, практика отдачи ребенка на воспитание в чужом доме. Любой фактический отказ сопровождался объяснениями-рационализациями подобного поведения. Самым распространенным «законным» способом отказа было использование услуг кормилицы. Для этого стиля также характерны практики «тугого пеленания», желание родителей сделать ребенка «удобным», не причиняющим хлопот. Для **амбивалентного стиля** (XII -XVII век) характерно желание «выковать», «отлить» ребенка в «форму». Особо яркими на этом фоне кажутся сравнения детей с воском, глиной – тем материалом, который податлив человеческой руке. Ребенок по-прежнему является вместилищем проекций взрослых, на него проецируется подавляющее большинство страхов и тревог взрослого. Эмоциональное вовлечение родителей в жизнь детей осуществлялось через битье, которое одобрялось и передавалось по наследству как необходимая практика воспитания. **Навязывающий стиль** (XVII по XVIII век) стиль – стиль, при котором родители меньше стремились наполнить ребенка проекциями, а больше желали сближения, обретения власти над его умом, контроля его внутреннего состояния, воли. На первый план выходит эмпатия, эмоциональная заинтересованность, угрозы используются реже. Этот период ознаменовался коренным изменением демографической ситуации в Европе XVIII века, снизилась детская смертность. Главной задачей **социализирующего стиля** (конец XIX- середина XX) становится подготовка ребенка к жизни в социуме. Несмотря на видимый прогресс в отношениях «родитель – ребенок», на первое место выходит потакание общественным целям и воспитание в полном согласии с ними. Черты этого стиля можно проследить у современных родителей: как яркие представители общества со своим багажом опыта, они транслируют мнение, говорящее о том, что хорошее поведение ребенка в дальнейшем поможет закончить с отличием школу, получить высшее образование, найти высокооплачиваемую работу, получать достойную пенсию. **Помогающий стиль** (с середины XX века) основан на допущении, что ребенок лучше, чем родитель, знает свои потребности на каждой стадии развития [2]. Оба родителя принимают участие в воспитании, они чутки и внимательны к растущим потребностям ребенка, они учитывают его индивидуальность, проявляющуюся год от года все больше. «Такой стиль воспитания требует огромных затрат времени, энергии, а также бесед с ребенком, особенно в первые шесть лет, потому что помочь ребенку решать свои ежедневные задачи невозможно, не отвечая на его вопросы, не играя с ним» [2, с. 86]. Из книг, в которых описываются дети, воспитанные в помогающем стиле, видно, что в итоге вырастают добрые, искренние люди, не подверженные депрессиям, с сильной волей, которые никогда не делают «как все» и не склоняются перед авторитетом [2].

Актуальность данного исследования связана с вопросом о том, как меняется человек в родительской роли при переходе от одного исторического периода к другому, посредством каких способов воспитания современные родители готовят своего ребенка к дальнейшей самостоятельной жизни: лепят из него удобный элемент социальной системы или помогают ему развиваться как уникальной индивидуальности.

Программа исследования. Цель исследования – изучить изменение стилей отношения современного родителя к ребенку, выявить признаки проявления исторически пройденных стилей в современном родительстве.

Объект исследования: отношение родителя к ребенку. **Предмет исследования:** стили отношения родителя к ребенку.

Были сформулированы три исследовательские гипотезы.

Гипотеза 1: Исторически ранние стили отношения родителя к ребенку в классификации Л. Демоза (инфантицидный, отказывающий, амбивалентный, навязывающий) не реализуются в практиках современного родительства.

Гипотеза 2: В практиках современного родительства наиболее представленными стилями отношения родителя к ребенку являются социализирующий и помогающий.

Гипотеза 3: Родительское выгорание взаимосвязано с наличием в родительской практике элементов архаичных стилей отношения родителя к ребенку: амбивалентного и навязывающего.

Выборку составили 45 родителей. Из них 34 матери в возрасте от 32 до 65 лет, 11 отцов в возрасте от 37 до 54 лет. Образование варьируется от среднего полного до высшего. 34 родителя имеют супружеский статус замужем/женат, 5 – разведены и состоят в повторном браке, 5 – являются разведенными одинокими родителями и одна мать в статусе – вдова. Количество детей в семьях варьируется от 1 до 3. Выборка представляет собой одну из разновидностей стихийной выборки и составлена из родителей, «желающих участвовать» в исследовании. Исследование проводилось в Санкт-Петербурге в период с ноября 2018 года по февраль 2019 года через непосредственные контакты с участниками.

В пакет методик включены 4 психодиагностические **методики**: опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллера [6], неадаптированный опросник И. Роскам «Оценка родительского выгорания» («Parental Burnout Assessment» (РВА) [7]², методика цветowych метафор И. Л. Соломина [3] и модифицированный вариант проективной методики «Незаконченные предложения». Две проективные методики включены в диагностический пакет как методики, результаты которых в большей степени защищены от искажающего влияния фактора социальной желательности [5].

Метод цветowych метафор И. Л. Соломина использовался как основной инструмент определения стиля отношения родителя к своему ребенку. В качестве стимульного материала были подобраны слова, которые соответствуют каждому из 6 стилей отношения родителя к ребенку. Словами-

² В настоящее время опросник проходит процедуру валидации.

маркерами инфантицидного стиля считались окрашенные в субъективно приятные цвета слова – «нетерпимость», «избавление», «умирание», «страх», «выживание». Маркерами отказывающего стиля были «попечение», «перевоспитание», «изгнание», «отказ», «никудашный». Маркерами амбивалентного стиля были «злость», «гнев», «наказание», «слишком», «чересчур», «поцелуи», «объятия», «прикосновение». Маркерами навязывающего стиля – «контроль», «подавление», «ограничение», «несвобода», «только если», «условие», «никчемный». Маркерами социализирующего стиля были «достижение», «решение», «успех», «карьера», «вина», «гордость», «неудачный», «неприспособленный». И словами маркерами помогающего стиля считались «поддержка», «помощь», «разговор», «диалог», «мой отец», «моя мать», «родные», «малыш». Слова-стимулы «Я, родитель», «ребенок», «подросток» помогали проследить, принимается ли взрослым его родительская роль. В случае, если родитель «красил» эти слова-стимулы в привлекательные для себя цвета, считалось, что он принимает свою роль родителя. Если же участник исследования окрашивал перечисленные слова-стимулы в субъективно неприятные цвета, считалось, что он тяготится или отвергает свою родительскую роль.

В качестве уточняющей использовалась методика «незаконченных предложений», в которой были сформулированы начала шести предложений, касающихся воспитания и взаимоотношений с ребенком: «Когда я думаю о будущем своего ребенка, я сразу вижу...»; «Когда я оцениваю своего ребенка, я думаю о (об)...»; «Когда я воспитываю своего ребенка, я руководствую тем...»; «Когда я разговариваю со своим ребенком, я придерживаюсь...»; «Когда мой ребенок просит меня о помощи, я реагирую следующим образом...»; «Когда я наказываю своего ребенка, я делаю это потому...». Ответы участников были подвергнуты контент-анализу в соответствии с содержанием описаний Л. Демоза.

Например, участник относился к помогающе-социализирующему стилю с преобладанием социализирующего, если он окрашивал «очень приятным» и «приятным» для себя цветами такие слова-стимулы, как «Я», «родитель», «ребенок», «подросток», «поддержка», «помощь», «разговор», «диалог», «достижение», «решение», «успех», «карьера», а в незаконченных предложениях его ответы соответствовали признакам «личность ребенка», «самостоятельность (самодостаточность)», «понимание», «диалог», «равноправие», «совместное решение», «нет наказаний», «достижения», «результат воспитания», «знания / опыт», «для осознания поведения и вины». Причем слова-стимулы и признаки социализирующего стиля количественно превосходили слова-стимулы и признаки помогающего стиля.

Результаты. В соответствии со сформулированными гипотезами в исследовании были получены следующие результаты. Предположение о том, что современные родители не реализуют исторически архаичные стили родительского отношения к ребенку, не подтвердилось (табл.1, Рис.1). Три из восьми групп родителей (5, 6, 7 группы) реализуют архаичные (амбивалентный

и навязывающий) стили, но не в своем классическом виде, а как остаточные элементы, сочетающиеся с другими, более прогрессивными стилями (социализирующим и помогающим). При этом 8-ая группа, хотя и малочисленная, представлена родителями, которые отвергают свою родительскую роль.

Таблица 1

Процентное соотношение стилей родительского отношения в выборке участников

№	Стиль родительского отношения	N	%
1	Чистый помогающий стиль	2	4,44
2	Помогающе-социализирующий стиль	7	15,55
3	Помогающе-социализирующий с преобладанием помогающего	9	20
4	Помогающе-социализирующий с преобладанием социализирующего	5	11,11
5	Смешанный помогающий/социализирующий/навязывающий стиль	9	20
6	Смешанный помогающий/социализирующий/амбивалентный стиль	8	17,77
7	Смешанный социализирующий/навязывающий/амбивалентный	2	4,44
8	Группа родителей, которые не принимают свою родительскую роль	3	6,66

Наибольшая по численности группа родителей – 5-ая группа (9 человек – 20%) – соответствует смешанному помогающему / социализирующему / амбивалентному стилю. Для них характерно принятие своей родительской роли. Однако, несмотря на то, что они демонстрируют признаки помогающего и социализирующего стилей, ярче проявляются признаки амбивалентного стиля отношения. Родители этой группы окрашивают в «приятные» для себя цвета такие слова-стимулы проективной методики И. Соломина, как «злость», «гнев», «наказание». Периодически используют агрессивные практики в воспитании ребенка. Они склонны к преувеличению действий, поскольку слово-стимул «слишком» они окрашивают в «приятный» цвет. При ответе на вопрос о причинах, по которым они наказывают своего ребенка, они сообщают, что «не видят другого способа воспитания» или что «так надо».

Рисунок 1. Диаграмма процентных соотношений стилей родительского отношения к ребенку в обследованной выборке 45 человек

Вторая гипотеза о преобладающем социализирующем и помогающем стилях отношения к ребенку современных родителей в целом подтвердилась. Первые 4 группы в таблице 1 представлены родителями, которые строят свое отношение к ребенку на базе двух поздних исторических стилей – помогающем и социализирующем – в чистом виде или в разных сочетаниях. По общей численности в них входят 23 родителя, что составляет 51,1% общей выборки. Самая многочисленная в этом современном кластере группа – это родители, реализующие помогающе-социализирующий стиль с преобладанием помогающего. Родители данной группы также принимают свою родительскую роль. Однако признаки помогающего стиля отношения в этой группе выражены наиболее сильно. Самой характерной чертой этой группы является то, что родители видят ребенка в будущем не человеком с достатком и хорошей карьерой, но самодостаточной личностью. Родительские практики ориентированы на осознание ребенком внутренней гармонии, на построение отношений внутри себя, а только потом с внешним миром. Родители этой группы воспитывают в ребенке самостоятельность, готовность нести ответственность за свой выбор, строят контакт с ребенком на основе равноправной позиции.

Третья гипотеза исследования, согласно которой родительское выгорание будет более характерным в родительской группе, проявляющей элементы архаичных стилей отношения к ребенку – амбивалентного и навязывающего – подтвердилась (см. таблицу 2). Гипотеза была связана с предположением о том, что человек, который реализует родительские практики, несоответствующие эталонам и ценностям современной культуры, должен испытывать серьезный внутренний конфликт, который отразится в баллах по шкалам родительского выгорания.

Таблица 2.

Средние значения по шкалам родительского выгорания в 8 группах
родительского стиля отношения

№	Показатели по шкалам родительского выгорания	Эмоционального истощения в родительской роли	Контраст с прежним ощущением себя как родителя	Пресыщение родительской ролью	Эмоциональное дистанцирование от ребенка
	Стиль родительского отношения				
1	Чистый помогающий стиль	0	1	0,5	0,5
2	Помогающе-социализирующий стиль	3	1,57	0,57	1,57
3	Помогающе-социализирующий стиль с преобладанием помогающего	2,44	1,66	1,88	2,44
4	Помогающе-социализирующий стиль с преобладанием социализирующего	8,8	5,6	3,6	6,2
5	Смешанный помогающий /социализирующий/навязывающий стиль	4,66	2,66	2,33	4,0
6	Смешанный помогающий/социализирующий /амбивалентный стиль	5,625	5,625	2,875	3,625
7	Смешанный социализирующий/навязывающий /амбивалентный стиль	12,5	10,5	5,5	5,5
8	Группа родителей, которые не принимают свою родительскую роль	5,66	3,66	2,0	0,66

Данные по шкалам опросника родительского выгорания И. Роскам подтверждают третью гипотезу. Действительно, в 7-ой группе родителей самые высокие значения по шкалам «эмоционального истощения в родительской роли» –12,50 балла; «контраст с прежним образом себя как родителя» –10,5 балла; «пресыщение и минимизация действий в родительской роли» – 5,5 балла; «эмоциональное дистанцирование от ребенка» – 5,5 балла.

Обсуждение результатов. Данные, полученные в представленном исследовании, носят предварительный характер, но и они позволяют составить представление о том, какой стиль отношения к своему ребенку формирует наш современник и соотечественник. Во-первых, становится очевидным, что несмотря на общекультурную систему семейных ценностей, которая существует в обществе, родители создают достаточно широкий спектр многообразных стилей отношения к ребенку, которые условно разделяются на два широких типа: прогрессивный и регрессивный. Регрессивные стили – амбивалентный и навязывающий – уходят корнями в периоды Средневековья и Возрождения и, несмотря на свою архаичность, входят как элементы в родительское отношение современного родителя. Отсутствие в нашей стране широкой практики реализации программ «воспитания родителей» и широкой общественной дискуссии о задачах родительства оставляют многих наших

современников с их единственным багажом знаний по воспитанию, полученных по наследству от своих собственных родителей. Вторая и примерно равная по численности группа родителей ориентирована на прогрессивные стили отношения – помогающий и социализирующий.

Как и любое научное исследование явления в его исторической ретроспективе, теория Л. Демоза неизбежно побуждает исследователя задаться вопросом о будущем, о том, как человечество будет эволюционировать в своей родительской роли и какие стилевые характеристики родительства будут востребованы обществами следующих исторических эпох.

Литература

1. Безрукова О. Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы // СоцИс. 2016. №3. С. 118-127.
2. Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. 512 с.
3. Соломин И. Л. Практикум по психодиагностике. Психосемантические методы: учеб.-метод. пособие. СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2013. 96 с.
4. Хямляйнен Ю. Воспитание родителей: Концепции, направления и перспективы. М.: Просвещение, 1993. 112 с.
5. Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 158 с.
6. Эйдемиллер Э. Г. Методы семейной диагностики и психотерапии. М., 1996. 96с.
7. Roskam I., Brianda M.-E., Mikolajczak M. A Step Forward in the Conceptualization and Measurement of Parental Burnout: The Parental Burnout Assessment (PBA) // Frontier Psychology. 2018. N 9. P. 758-768.

НОРМАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ЖЕНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ, ТРАНСЛИРУЕМЫЕ НА ФОРУМАХ ЖЕНСКИХ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛОВ

Яблонская А. О., студентка 4-го курса Института психологии
РГПУ им. А. И. Герцена, jablonskaja.lena2011@yandex.ru

Клецина И. С., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии
человека РГПУ им. А. И. Герцена, irinaklyotsina@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования приверженности нормативным моделям женского поведения аудитории форумов женских интернет-журналов. Теоретическая модель исследования была представлена гендерными нормами трех типов: традиционный тип, смешанный и эгалитарный. Результаты контент-анализа показали преобладание приверженности эгалитарным нормам: участницы форумов отмечали важность ориентации на равенство, сотрудничество в отношениях с мужчиной, справедливое распределение домашних обязанностей. Также большинством участниц не осуждались женщины, которые по каким-либо причинам не вышли замуж и не имеют ребенка, при этом отмечалась высокая значимость профессиональной самореализации в жизни женщины.

Ключевые слова: гендерные нормы, гендерные стереотипы, социализация, традиционный тип гендерных норм, фемининность, эгалитарный тип гендерных норм.

Введение. В современном мире происходит трансформация гендерных норм, причем наиболее активно она проявляет себя по отношению к нормам женского поведения. Существующие в общественном сознании жесткие нормативные представления, разделяющие женские и мужские качества, размываются. И если проявление «женских» качеств мужчиной, как правило, все еще осуждается, то «мужские» качества, проявляемые женщиной, все чаще находят поддержку среди окружающих. Таким образом, именно модель фемининности наиболее активно развивается и трансформируется – что, с одной стороны, способствует перспективам личностного роста женщин (так как на смену одобрения пассивности и зависимости приходит поощрение активности и самостоятельности), а с другой стороны – нередко фрустрирует их, ставя перед женщинами взаимоисключающие задачи (например, быть сильной и независимой, но слабой и нежной рядом с «настоящим» мужчиной).

Результаты сфокусированных на гендерных нормах исследований показывают, что в современном обществе существуют две основные нормативные модели женского поведения: традиционная и эгалитарная. Традиционная модель подразумевает нормальным для женщины поведение, демонстрирующее зависимость, уступчивость, пассивность; а также выраженную установку женщины на замужество и материнство, высокую значимость привлекательной внешности, стремление быть хорошей хозяйкой и готовность заботиться о близких людях. В отличие от традиционной, в эгалитарной модели женщина может обладать не только традиционными фемининными, но и традиционно считающимися маскулинными качествами (активность, уверенность в себе, независимость и др.) и реализовать их в своем поведении и деятельности. Данная модель способствует личностному развитию

женщин, так как она поощряет их деятельность, выходящую за рамки традиционных «женских» занятий [5].

СМИ часто демонстрируют стереотипный образ женщины, показывая или молодых женщин, соперничающих друг с другом за внимание со стороны мужчин и тратящих много времени на то, чтобы соответствовать современным представлениям о женской привлекательности, или замужних женщин, заботящихся о здоровье членов семьи и чистоте в доме [3; 6; 8]. Благодаря своим возможностям – таким как мультимедийность, интерактивность и гипертекстуальность – важнейшим элементом современной системы СМИ является Интернет [1]. Для анализа транслируемых в Интернете нормативных моделей женского поведения нами были выбраны форумы женских интернет-журналов, так как они содержат в себе множество высказываний современных женщин на волнующие их темы.

Программа исследования. *Цель исследования* заключалась в определении набора характеристик женщины, отражающего нормы женского поведения, присущих пользователям форумов женских интернет-журналов.

Для достижения цели были определены следующие *задачи эмпирического исследования*:

1. Осуществить контент-анализ материалов, представленных на форумах крупных женских интернет-журналов.
2. Определить набор эталонных характеристик женщины, отражающий содержание норм женского поведения, присущих участницам форумов крупных женских интернет-журналов.
3. Соотнести полученные результаты с гипотезой, сделать выводы.

Предметом исследования стали содержательные характеристики моделей женского поведения, транслируемые на форумах женских интернет-журналов.

В качестве *выборки исследования* были взяты сообщения на форумах двух крупнейших женских интернет-журналов за последние три года (2016-2018): «Cosmopolitan Россия» и «Woman.ru». Всего было рассмотрено 466 сообщений.

Нами была сформулирована следующая основная *гипотеза*: аудитория форумов женских интернет-журналов в большинстве своем придерживается эгалитарных норм женского поведения.

На основе анализа теоретических материалов по гендерной проблематике, посвященных моделям женского поведения, были выделены следующие обобщенные характеристики женского поведения (таблица 1), а также категории и подкатегории для предстоящего исследования:

Таблица 1.

Обобщенные характеристики женского поведения

Тема	Традиционные	Смешанные	Эгалитарные
Зависимость /самодостаточность в отношениях с мужчинами	Зависимая позиция в отношениях	Сочетание элементов традиционных и эгалитарных характеристик	Ориентация на равенство, сотрудничество в отношениях
Справедливое /несправедливое распределение домашних обязанностей	Домашние обязанности – обязанности женщины		Домашние обязанности справедливо распределяются между мужчиной и женщиной
Наличие/отсутствие установки на замужество	Каждая женщина должна реализовать себя как жена		Женщина может успешно самореализоваться, не став женой
Наличие/отсутствие установки на материнство	Каждая женщина должна реализовать себя как мать		Женщина может успешно самореализоваться, не став матерью
Значимость профессиональной самореализации	Отрицание значимости профессиональной самореализации в жизни женщины		Высокая значимость профессиональной самореализации в жизни женщины

В качестве метода исследования нами был выбран контент-анализ. Используя данный метод, исследователи выделяют набор смысловых единиц информации, с помощью которых можно будет выявить и оценить специфические характеристики текстов. [4]

Результаты. Для проверки нашей гипотезы мы рассмотрели сообщения, относящиеся к соответствующим категориям.

Традиционная модель женского поведения поощряет жертвенность женщины, ее умение поступаться личными интересами ради интересов мужчины, семьи (таблица 2). Такой позиции придерживаются только 4% участниц форума («Я, когда была молодая, была очень наглая, а сейчас замечаю, что вкусняшку какую-нибудь лучше мужу оставляю, даже если самой хочется»).

Таблица 2.

Соотношение высказываний в категории «зависимость/самодостаточность в отношениях с мужчинами» (в %)

Категория	Подкатегории	Традиционная модель	Смешанная модель	Эгалитарная модель
Зависимость / самодостаточность в отношениях с мужчинами	Жертвенность / личные интересы женщины	4	18	78
	Отношения/карьера	33	20	47
<u>Всего</u>		19	19	<u>62</u>

В то время как большинство – 78% – напротив, считают подобную жертвенность устаревшей и неуместной в отношениях в наше время («*Экономить на детях – не моя история. А вот муж тут вообще слева, как мне кажется... В чем-то себя ущемлять ради мужика – да никогда*»). 18% участниц, придерживающихся смешанной модели, считают жертвенность необходимой в отношениях, но только если она взаимна («*Трудно сказать, мне кажется, в семье оба жертвуют и чем-то поступаются друг ради друга*»).

В нескольких темах женщины просили совета в ситуациях выбора между карьерой и сохранением отношений. 33% участниц советовали выбрать отношения, ссылаясь на то, что отношения дарят эмоциональный комфорт, а работу, в отличие от хорошего мужчины, всегда можно найти («*Отношения, конечно! Карьера не поддержит в трудной ситуации,*»). 47% женщин, придерживаясь эгалитарной модели, советовали выбрать карьеру, так как она обеспечивает независимость и уверенность в себе («*Я за карьеру. Отношения они сегодня есть, а завтра нет. А опыт работы, полезные связи и т.п. нигде не денутся,*»). 20% участниц считают, что однозначного правильного совета в данной ситуации быть не может, и только сама женщина должна решить, что для нее важнее («*Я в свое время выбрала отношения и не жалею. Но у вас может быть по-другому. Тут нет однозначного ответа.*»).

Таким образом, во всех вышеуказанных темах данной категории большинство участниц принимают за норму эгалитарную модель поведения (62%) и поровну – традиционную и смешанную (19% и 19% соответственно).

На исследуемых форумах нередко поднималась тема об отношении к незамужним и бездетным женщинам (таблица 3).

Таблица 3.

Соотношение высказываний в категории «наличие/отсутствие установки на замужество» (в %)

Категория	Подкатегория	Традиционная модель	Смешанная модель	Эгалитарная модель
Наличие/отсутствие установки на замужество	Что бы Вы подумали о незамужней женщине?	27	9	64

27% участниц думают, что такие женщины – несчастны, или с ними что-то не так, ведь иначе они не остались бы без семьи («*Я подумала бы, что у нее трудный характер, она эгоистична, а может просто слишком требовательна к мужчинам*»). Большинство участниц – 64% – считают, что такой жизненный сценарий вполне нормален («*Подумала бы, что человек живет не по стандартной схеме. Сама ли хочет одиночества, или не получается создать семью – это уже ее личное дело*»). Смешанной модели придерживаются 9% участниц. Они придерживаются мнения, что такая ситуация нормальна для женщины, направившей все силы на карьеру. («*Если она богата и на хорошей должности, то, скорее всего, просто выбрала карьеру, а не семью – почему бы и нет. Если бедная, то мне было бы ее жаль.*»).

Традиционная модель предполагает, что ведение домашнего хозяйства – женская обязанность (таблица 4). С этим согласны 36% участниц.

Таблица 4.

Соотношение высказываний в категории справедливость / несправедливость в распределении домашних обязанностей» (в %)

Категория	Традиционная модель	Смешанная модель	Эгалитарная модель
Справедливость / несправедливость в распределении бытовых обязанностей	36	20	44

Они также считают, что создание уюта для любимого мужчины женщине должно быть в удовольствие («И чего все такие проблемы-то делают, разве сложно любимому мужчине приготовить что-то, чтоб порадовать его после работы, привести дом в порядок?»). 44% считают несправедливой традиционное разделение домашних обязанностей на ежедневные женские и редкие, единичные мужские («Я вот жила одна больше года. Сама могу шкаф пододвинуть, сама чинила проводку, так что с удовольствием махнусь с мужиком обязанностями: я три раза в год забью гвоздь, а он пусть три раза в день готовит»). Оставшиеся 20% согласны с тем, что домохозяйство по большей части входит в обязанности женщины, но при этом часть домашней работы все-таки следует разделить («Трудно сказать... Мне не трудно готовить любимому, даже приятно, и что тут такого страшного? А для стирки и посуды есть машины специальные, а уборка – вместе»).

Темы значимости профессиональной самореализации в большинстве своем раскрывались на форумах в контексте выбора между работой и отношениями, семьей, материнством (таблица 5).

Таблица 5.

Соотношение высказываний в категории «значимость профессиональной самореализации» (в %)

Категория	Подкатегория	Традиционная модель	Смешанная модель	Эгалитарная модель
Значимость профессиональной самореализации	А вы бы хотели быть домохозяйкой?	39	18	43
	Возвращение на работу из отпуска по уходу за ребенком	18	34	48
Всего		29	26	45

В обсуждениях на тему того, хотели бы участницы форума отказаться от работы и стать домохозяйками, положительные ответы принадлежали 39% («Если мне встретится мужчина, который предложит мне уйти с работы, я

тут же все брошу!»). Участниц, придерживающихся в этом вопросе смешанной и эгалитарной моделей, оказалось 18% и 43% соответственно. Первые согласились бы отказаться от профессиональной самореализации, если бы могли полностью доверять обеспечивающему мужчине, но подобная перспектива кажется им маловероятной («Если бы я была на 100% уверена в мужчине, муже, который меня обеспечивает, тогда да, с радостью. Но я в такие идеальные отношения не верю.»), вторые же считают работу и, в том числе, нахождение в рабочем коллективе, неотъемлемой частью своей жизни, от которой они ни при каких условиях не хотели бы отказываться («Ни за что не хотела бы!!! Без работы, без постоянного большого количества людей вокруг и общения с коллегами я с ума сойду»).

В обсуждениях выхода на работу после отпуска по уходу за ребенком традиционной модели придерживаются 18% участниц форумов («Если бы позволяло материальное положение, то я бы с удовольствием продолжила заниматься только ребенком»). 34% согласны с тем, что воспитание ребенка должно находиться на первом месте и с одинаковым успехом исполнять роли матери и коллеги/начальницы не получится, но в то же время не считают женщину обязанной заниматься только ребенком («Конечно, ребенок должен быть на первом месте, но если тянет тебя из дома – иди и работай, малышу будет лучше, если мама будет с ним не постоянно, но зато веселая и спокойная.»). Почти половина женщин, 48% участниц, отмечают, что возвращение на работу после отпуска по уходу за ребенком было для них радостным событием, так как женщине необходимо реализовать себя и за пределами семьи («При всей любви к ребенку я не могу дождаться возвращения на работу. Там и общение с коллективом, и денежки свои, да и как-то развиваться вне семьи считаю необходимым»).

Таким образом, в темах данной категории большинство участниц принимают за норму эгалитарную модель поведения (45%), а традиционную и смешанную - 29% и 26% соответственно.

Высказывания, относящиеся к традиционной, эгалитарной или смешанной нормативным моделям женского поведения (в зависимости от соответствия содержания сообщений характеристикам, приведенным в таблице 1), распределились следующим образом (рисунок 1):

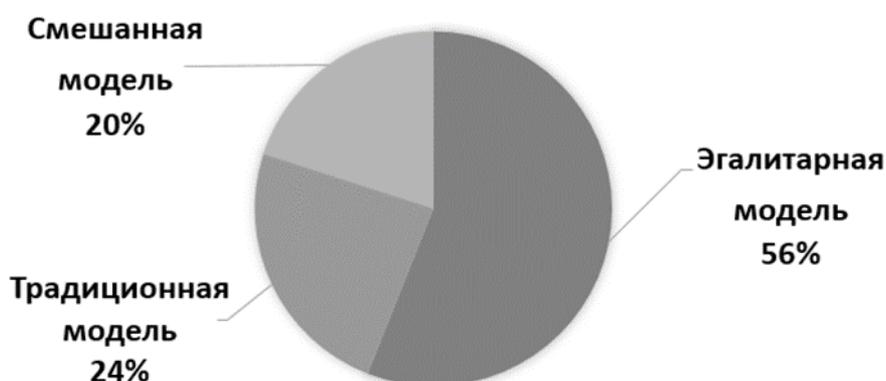

Рисунок 1. Соотношение нормативных моделей

Итак, мы обнаруживаем, что во всех категориях преобладают эгалитарные взгляды: 56%. Традиционных взглядов придерживаются 24% участниц форумов, а 20% - смешанных.

Обсуждение результатов. Данные, полученные при изучении нормативных моделей женского поведения на форумах женских интернет-журналов, согласуются с результатами других исследований представлений о нормативном поведении женщин в различных жизненных сферах. Так, например, Микляева А. В. и Румянцева П. В., исследуя представления современных женщин о материнстве, пришли к выводу о том, что существующие в обществе представления о материнстве отличаются противоречивостью и нередко предъявляют матерям требования, которые те не могут выполнить или не считают адекватными современной реальности [7]. Похожие тенденции наблюдаются и в нашем исследовании: несмотря на стереотипный и скорее соответствующий традиционной модели образ женщины, часто транслируемый СМИ, во мнениях самих женщин обнаруживается преобладание эгалитарных взглядов, стремление к независимости, желание самореализоваться в различных сферах жизни, не подстраиваясь под общественное мнение.

Выводы. Несмотря на существование исследований, доказывающих, что психологические характеристики мужчин и женщин скорее похожи, чем различны, в сознании большинства людей многие черты характера неразрывно связаны с биологическим полом человека [2]. Тем не менее, в последние десятилетия жесткие нормативные представления, разделяющие женские и мужские качества, размываются.

Так, полученные нами данные говорят о том, что преобладающей нормативной моделью женского поведения является эгалитарная: участницы форумов отмечали важность ориентации на равенство, сотрудничество в отношениях с мужчинами, справедливое распределение домашних обязанностей. Также большинством участниц не осуждались женщины, которые по каким-либо причинам не вышли замуж и не имеют ребенка. Отмечалась высокая значимость профессиональной самореализации в жизни женщины.

Большинство современных женщин в отношениях с мужчинами стремятся сохранять независимость, в том числе материальную, и профессиональная самореализация является не только актуальной, но и проблемной темой для женщин. Работающие женщины практически постоянно вынуждены совершать выбор, распределяя свои внутренние ресурсы и время таким образом, чтобы оставаться и хорошей сотрудницей, и хорошей матерью, женой. Поэтому тема профессиональной самореализации для современных женщин столь актуальна и тесно связана со сферой отношений.

Литература

1. Белинская Е. П., Психология Интернет-коммуникации: учеб. пособие. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. 192 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Ворошилова О. Н. Образ женщины в современном мире (по материалам современных российских женских журналов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5(67). 54-57 с.
4. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест, 1998. 551 с.
5. Клещина И. С., Иоффе Е. В., Гендерные нормы как культурно-исторический феномен: монография. Москва: Проспект, 2017. 144 с.
6. Маали Шади А. А. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе : диссертация. СПб., 2017. 189 с.
7. Микляева А. В., Румянцева П. В. «#Онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе// Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 67-77.
8. Павелкина Л. С. Влияние СМИ и рекламы на формирование гендерных моделей поведения // Коммуникативные исследования. 2004. № 2. С. 159-165.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ**

Сборник научных статей

Электронное издание

Под ред. Е.Н. Волковой

Оригинал-макет: А.В. Микляева

Подписано к изданию 28.06.2018. Формат 60*90/16. ООО «СВИВТ»
143960 М.О. г. Реутов, Проспект Мира, д. 43 E-mail: info@pgsv.ru, сайт
www.pgsv.ru Тел.: +7 (499) 116-30-20